

ЖАР МҮҮТҮ

ПЕРЕД НАМИ
ЗЕМЛЯ В ЗЕЛЕНЕЮЩИХ ВСХОДАХ,
МИР,
ГДЕ КАЖДАЯ ТРОПКА ЗОВЁТ НАС ВПЕРЁД.
МЫ ПРОХОДИМ СВОЙ ПУТЬ
В САПОГАХ-СКОРОХОДАХ,
ЕСТЬ И ГУСЛИ У НАС, И КОВЁР-САМОЛЁТ.

НАМ УЖ СНИТСЯ
МИРОВ ОТДАЁННЫХ СОСЕДСТВО,
ТЕХ, ЧТО СМОТРЯТ
НА ЗЕМЛЮ МИЛЛИОНАМИ ГЛАЗ.
МЫ ОТ ПРЕДКОВ СВОИХ
ПОЛУЧИЛИ В НАСЛЕДСТВО
ЖАР МЕЧТЫ:
ОСТАЛЬНОЕ ЗАВИСИТ
ОТ НАС.

Р2
Ж-84

ЖАР МЕЧТЫ

СБОРНИК СКАЗОК
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“. 1970

057

М. Торький

ГОРЯЩЕЕ
СЕРДЦЕ
ДАНКО

или на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трех сторон таборы этих людей, а с четвертой — была степь. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую

листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим.

Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, там были сильные и злые враги, другая — вперед, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днем, в сером сумраке, и еще плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днем и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они призывали к степному простору. А еще страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были все-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди все сидели и думали. Но ничто... не изнуряет тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом все громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один.

Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станет. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — все на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидели, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они.

Тогда он повел...

Повел их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем лю-

дям. Долго шли они... Все гуще становился лес, все меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то. А он шел впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и в гневе обрушились на Данко, человека, который шел впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: «Веди!» — и я повел! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повел вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их еще более.

— Ты умрешь! Ты умрешь! — ревели они.

А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску.

А лес все пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлеталась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

— Идем! — крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещаая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко все был впереди, и сердце его все пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя, и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что была горячей струей из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежды, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...

В. Маяковский

СКАЗКА О ПЕТЕ,
ТОЛСТОМ РЕБЕНКЕ,
И О СИМЕ,
КОТОРЫЙ ТОНКИЙ

или были
Сима с Петей.
Сима с Петей
были дети.
Пете 5,
а Симе — 7 —
и 12 вместе всем.

1

Петин папа
был преважным:
в доме жил пятиэтажном
и, как важный господин,
в целом доме
жил один.
Очень толстый,
очень лысый,
злее самой злющей крысы.
В лавке сладью торговал,
даром сласти не давал.
Сам себе под вечер в дом

сто пакетов нес с трудом,
а за папой,

друг за другом,
сто корзин несет прислуга.
Ест он,

с Петею деля,
мarmелад и кренделя.
Съест

и ручкой маме машет:
— Положи еще, мамаша! —
Петя

взял
варенье в вазе,
прямо в вазу мордой лазит.
Грязен он, по-моему,
как ведро с помоями.
Ест он целый день,

и глядь —
Пете некогда гулять.
С час поковыряв в носу,
спит в двенадцатом часу.
Дрянь и Петя

и родители:
общий вид их отвратителен.
Ясно

даже и ежу —
Этот Петя
был буржуй.

2

Сима

тоже
жил с отцом,
залихватским кузнецом.
Папа — сильный,
на заводе
с молотками дружбу водит.
Он в любую из минут
подымает пальцем пуд.
Папа явится под вечер,
поздоровавшись для встречи,
скажет маме:

— Ну-ка, щипай
нам с товарищем тащи! —

Кашу съев
да щи с краюшкой,
пьют чай цветастой кружкой.
У рабочих денег нету.
Симе
в редкость есть конфету.
Но зато
она и слаще,
чем для Пети
целый ящик.
Чай попив,
во весь опор
Сима с папой мчат во двор.
Симин папа
всех умнее,
все на свете он умеет.
Колесо нашел
и рад,
сделал Симе самокат.
Сима тоже деловит:
у него серьезный вид.
Хоть ручонки и тонки,
трудится вперегонки.
Из мешка,
на радость всем,
Сима сам смастачил шлем.
Красную надев звезду,
Сима всех сумел бы вздуть!
Да не хочет —
не дерется!
Друг ребячьего народца.
Сима чистый,
чище мыла.
Мылся сам,
и мама мыла.
Вид у Симы крепыша,
пышет, радостью дыша.
Ровно в восемь
Сима спит.
Спит, как надо —
не сопит.
Птицы с песней пролетали,
пели:
«Сима — пролетарий!»

Петя,
 выйдя на балкончик,
 жадно лопал сладкий пончик:
 словно дождик по трубе,
 льет варенье по губе.
 Четверней лохматых ног
 шел мохнатенький щенок.
 Сел.

Глаза на Петю вскинул:
 — Дай мне, Петя, половину!
 При моем щенячьем росте
 не угрызть мне толстой кости.
 Я сильнее прочих блюд
 эти пончики люблю.
 Да никак не купишь их:
 заработков никаких. —
 Но у Пети

грозный вид.
 Отвернуться норовит.
 Не упросишь этой злюни.
 Щен сидит,

глотаёт слюни.
 Невтерпеж,
 поднялся — скок,
 впился в пончиковый бок.

Петя,
 посинев от злости,
 отшвырнул щенка за хвостик.
 Нос

и четверо колен
 об землю в кровь расквасил щен.
 Обмочив слезами садик,
 сел щенок на битый задик.
 Из всех щенячьих сил
 нищий щен заголосил:
 — Ну и жизнь —

не пей, не жуй!
 Обижает нас буржуй.
 Выйди, зверь и птичка!
 Накажи обидчика! —
 Вдруг, откуда ни возьмись,
 сто ворон слетают вниз.

Весь оскаленный, шакал
из-за леса пришагал.
За шакалом

волочится
разужасная волчица.
А за ней,

на три версты
распустив свои хвосты,
два огромных крокодила.
Как их мама уродила?!
Ощетинивши затылки,
выставляя зубы-вилки
и подняв хвостища-плети,
подступают звери к Пете.
— Ах, жадаба!

Ах ты, злюка!
Уязви тебя гадюка!
Ах ты, злюка!

Ах, жадаба!
Чтоб тебя сожрала жаба!
Мы

тебя
сию минутку,
как поджаренную утку,
так съедим

или иначе.
Угнетатель ты зверячий! —
И шакал,

как только мог,
хвать пузана
за пупок!

Тут
на Петю
понемногу
крокодил нацелил ногу
и брыкнул,
как футболист.
— Уходи!

Катись!
Вались! —
Плохо Пете.

Петя мчит,
как мяч футбольный.

Долетел,
от шишек страшный,
аж
до Сухаревой башни.
Для принятья строгих мер —
к Пете милиционер.
Говорит он грозно Пете:
— Ты ж не на велосипеде!
Что ты скачешь, дрянный мальчик?
Ты ведь мальчик,
а не мячик.

Беспорядки!
Сущий яд —
дети этих буржуют!
Образина милая,
как твоя фамилия? —
Петя стал белей, чем гусь:
— Петр Буржуйчиков зовусь.
— Где живешь,
мальчишка гадкий?
— На Собачьевой

площадке. —
Собеседник Петю взял,
вчетверо перевязал,
затянул покрепче узел,
поплевал ему на пузо.
Грозно
вынул
страшный страж
свой чернильный карандаш,
вывел адрес без помарки.
Две
на зад
наклеил марки,
а на нос
— не зря ж торчать! —
сургучовую печать.
Сунул Петю
за щеку
почтовому ящику.
Щелка узкая в железе,
Петя толст —
пищит, да лезет.

— Уважаемый папаша,
получайте
чадо ваше!

4

Сказка сказкой,
а щенок
ковылял четверкой ног.
Ковылял щенок,
а мимо
проходил известный Сима,
получивший

от отца
что-то вроде леденца.
Щений голод видит Сима,
и ему
невыносимо.

Крикнул,
выпятивши грудь:
— Кто посмел щенка отдуть?
Объявляю

к общей гласности:
все щенята
в безопасности!

Я защитник слабого
и четверолапого. —
Взял конфету из-за щек.
— На, товарищ!

Ешь, щенок! —
Проглотил щенок

и стал
кланяться концом хвоста.
Сел на ляжечки

и вот
Симе лапу подает.

— Спасибо
от всей щенячьей души!

Люби бедняков,
богатых круши!

Узнается из конфет,
добрый мальчик

или нет.
Животные домашние —
тебе

друзья всегдашние. —
Замолчал щенок,
и тут
появляется верблюд.
Зад широкий,
морда уже,
весь из шерсти из верблюжьей.
— Я
рабочий честный скот,
вот штаны,
и куртка вот!
Чтобы их тебе принести,
сам
на брюхе
выстриг шерсть. —
А потом пришел рабочий,
взял с собою
шерсти клочья.
Чтобы шерсть была тонка,
день работал у станка.
За верблюдиной баранчик
преподносит барабанчик
собственного пузыря.
— Барабаньте, чуть заря! —
А ближайший красный мак,
цветший, как советский флаг,
не подавши даже голоса,
сам
на Симу прикололся.
У зверей
восторг на морде:
— Это
Симе красный орден! —
Смех всеобщий пять минут.
В это время,
тут как тут,
шла четверка
из ребят,
развеселых октябрят.
Ходят час,
не могут стать.
— Где нам пятого достать?
Как бы нам помножиться? —
Обернули рожицы.

Тут фигура Симины.
— Вот кто нужен именно! —
Храбрый,
 добрый,
 сильный,
 смелый!

Видно — красный,
 а не белый.
И без всяких разногласий
обратился к Симе Вася:
— Заживем пятеркой братской,
звездочкою октябрятской? —
Вася,

 Вера,
 Оля,
 Ваня
с Симой ходят, барабаня.
Щеник,

 радостью пылая,
впереди несется, лая.
Перед ними
 автобусы
рассыпаются, как бусы.
Вся милиция
 как есть
отдает отряду честь.

5

Сказка сказкою,
 а Петя
едет, как письмо, в пакете.
Ехал долго он и еле
был доставлен в две недели.
Почтальон промеж бумажками
сунул в сумку вверх тормашками.
Проработав три часа,
начал путать адреса.
Сдал, разиня из разинь,
не домой, а в магазин.
Петя,
 скисши от поста,
распечатался и встал.
Петя
 плоский, как рубли.

СРЕ

Он уже не шар,
а блин.
Воскресенье —
в лавке пусто.
Петя
вмиг приходит в чувство
и, взглянув на продовольствие,
расплывается от удовольствия.
Рот раскрыл,
слюна на нем.
— Ну, — сказал, —
с чего начнем? —
Запустил в конфеты горсти
и отправил в рот для скорости.
Ел он, ел
и еле-еле
все прикончил карамели.
Петя, переевши сласть,
начал в пасть закуски класть
и сожрал по сей причине
все колбасы и ветчины.
Худобы в помине нет,
весь налилсЯ,
как ранет.
Все консервы Петя ловкий
скушал вместе с упаковкой.
Все глотает, не жуя:
аппетит у буржуя!
Без усилий
и без боли
съел четыре пуда соли.
Так наелсЯ,
что не мог
устоять на паре ног.
Петя думает:
«Ну, что же!
Дальше
буду
кушать лежа».
Нет еды,
но он не сыт,
слопал гири и весы.
Видано ли это в мире,

чтоб ребенок
 лопал гири?!
Петя — жадности образчик;
гири хрустнули,
 как хрящик.
Пузу отдыха не дав,
вгрызся он в железный шкаф.
Шкаф сжевал
 и новый ищет...
Вздулся вербной свиницей.
С аппетитом сладу нет.
Взял губой
 велосипед —
съел колеса,
 ест педали...
Тут их только и видали!
Но не сладил Петя бедный
с шиной велосипедной.
С грустью объявляю вам:
Петя
 лопнул пополам.
Дом
 в минуту
 с места срыв,
загремел ужасный взрыв.
Люди прыгают, дрожа.
«Это, — думают, — пожар!»
От велика до мала
все звонят в колокола.
Вся в сигналах каланча,
все насосы волочат.
Подымая тучи пыли,
носятся автомобили.
Кони десяти мастей.
Сбор пожарных всех частей.
Впереди
 на видном месте
вскачь несется сам брандмейстер.

6

Сказка сказкою,
 а Сима
ходит городом
 и мимо.

Вместе с Симою в ряд
весь отряд октябрят.
Все живут в отряде дружно,
каждый делает что нужно, —
как товарищ,

если туго,
каждый
выручит друг друга.

Радуется публика —
детская республика.
Воскресенье.

Сима рад,
за город ведет отряд.
В небе флаг полощется,
дети вышли в рощицу.
Дети сели на лужок,
надо завтракать ужю.
Сима, к выдумкам востер,
в пять минут разжег костер.
Только уголь заалел,
стал картошку печь в золе.
Почернел картошкин бок.
Сима вынул,

крикнул:

— Спек! —

Но печален голос Оли:

— Есть картошка,

нету соли. —

Плохо детям,

хоть кричи,
приуныли, как грачи.

Вдруг

раздался страшный гром.

Дети

стихли впятером.

Луг и роща в панике.

Тут к ногам компанийки

в двух мешках упала соль —

ешь, компания, изволь!

Вслед за солью

с неба

градом

монпасье

с доставкой на дом.

**Льет и сыплет,
 к общей радости,
булки всякие
 и сладости.
Смех средь маленького люда:
— Вот так чудо!**

Чудо-юдо!
Нет,
не чудо это, дети,
а — из лопнувшего Пети.
Все, что лопал Петя толстый,
рассыпается на версты.
Ливнем льет
и валит валом —
так беднягу разорвало.
Масса хлеба,
сласти масса —

и сосиски,
и колбасы!
Сели дети,
и отряд
съел с восторгом все подряд.
Пир горою и щенку:
съест
и вновь набьет щеку
кожицею от колбаски.
Кончен пир —
конец и сказке.

Сказка сказкою,
а вы вот
сделайте из сказки вывод.
Полюбите, дети, труд —
как написано тут.
Защищайте

всех, кто слаб,
от буржуевых лап.
Вот и вырастете
истыми
Силачами-коммунистами.

А. Тайдар

**СКАЗКА
О ВОЕННОЙ ТАИНЕ,
О МАЛЬЧИШЕ-
КИБАЛЬЧИШЕ
И ЕГО ТВЕРДОМ СЛОВЕ**

Р

ассказки, Натка, сказку, — попросила си-неглазая девчурка и виновато улыбнулась.

— Сказку? — задумалась Натка. — Я что-то не знаю сказок. Или нет... Я расскажу вам Алькину сказку. Можно? — спросила она у насторожившегося Альки.

— Можно, — позволил Алька, горделиво поглядывая на притихших октябрят.

— Я расскажу Алькину сказку своими словами. А если я что-нибудь позабыла или скажу не так, то пусть он меня поправит. Ну вот, слушайте!

«В те дальние-дальние годы, когда только что отгремела по всей стране война, жил да был Мальчиш-Кибальчиш.

В ту пору далеко прогнала Красная Армия белые войска проклятых буржуинов, и тихо стало на тех широких полях, на зеленых лугах, где рожь росла, где гречиха цвела, где среди густых садов да вишневых кустов стоял домишко, в котором жил Мальчиш, по прозвищу Кибальчиш, да отец Мальчиша, да старший брат Мальчиша, а матери у них не было.

Отец работает — сено косит. Брат работает — сено возит. Да и сам Мальчиш то отцу, то брату помогает или просто с другими мальчишами прыгает да балуется.

Гоп!.. Гоп!.. Хорошо! Не визжат пули, не грохают снаряды, не горят деревни. Не надо от пуль на пол ложиться, не надо от снарядов в погреба прятаться, не надо от пожаров в лес бежать. Нечего буржуинов бояться. Некому в пояс кланяться. Живи да работай — хорошая жизнь!

Вот однажды — дело к вечеру — вышел Мальчиш-Кибальчиш на крыльцо. Смотрит он — небо ясное, ветер теплый, солнце к ночи за Черные горы садится. И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Слышится Мальчишу, будто то ли что-то гремит, то ли что-то стучит. Чудится Мальчишу, будто пахнет ветер не цветами с садов, не медом с лугов, а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов. Сказал он отцу, а отец усталый пришел.

— Что ты? — говорит он Мальчишу. — Это дальние грозы гремят за Черными горами. Это пастухи дымят кострами за Синей рекой, стада пасут да ужин варят. Иди, Мальчиш, и спи спокойно.

Ушел Мальчиш. Лег спать. Но не спится ему — ну, никак не засыпается.

Вдруг слышит он на улице топот, у окон — стук. Глянул Мальчиш-Кибальчиш, и видит он: стоит у окна всадник. Конь — вороной, сабля — светлая, папаха — серая, а звезда — красная.

— Эй, вставайте! — крикнул всадник. — Пришла беда, откуда не ждали. Напал на нас из-за Черных гор проклятый буржуин. Опять уже свистят пули, опять уже рвутся снаряды. Бьются с буржуинами наши отряды, и мчатся гонцы звать на помощь далекую Красную Армию.

Так сказал эти тревожные слова красноезвездный всадник и умчался прочь. А отец Мальчиша подошел к стене, снял винтовку, закинул сумку и надел патронташ.

— Что же, — говорит старшему сыну, — я рожь густо сеял — видно, убирать тебе много придется. Что же, — говорит он Мальчишу, — я жизнь круто прожил, и пожить за меня хорошо, видно, тебе, Мальчиш, придется.

Так сказал он, крепко поцеловал Мальчиша и ушел. А много ему расцеловываться некогда было, потому что теперь уже всем и видно и слышно было, как гудят за лугами взрывы и горят за горами зори от зарева дымных пожаров...

— Так я говорю, Алька? — спросила Натка, оглядывая притихших ребят.

— Так... так, Натка, — тихо ответил Алька и положил свою руку на ее загорелое плечо.

— «Ну вот... День проходит, два проходит. Выйдет Мальчиш на крыльцо: нет... не видать еще Красной Армии. Залезет Мальчиш на крышу. Весь день с крыши не слезает. Нет, не видать. Лег он к ночи спать. Вдруг слышит он на улице топот, у окошка — стук. Выглянул Мальчиш: стоит у окна тот же всадник. Только конь худой да усталый, только сабля погнутая, темная, только папаха простреленная, звезда разрубленная, а голова повязанная.

— Эй, вставайте! — крикнул всадник. — Было полбеда, а теперь кругом беда. Много буржуинов, да мало наших. В поле пули тучами, по отрядам снаряды тысячами. Эй, вставайте, давайте подмогу!

Встал тогда старший брат, сказал Мальчишу:

— Прощай, Мальчиш... Остаешься ты один. Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, а голова на плечах... Живи как сумеешь, а меня не дожидайся.

День проходит, два проходит. Сидит Мальчиш у трубы на крыше, и видит Мальчиш, как скачет издалека незнакомый всадник.

Доскакал всадник до Мальчиша, спрыгнул с коня и говорит:

— Дай мне, хороший Мальчиш, воды напиться. Я три дня не пил, три ночи не спал, три коня загнал. Узнала Красная Армия про нашу беду. Затрубили трубачи во все сигнальные трубы. Забили барабанщики во все громкие барабаны. Развернули знаменосцы боевые знамена. МчитсЯ и скачет на помощь вся Красная Армия. Только бы нам, Мальчиш, до завтрашней ночи продержаться.

Слез Мальчиш с крыши, принес напиться. Напился гонец и поскакал дальше.

Вот приходит вечер, и лег Мальчиш спать. Но не спится Мальчишу, — ну какой тут сон?

Вдруг он слышит на улице шаги, у окошка — шорох. Глянул Мальчиш и видит: стоит у окна все тот же человек. Тот, да не тот: и коня нет — пропал конь, и сабли нет — сломалась сабля, и папахи нет — слетела папаха, да и сам-то стоит — шатается.

— Эй, вставайте! — закричал он в последний раз. — И снаряды есть, да стрелки побиты. И винтовки есть, да бойцов мало. И помощь близка, да силы нету. Эй, вставайте, кто еще остался! Только бы нам ночь простоять да день продержаться!

Глянул Мальчиш-Кибальчиш на улицу: пустая улица. Не хлопают

ставни, не скрипят ворота — некому вставать. И отцы ушли, и братья ушли — никого не осталось.

Только видит Мальчиш, что вышел из ворот один старый дед во сто лет. Хотел дед винтовку поднять, да такой он старый, что не поднимет. Хотел дед саблю нацепить, да такой он слабый, что не нацепит. Сел тогда дед на завалинку, опустил голову и заплакал...

— Так я говорю, Алька? — спросила Натка, чтобы перевести дух, и оглянулась.

Уже не одни октябрята слушали эту Алькину сказку.

Кто его знает когда, подползло бесшумно все пионерское Иоськино звено. И даже башкирка Эмине, которая едва понимала по-русски сидела задумавшаяся и серьезная. Даже озорной Владик, который лежал поодаль, делая вид, что он не слушает, на самом деле слушал, потому что лежал тихо, ни с кем не разговаривая и никого не задевая.

— Так, Натка, так... Еще лучше, чем так, — ответил Алька, подвигаясь к ней еще поближе.

— «Ну, вот... Сел на завалинку старый дед, опустил голову и заплакал.

Больно тогда Мальчишу стало. Вскочил тогда Мальчиш-Кибальчиш на улицу и громко-громко крикнул:

— Эй же вы, мальчиши, мальчиши-малыши! Или нам, мальчишам, только в палки играть да в скакалки скакать? И отцы ушли, и братья ушли. Или нам, мальчишам, сидеть дожидаться, чтоб буржуины пришли и забрали нас в свое проклятое буржуинство?

Как услышали такие слова мальчиши-малыши, как заорут они на все голоса! Кто в дверь выбегает, кто в окно вылезает, кто через плетень скачет.

Все хотят идти на подмогу. Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство. Но такой был хитрый этот Плохиш, что никому ничего он не сказал, а подтянул штаны и помчался вместе со всеми, как будто бы на подмогу.

Бьются мальчиши от темной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьется, а все ходит да высматривает, как бы это буржуинам помочь. И видит Плохиш, что лежит за горкой громада ящиков, а спрятаны в тех ящиках черные бомбы, белые снаряды да желтые патроны, «Эге, — подумал Плохиш, — вот это мне и нужно».

А в это время спрашивает Главный Буржуин у своих буржуинов:

— Ну что, буржуины, добились вы победы?

— Нет, Главный Буржуин, — отвечают буржуины, — мы отцов и братьев разбили, и совсем была наша победа, да примчался к нам на подмогу Мальчиш-Кибальчиш, и никак мы с ним все еще не справимся.

Очень удивился и рассердился тогда Главный Буржуин, закричал он грозным голосом:

— Может ли быть, чтобы не справились с Мальчишем? Ах вы, негодные трусищи-буржуищи! Как это вы не можете разбить такого маловатого? Скачите скорей и не возвращайтесь назад без победы.

Вот сидят буржуины и думают: что же это такое им сделать? Вдруг видят: вылезает из-за кустов Мальчиш-Плохиш и прямо к ним.

— Радуйтесь! — кричит он им. — Это все я, Плохиш, сделал. Я дрова нарубил, я сена натащил, и зажег я все ящики с черными бомбами, с белыми снарядами да с желтыми патронами. То-то сейчас грохнет!

Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в свое буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья.

Сидит Мальчиш-Плохиш, жрет и радуется.

Вдруг как взорвались зажженные ящики! И так грохнуло, будто бы тысячи громов в одном месте ударили и тысячи молний из одной тучи сверкнули.

— Измена! — крикнул Мальчиш-Кибальчиш.

— Измена! — крикнули все его верные мальчиши.

Но тут из-за дыма и огня налетела буржуинская сила, и скрутила, и схватила она Мальчиша-Кибальчиша.

Заковали Мальчиша в тяжелые цепи. Посадили Мальчиша в каменную башню. И помчались спрашивать: что же с пленным Мальчишем прикажет теперь Главный Буржуин делать?

Долго думал Главный Буржуин, а потом придумал и сказал:

— Мы погубим этого Мальчиша. Но пусть он сначала расскажет нам всю их Военную Тайну. Вы идите, буржуины, и спросите у него:

— Отчего, Мальчиш, бились с Красной Армией Сорок Царей да Сорок Королей, бились, бились, да только сами разбились?

— Отчего, Мальчиш, и все тюрьмы полны, и все каторги забиты, и все жандармы на углах, и все войска на ногах, а нет нам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь?

— Отчего, Мальчиш, проклятый Кибальчиш, и в моем Высоком Буржуинстве, и в другом — Равнинном Королевстве, и в третьем — Снежном Царстве, и в четвертом — Знойном Государстве в тот же день в раннюю весну и в тот же день в позднюю осень на разных языках, но те же песни поют, в разных руках, но те же знамена несут, те же речи говорят, то же думают и то же делают?

Вы спросите, буржуины:

— Нет ли, Мальчиш, у Красной Армии военного секрета?

И пусть он расскажет секрет.

— Нет ли у наших рабочих чужой помощи?

И пусть он расскажет, откуда помощь.

— Нет ли, Мальчиш, тайного хода из вашей страны во все другие страны, по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются?

Ушли буржуины, да скоро назад вернулись:

— Нет, Главный Буржуин, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Военной Тайны. Рассмеялся он нам в лицо.

— Есть, — говорит он, — и могучий секрет у крепкой Красной Армии. И, когда б вы ни напали, не будет вам победы.

— Есть, — говорит, — и неисчислимая помощь, и, сколько бы вы в тюрьмы ни кидали, все равно не перекидаете, и не будет вам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь.

— Есть, — говорит, — и глубокие тайные ходы. Но, сколько бы вы ни искали, все равно не найдете. А и нашли бы, так не завалите, не заложите, не засыплете. А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться.

Нахмурился тогда Главный Буржуин и говорит:

— Сделайте же, буржуины, этому скрытному Мальчишу-Кибальчишу самую страшную Муку, какая только есть на свете, и выпытайте от него Военную Тайну, потому что не будет нам ни житья, ни покоя без этой важной Тайны.

Ушли буржуины, а вернулись теперь они не скоро. Идут и головами покачивают.

— Нет, — говорят они, — начальник наш Главный Буржуин. Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый, и не сказал он нам Военной Тайны, потому что такое уж у него твердое слово. А когда мы уходили, то опустил он на пол, приложил ухо к тяжелому камню холодного пола, и, ты поверишь ли, о Главный Буржуин, улыбнулся он так, что вздрогнули мы, буржуины, и страшно нам стало, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминуемая гибель?..»

— Это не по тайным... это Красная Армия скачет! — восторженно крикнул не вытерпевший октябренек Карасиков.

И он так воинственно взмахнул рукой с воображаемой саблей, что та самая девочка, которая еще недавно, подскакивая на одной ноге, безбоязненно дразнила его «Карасик-ругасик», недовольно взглянула на него и на всякий случай отодвинулась подальше. Тут Натка оборвала рассказ, потому что издали раздался сигнал к обеду.

— Досказывай! — повелительно приказал Алька, сердито заглядывая ей в лицо.

— Досказывай! — убедительно произнес раскрасневшийся Иоська. — Мы за это быстро пострويمся.

Натка оглянулась. Никто из ребятишек не поднимался. Она увидела много-много ребячьих голов — белокурых, темных, каштановых, золотоволосых. Отовсюду на нее смотрели глаза: большие, карие, как у Альки; ясные, васильковые, как у той синеглазой, что попросила сказку; узкие, черные, как у Эмине. Много-много других глаз — обыкновенно веселых и озорных, а сейчас задумчивых и серьезных.

— Хорошо, ребята, я доскажу.

«...И стало нам страшно, Главный Буржуин, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминуемая погибель?

— Что же это за страна? — воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. — Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово? Торопитесь же, буржуины, и погубите этого гордого Мальчиша. Заряжайте же пушки, вынимайте сабли, раскрывайте наши буржуинские знамена, потому что слышу я, как трубят тревогу наши сигнальщики и машут флагами наши махальщики. Видно, будет у нас сейчас не легкий бой, а тяжелая битва.

И погиб Мальчиш-Кибальчиш...» — произнесла Натка.

При этих неожиданных словах лицо у октябренка Карасикова сделалось вдруг печальным, растерянным, и он уже не махал рукой. Синеглазая девчурка нахмурилась, а веснушчатое лицо Иоськи стало злым, как будто его только что обманули или обидели. Ребята заворочались, зашептались, и только Алька, который знал уже эту сказку, один сидел спокойно.

— «Но... видели ли вы, ребята, бурю? — громко спросила Натка, оглядывая приумолкших ребят. — Вот так же, как громы, загремели и боевые орудия; так же, как молнии, засверкали огненные взрывы; так же, как ветры, ворвались конные отряды и так же, как тучи, пронесли красные знамена. Это так наступала Красная Армия.

А видели ли вы проливные грозы в сухое и знойное лето? Вот так же, как ручьи, сбегая с пыльных гор, сливались в бурливые, пенистые потоки, так же при первом грохоте войны забурили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства.

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной.

А Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зеленом бугре у Синей реки. И поставили над могилой большой красный флаг.

**Плывут пароходы — привет Мальчишу!
Пролетают летчики — привет Мальчишу!
Пробегут паровозы — привет Мальчишу!
А пройдут пионеры — салют Мальчишу!»**

Вот вам, ребята, и вся сказка.

К. Чуковский

КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ

олнце по небу гуляло
И за тучу забежало.
Глянул зайнька в окно,
Стало зайньке темно.

А сороки-
Белобоки
Поскакали по полям,
Закричали журавлям:
«Горе! Горе! Крокодил
Солнце в небе проглотил!»

Наступила темнота,
Не ходи за ворота;
Кто на улицу попал —
Заблудился и пропал.

Плачет серый воробей:
«Выйди, солнышко, скорей!
Нам без солнышка обидно —
В поле зернышка не видно!»

Плачут зайки
На лужайке:
Сбились, бедные, с пути,
Им до дому не дойти.

Только раки пучеглазые
По земле во мраке лазают,
Да в овраге за горою
Волки бешеные воют.

Рано-рано
Два барана
Застучали в ворота:
Тра-та-та и тра-та-та!

«Эй вы, звери, выходите,
Крокодила победите,
Чтобы жадный Крокодил
Солнце в небо воротил!»

Но мохнатые боятся:
«Где нам с таким сражаться!
Он и грозен, и зубаст,
Он нам солнца не отдаст!»

И бегут они к Медведю в берлогу:
«Выходи-ка ты, Медведь, на подмогу.
Полно лапу тебе, лодырю, сосать,
Надо солнышко идти выручать!»

Но Медведю воевать неохота:
Ходит-ходит он, Медведь, круг болота.
Он и плачет, Медведь, и ревет,
Медвежат из болота зовет:
«Ой, куда вы, толстопятые, сгнули?
На кого вы меня, старого, кинули?»

А в болоте Медведица рыщет,
Медвежат под корягами ищет:
«Куда вы, куда вы пропали?
Или в канаву упали?
Или шальные собаки
Вас разорвали во мраке?»

И весь день она по лесу бродит,
Но нигде медвежат не находит.
Только черные совы из чащи
На нее свои очи таращат.

Тут Зайчиха выходила
И Медведю говорила:

«Стыдно старому реветь,
Ты не заяц, а медведь.
Ты поди-ка, косолапый,
Крокодила исцарапай,
Разорви его на части,
Вырви солнышко из пасти.
И когда оно опять
Будет на небе сиять,
Малыши твои мохнатые,
Медвежата толстопые,
Сами к дому прибегут:
«Здравствуй, дедушка, мы тут!»

И встал
Медведь,
Зарычал
Медведь,
И к Большой Реке
Побежал
Медведь.

А в Большой Реке
Крокодил
Лежит,
И в зубах его
Не огонь горит —
Солнце красное,
Солнце краденое.

Подошел Медведь тихонько,
Толкнул его легонько:
«Говорю тебе, злодей,
Выплюнь солнышко скорей!
А не то, гляди, поймаю,
Пополам переломаю, —

Будешь ты, невежа, знать,
Наше солнце воровать!
Пропадает целый свет,
А тебе и горя нет!»
Но бессовестный смеется,
Так что дерево трясется:
«Если только захочу,
И луну я проглочу!»

Не стерпел
Медведь,
Заревел
Медведь,
И на злого врага
Налетел
Медведь.
Уж он мял его
И ломал его:
«Подавай сюда
Наше солнышко!»

Испугался Крокодил,
Завопил, заголосил.
А из пасти
Из зубастой
Солнце вывалилось,
В небо выкатилось!

Побежало по кустам,
По березовым листам,
Здравствуй, солнце золотое!
Здравствуй, небо голубое!

Стали пташки щебетать,
За букашками летать,

Стали зайки
На лужайке
Кувыркаться и скакать.
И глядите: медвежата,
Как веселые котята,
Прямо к дедушке мохнатому,
Толстопятые, бегут:
«Здравствуй, дедушка, мы тут!»

Рады зайчики и белочки,
Рады мальчики и девочки,
Обнимают и целуют косолапого:
«Ну, спасибо тебе, дедушка,
за солнышко!»

A stylized illustration of an ant on a pink leaf. The ant is black with long legs and antennae. The leaf is pink with a large red letter 'З' on it. The background is blue and white, suggesting a sky or water.

В. Бианки

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРАВЬИШКИ

З

алез Муравей на березу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко — и вниз».

У муравьев ведь строго: только солнышко на закат, — все домой бегут. Сядет солнце, — муравьи все ходы и выходы закроют — и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: желтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несется листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается — чуть жив от страха.

Занес ветер листок на луг за деревней, да там и бросил. Листок упал на камень. Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

«Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров — сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк червяком, только спереди — ножки и сзади — ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

— Землемер, Землемер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— А кусаться не будешь?

— Кусаться не буду.

— Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост — к голове. Потом вдруг встал во весь рост, да так и лег на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нем росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошел, так и пошел землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

— Не могу больше! — кричит. — Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги, как ходули, между ног голова качается.

— Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идет Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

— Слезай, — говорит. — Вот Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

— Жужелка, Жужелка, снеси меня домой. У меня ножки болят

— Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать. Ноги у нее ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясет, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай, — говорит Жужелица. — Не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки — лес густой. Тут и с здоровыми ногами — целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка — пищит кто-то:

— А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся Муравьишка — стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки — а они у него как пружинки складные — да щелк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щелк! — на другой. Щелк! — на третьей.

Так весь огород и отщелкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

— Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечiku на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

— Стоп! — сказал Кузнечик. — Приехали.

Муравьишка глядит вперед, а там река: год по ней плыви — не переплывешь.

А солнце еще ниже.

Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить. Очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь — бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

— Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху. А солнце уж совсем низко.

— Миленький, шибче! — просит Муравьишка. — Меня домой не пустят.

— Можно и пошибче, — говорит Водомер.

Да как припустит. Оттолкнется, оттолкнется ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спрашивает Муравьишка.

— По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка, впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперед и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

— Гляди, — говорит Водомер, — вот тебе и конь ползет.

Видит Муравьишка: ползет мимо Майский Хрущ — тяжелый жук, неуклюжий жук.

Разве на таком коне далеко ускачешь?

Все-таки послушался Водомера.

— Хрущ, Хрущ, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А ты где живешь?

— В муравейнике за лесом.

— Далеконько... Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полз Муравьишка по жесткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жестких крыла приподнял.

Крылья у Жука точно два перевернутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф, уф, уф!» Будто мотор заводит.

— Дяденька, — просит Муравьишка, — поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

— Уф, уф, уф!

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. Жжж! Тук-тук-тук!.. Поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх — выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ — у Муравьишки даже дух захватило.

Жжж! Тук-тук-тук! — несется Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес — и пропал.

А вот и береза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной березы выключил Жук мотор — и шлеп! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился Муравьишка. — А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею ломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жесткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься, — не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там под самой березой его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница-Листовертка сидит, шелковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минута осталась, — не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на нее да как куснет!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа — и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит — крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то сверху — дерг!

И закачались они оба на шелковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовертке, как на качелях. А ниточка все длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовертки из брюшка, тянется, не рвется.

Муравьишка с Листоверткой все ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопчут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли — один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк — и домой!

Тут и солнышко зашло.

The illustration on the left side of the page depicts a red brick building with a prominent spire topped by a red star. The building is set against a warm, orange-yellow sky. In the foreground, a dark, rocky landscape is shown with two silhouetted figures walking. One figure is carrying a large bundle on their back, and the other is holding a long staff or pole. The overall style is that of a mid-20th-century Soviet children's book illustration.

П. Бажов

СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

П

ротив нашей Ильменской каменной кладовухи, конечно, по всей земле места не найдешь. Тут и спорить нечего, потому — на всяких языках про это записано: в Ильменских горах камни со всего света лежат.

Такое место, понятно, мимо ленинского глаза никак пройти не могло. В 20-м году Владимир Ильич самочинным декретом объявил здешние места заповедными. Чтоб, значит, промышленников и хитников всяких по загравку, а сберегать эти горы для научности, на предбудущие времена.

Дело будто простое. Известно, ленинский глаз не то что по земле, под землей видел. Ну, и эти горы предусмотрел. Только наши старики горщики все-таки этому не совсем верят. Не может, дескать, так быть. Война тогда на полную силу шла... Без случая это дело не прошло. И по-своему рассказывают так.

Жили два артельных брата: Максим Вахоня да Садык Узеев, по прозвищу Сандугач. Один, значит, русский, другой из башкирцев, а дело у них одно — с малых лет по приискам да рудникам колотились, и всегда вместе. Большая, рассказывают, между ними дружба велась, на удивленье людям. А сами друг на дружку нисколько не походили. Вахоня мужик тяжелый, борода до пупа, плечи ровно с подставышем, кулак — глядеть страшно, нога медвежья, и разговор густой, буторовый*. Потихоньку загудит, и то мух в сторону на полсажени относит, а характеру мягкого. По пьяному делу, когда какой заноза раздражит, так только пригрозит:

— Отойди, парень, от греха! Как бы я тебя ненароком не стукнул.

Садык ростом не вышел, из себя тончавый, вместо бороденки семь волосков, и те не на месте, а жилу имел крепкую. Забойщик, можно сказать, тоже первой статьи. Бывает ведь так-то. Ровно и поглядеть не на кого, а в работе податен. Характера был веселого. Попеть, и поплясать, и на курае** подудеть большой охотник. Недаром ему прозвище дали Сандугач, по-нашему соловей.

Вот эти Максим Вахоня да Садык Сандугач и сошлись в житье на одной тропе. Не все, конечно, на казну да хозяев добывали. Бывало, и сам-друг пески перелопачивали, — свою долю искали. Случалось и находили, да в карманах не залеживалось. Известно, старательскому счастью одна дорога была показана. Прогуляют все, как полагается, и опять на работу, только куда-нибудь на новое место: там, может, веселее.

Оба бессемейные, что им на одном месте сидеть! Собрали котомки, инструмент прихватили — и айда.

Вахоня гудит:

— Пойдем поглядим, в коем месте люди хорошо живут.

Садык веселенько шагает да посмеивается:

— Шагай, Максимка, шагай! Новым мистам золотой писок сама рукам и липнет. Дарогой каминь барадам скачит. Один раз твой барада полпуда станит.

— У тебя, небось, ни один не задержится, — отшучивался Вахоня и лешачиным обычаем гоготал: — Хо-хо-хо!

* Буторовый — бутура — пустомеля, пустоцвет, враль, болтун.

** Курай — башкирская дудка, сопелка.

Так вот и жили два артельных брата. Хлебнули сладкого досыта: Садык в работе правый глаз потерял, Вахоня на левое ухо совсем не слышал.

На Ильменских горах они, конечно, не раз бывали.

Как гражданская война началась, оба старика в этих же местах оказались. По горняцкому положению, конечно, оба по винтовке взяли и пошли воевать за Советскую власть. Потом, как Колчака в Сибирь отогнали, политрук и говорит:

— Пламенное, дескать, вам спасибо, товарищи-старики, от лица Советской власти, а только теперь как вы есть инвалиды подземного труда, подавайтесь на трудовой фронт. К тому же, — говорит, — фронтовую видимость нарушаете, как один кривой, а другой глухой.

Старикам это обидно, а что поделаешь? Правильно политрук сказал — надо поглядеть, что на приисках делается. Пошли сразу к Ильменям, а там народу порядком набилось, и все хита* самая последняя. Этой ничего не жаль, лишь бы рублей побольше зашибить. Все ямы, шахты живо засыплет, коли выгодно покажется. За хитой, понятно, купец стоит, только себя не оказывает, прячется. Заподумывали наши старики — как быть? Сбегали в Миасс, в Златоуст, обсказали, а толку не выходит. Отмахиваются:

— Не до этого теперь, да и на то главки есть.

Стали спрашивать про эти главки, в голове муть пошла. По медному делу — одна главка, по золотому — другая, по каменному — третья. А как быть, коли на Ильменских горах все есть. Старики тогда и порешили:

— Подадимся до самого товарища Ленина. Он, небось, найдет время.

Стали собираться, только тут у стариков рассорка случилась. Вахоня говорит: для показу надо брать один дорогой камень, который в огранку принимают. Ну и золотой песок тоже. А Садык свое заладил: всякого камня образец взять, потому дело научное. Спорили, спорили, на том договорились: каждый соберет свой мешок, как ему лучше кажется.

Вахоня расстарался насчет цирконов** да фенакитов. В Кочкарь сбегал, спроворил там эвклазиков синеньких да розовых топазиков. Золотого песку тоже. Мешочек у него аккуратный вышел, и камень все — самоцвет. А Садык наворотил, что и поднять не в силах. Вахоня грохочет:

— Хо-хо-хо! Ты бы все горы в мешок забил! Разберись, дескать, товарищ Ленин, которое к делу, которое никому не надо.

Садык на это в обиде.

* Хита — самые последние люди.

** Циркон, фенакит, эвклаз, топаз — местные уральские названия драгоценных камней.

— Глупый, — говорит, — ты, Максимка, человек, коли так бачку Ленина понимаешь. Ему научность надо, а базарная цена камню — наплевать.

Поехали в Москву. Без ошибки в дороге, конечно, не обошлось. В одном месте Вахоня от поезда отстал. Садык хоть и в сердцах на него был, сильно запечалился, захворал даже. Как-никак всегда вместе были, а тут при таком важном деле разлучились. И с двумя мешками камней одному хлопотно. Ходят, спрашивают, не соль ли в мешках для спекуляции везешь? А как покажешь камни, сейчас пойдут распросы, к чему такие камни, для личного обогащения али для музея какого?

Одним словом, беспокойство.

Вахоня все-таки как-то исхитрился, догнал поезд под самой Москвой. До того друг другу обрадовались, что всю вагонную публику до слез насмешили: обниматься стали. Потом опять о камнях заспорили, который мешок нужнее, только уж помягче, с шуткой. Как к Москве подъезжать стали, Вахоня и говорит:

— Я твой мешок таскать буду. Мне сподручнее и не столь смешно. Ты поменьше, и мешок у тебя будет поменьше. Москва, поди-ко, а не Миасс! Тут порядок требуется.

Первую ночь, понятно, на вокзале перебились, а с утра пошли по Москве товарища Ленина искать. Скоренько нашли и прямо в Совнарком с мешками ввалились. Там спрашивают, что за люди, откуда, по какому делу.

Садык отвечает:

— Бачка Ленин желаим каминь казать.

Вахоня тут же гудит:

— Места богатые. От хиты ухранить надо. Дома толку не добились. Беспременно товарища Ленина видеть требуется.

Ну, провели их к Владимиру Ильичу. Стали они дело обсказывать, торопятся, друг дружку перебивают.

Владимир Ильич послушал, послушал и говорит:

— Давайте, други, поодиночке. Дело, гляжу, у вас государственное, его понять надо.

Тут Вахоня, откуда и прыть взялась, давай свои дорогие камешки выкладывать, а сам гудит: из такой ямы, из такой шахты камень взял, и сколько он на рубли стоит.

Владимир Ильич и спрашивает:

— Куда эти камни идут?

Вахоня отвечает — для украшения больше. Ну, там перстни, серьги, буски и всякая такая штука. Владимир Ильич задумался, полюбовался маленько камешками и сказал:

— С этим погодить можно.

Тут очередь до Садыка дошла.

Развязал он свой мешок и давай камни на стол выбрасывать, а сам приговаривает:

— Амазон-каминь, калумбит-каминь, лабрадор-каминь...

Владимир Ильич удивился:

— У вас, смотрю, из разных стран камни.

— Так, бачка Ленин! Правда говоришь. Со всякой стороны каминь сбежался. Каменный мозга каминь, и тот есть. В Еремеевской яме солнечный каминь находили.

Владимир Ильич тут улыбнулся и говорит:

— Каменный мозг нам, пожалуй, ни к чему. Этого добра и без горы найдется. А вот солнечный камень нам нужен. Веселее с ним жить.

Садык слышит этот разговор и дальше старается:

— Потому, бачка Ленин, наш каминь хорош, что его солнышком крепко прогревает. В том месте горы поворот дают и в степь выходят.

— Это, — говорит Владимир Ильич, — всего дороже, что горы к солнышку повернулись и от степи не отгораживают.

Тут Владимир Ильич позвонил и велел все камни переписать и самый строгий декрет изготовить, чтоб на Ильменских горах всю хиту прекратить и место это заповедным сделать. Потом поднялся на ноги и говорит:

— Спасибо вам, старики, за заботу. Большое вы дело сделали! Государственное! — И руки им, понимаешь, пожал.

Ну те, понятно, вне ума стоят. У Вахони вся борода слезами, как росой, покрылась, а Садык бородашкой трясет да приговаривает:

— Ай, бачка Ленин! Ай, бачка Ленин!

Тут Владимир Ильич написал записку, чтоб определить стариков сторожами в заповедник и пенсии им назначить.

Только наши старики так и не доехали до дому. По дорогам в ту пору, известно, как возили. Поехали в одно место, а угадали в другое. Война там, видно, кипела и, хотя один был глухой, а другой кривой, оба снова воевать пошли.

С той поры об этих стариках и слуху не было, а декрет о заповеднике вскорости пришел. Теперь этот заповедник Ленинским зовется.

А. Митяев

МУРАВЕЙ И КОСМОНАВТ

мурашка, молодой рыжий муравей, жил в муравейнике под плетнем. По одну сторону плетня была бахча, по другую — дорога. На рассвете по дороге ездил машина-молоковоз. Машина была тяжелая. Когда она ехала, весь муравьиный дом дрожал. Мурашка любил поспать, да как спать, если стены дома ходят ходуном! И он вставал раньше солнышка, протирал лапками глаза, подпоясывался потуже и бежал на работу.

Работа у него была самая обычная: он ловил гусениц под березкой и доставлял их в кладовку.

Однажды Мурашка прибежал к березе и присел передохнуть. Он сидел и все поглядывал вверх — не качается ли на шелковой ниточке зеленая гусеница? Гусеница не качалась. Зато увидел Мурашка, как с неба падает огромное солнце.

Мурашка испугался, что солнце сожжет его, хотел броситься наутек. И убежал бы, да заметил в середине солнца человека. Мурашка сразу узнал его по комбинезону и шлему. Это Космонавт опускался с оранжевым парашютом.

Космонавт приземлился, отстегнул ремни парашюта, снял шлем, подошел к березе.

— Здравствуй, береза! — сказал он, взял в руку ветку и поцеловал листья на ней.

Мурашке это не понравилось. Подумать только, здороваться с березой, когда тут есть муравей! «Просто он меня не видит», — подумал Мурашка и, подкрутив рыжие усики, забрался на башмак Космонавта, пробежал по ноге, по боку, с бока перелез на рукав, а с рукава на указательный палец.

Космонавт увидел Мурашку, улыбнулся:

— Доброе утро, Мураш Муравьевич! Что так рано поднялся? Дела?

— Дела... — ответил смущенно Мурашка. — А правда, что Земля круглая, как тыква на бахче?

— Правда, — ответил Космонавт. — Я был далеко от Земли и видел — она круглая.

— У нас на верхушке Земли хорошо, — сказал Мурашка. — Тут живем мы — муравьи и люди. А внизу Земли никого нет, там все падают с нее.

— И внизу Земли есть и муравьи и люди, Мураш Муравьевич.

— Ну уж! — засомневался Мурашка.

Тут послышался гул мотора. За Космонавтом летел вертолет.

— Прячься скорее, иначе тебя унесет ветром, — сказал Космонавт и опустил Мурашку за камень.

Когда вертолет улетел и стих ветер, Мурашка побежал что есть духу к муравейнику — рассказать о необыкновенной встрече.

Мурашка танцует

Все Мурашкины братья и сестры, все дедки и бабки, все племянницы и племянники, дядьки и тетки тоже видели Космонавта. Но поговорить с ним, посидеть на его пальце! — такая честь выпала только Мурашке. И хотя он был обыкновенным рыжим муравьем, все стали относиться к нему с большим уважением. А сам Мурашка решил, что ему теперь море по колено и он будет делать только приятные дела. Приятным делом для него было танцевать лезгинку. Он затянул пояс

еще крепче, так что совсем не стало видно живота, взял вместо кинжала соломинку и на листе конского щавеля пустился в пляс.

«Пусть танцует, — говорили муравьи, — другой на его месте умер бы от радости». Они думали, что Мурашка, повеселившись, примется за работу.

Но Мурашка и не думал приниматься за работу. Он только танцевал. Муравьи рассердились. Вечером они закрыли двери в муравейнике и оставили Мурашку ночевать на улице.

— Ага, вы, значит, такие! — кричал Мурашка у запертых дверей. — Ладно. Я сделаю свой муравейник. Лучше вашего! А захочу, найду себе собственную Землю и буду жить на ней один. Мне Космонавт рассказал, какая она, Земля.

«Действительно, почему бы не подыскать себе Землю?» — думал Мурашка, вздрагивая от ночного холода.

Мурашкина Земля

Утром другого дня Мурашка отправился выбирать себе Землю. Ему понравилась крупная полосатая тыква. Она висела на плетне, и, по мнению Мурашки, была совсем как Земля. Он забрался на тыкву и окончательно уверился в этом: желтые полосы на боках тыквы были как пшеничные поля, зеленые — как леса, а на верхушке, в ямке у черешка, скопилась дождевая вода — это было море.

Мурашка сплясал на берегу моря лезгинку. Отдохнул немного и побежал путешествовать. Он решил оббежать вокруг собственной Земли, посмотреть, что делается внизу, — может быть, там отыщутся горы или еще что-нибудь интересное. Мурашка бежал по боку тыквы. Бок у тыквы был скользкий. Мурашка упал со своей Земли на грядку.

«Как же так? — потирая спину, думал муравей. — Космонавт говорил, что с Земли упасть невозможно».

Мурашка снова забрался на тыкву. Он сел на морском бережку, обхватил голову лапками, и стал размышлять, как строить тут муравейник. Он придумал бы, но вдруг тыква вздрогнула и загнула.

— Ого! — испугался и обрадовался Мурашка. — Кажется, — землетрясение... Моя Земля совсем настоящая...

Но это было не землетрясение. Это мальчишка, который шел мимо бахчи, запустил в тыкву камень из рогатки.

Новая встреча

День проходил за днем. Мурашка бродил по бахче. Лазил на плетень. Иногда добирался до березы, но делал все украдкой, чтобы не попасть на глаза родственникам. Земля-тыква ему надоела. Возвратиться в муравейник не позволяла гордость. Стал Мурашка бездомным. Он уже не танцевал лезгинку; веселье пропало, а появилась злость. И ког-

да увидел муравей человека, сидевшего под березой, помчался к нему. «Ну я кусну его... Вот подскочит!»

Муравей бежал сквозь чащу травинок и становился все злее. «В нос укушу!» — грозился он.

Мурашка по всем правилам нечестной драки наскочил на человека сзади: пробежал по белой рубашке до воротника, с воротника перелез на шею, с шеи на щеку, со щеки на нос. И только Мурашка изогнулся, чтобы побольнее куснуть, как очутился между большим и указательным пальцами человека.

— Старый знакомый! — услышал Мурашка голос. — Что-то ты разгуливаешь по моему носу?

Мурашка обмер: это был тот самый Космонавт, что опустился тут однажды утром. Рыжий Мурашка от стыда стал красным.

— Добрый день!.. — сказал Мурашка, заикаясь. — Опять к нам пожаловали?..

— Захотелось посмотреть на эту поляну, — ответил Космонавт, — и на березу, и на тебя, Мураш Муравьевич. Это не простая штука — встреча с Землей. Я никогда не забуду такой радости.

— А Земля похожа на тыкву? — спросил Мурашка, вспомнив свои огорчения и неудачи на Земле-тыкве.

— Я говорил тебе. Похожа и на тыкву, и на мячик, и на воздушный шарик. Как голубой шарик, летит она в космосе.

— И никто не падает с нее?

— Никто не падает.

— А почему же я упал со своей Земли? — сказал Мурашка, и его голос задрожал от обиды.

Выслушав Мурашку, Космонавт засмеялся:

— Земля, друг ты мой Муравьевич, это удивительно! Если нет у тебя важных дел, я расскажу тебе маленькие сказки.

— Важных нет, — сказал печально Мурашка. — Рассказывайте.

Он устроился на белой пуговице и приготовился слушать.

Первая сказка

Было время, когда с Земли все падало. Внизу падало вниз. А на верхушке Земли, как это ни странно, падало вверх. Улетало, словно птица. Падали-улетали собаки, если их не привязывали к конуре. Спелые яблоки, сладкие как мед, падали-улетали с яблонь. Яблоки приходилось обрывать незрелыми, в рот не возьмешь — кислятина!

Для людей на улицах были устроены перила. Человек шел и держался за них.

Чтобы не было несчастий с людьми, которые забывали держаться за перила, над городами и деревнями устраивали сетки на высоких столбах. Рассеянные люди падали-улетали в эти сетки. На Землю они спускались по лесенке.

А что творилось в доме?! Стулья и столы, если они не были прибиты к полу, падали на потолок.

Как видишь, Мурашка, жить на Земле было еще хуже, чем на твоей тыкве.

И люди сказали Земле: «Ты ведь добрая. Сделай, пожалуйста, чтобы мы не падали с тебя».

«Хорошо, — ответила Земля, — буду притягивать все, что есть на мне. Как магнит притягивает гвоздики».

Притянула Земля, да так сильно, что люди не могли ноги от дорожки приподнять; птицы прилипли к крышам — не в силах взмахнуть крыльями; вершины деревьев пригнулись к полянам.

«Ай-я-яй! — закричали люди. — Очень сильно притягиваешь. Притягивай послабее...»

Земля притянула послабее, как притягивает сейчас. И никто уже не падал с Земли.

Вторая сказка

Но не совсем хорошо было на Земле. И вот почему, Мураш Муравьевич. Земля висела в космосе неподвижно, как твоя тыква. И Солнце всегда освещало только одну сторону Земли. Поэтому на одной стороне постоянно был день, а на другой — постоянно ночь.

На солнечной стороне зрели тыквы, лимоны, клубника, пели птицы, порхали бабочки, прыгали зайцы. На темной стороне даже одуванчики не росли.

Когда люди ложились спать, на солнечной стороне они завешивали окна плотными шторами — ведь не уснешь, если свет брызжет в глаза. А некоторые уходили спать на ночную сторону Земли. И часто просыпали там, опаздывали кто на завод, кто в класс. А многие в темноте набивали на лбах шишки и синяки.

Еще раз попросили люди Землю: «Добрая Земля, не могла бы ты кружиться?»

И Земля закружилась перед Солнцем, как кружится девочка, показывая обновку маме. Солнце по очереди освещало то одну сторону Земли, то другую.

У нас, Мураш Муравьевич, сейчас день. Значит, наша сторона Земли перед Солнцем. Видишь, вон оно какое яркое! А на другой стороне сейчас ночь, и там все спят: и люди, и муравьи.

Третья сказка

Ты говорил, Мурашка, что в твою тыкву попал камень и чуть не убил тебя. А ведь в Землю тоже попадало много камней. В космосе камни носятся целыми тучами.

Как-то Земля сказала людям: «Нужна мне рубашка, чтобы камни

не так больно колотили в мои бока. Я вам дважды удружила. Теперь вы помогите мне. Придумайте что-нибудь».

За дело взялись стеклодувы. Они сделали Земле рубашку из стекла. Но только обновка была готова, как послышался звон — это посыпалось разбитое стекло. Камень-метеорит пробил в стекле дырку. Все стекольщики, сколько было их, начали вставлять новые стекла. В одном месте встают — в другом осколки звенят.

Приуныли мастера. Не делать же рубашку Земле из железа! Сквозь железо Солнце не увидишь.

«Попробую-ка я», — сказал тогда продавец воздушных шаров и принялся выпускать воздух из баллонов. Около него собралась длинная очередь, но он не обращал внимания на покупателей, все окутывал Землю воздухом.

Воздушная рубашка всем понравилась: сквозь нее видно Солнце, а метеориты застревают в ней и сгорают, будто спички.

Продавец шаров любил научные слова. Он назвал рубашку Земли, непохожую на рубашки людей, атмосферой. А после этого занялся привычным делом — стал продавать ребятам шары.

Одна-единственная

— Что же мне делать теперь? — заговорил Мурашка. — В муравейник не пускают, двери от меня запирают. Конечно же, тыква не Земля. Осенью тыкву унесут в деревню и сварят из нее кашу. Семечки поджарят на сковородке. Зимой ребята будут щелкать их... Ребятам хорошо, у них есть и шубы, и валенки, и шапки. А я зимой закоченую, помру.

Мурашка всхлипнул, рыжей лапой вытер глаза.

— Посмотри-ка, Мураш Муравьевич, вверх, — негромко сказал Космонавт.

— Что смотреть, — буркнул Мурашка, но вверх все же посмотрел.

С веток березы опускалась на шелковой нити зеленая гусеница.

— Я думаю, у тебя есть возможность исправить свою ошибку, — прошептал Космонавт. — Запомни только одно: людей и муравьев много, а Земля одна-единственная. Ну, счастливой тебе охоты!

Когда Мурашка притащил добычу в муравейник, никто ни о чем не спросил его; муравьи понимали, что хвастун уже наказан. Зато сам Мурашка, сдавая гусеницу в кладовку, сказал:

— Муравьев и людей много. А Земля — одна-единственная!

И опять муравьи промолчали: они это знали давно.

А. Платонов

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Ж

ила в деревне
крестьянка. При
ней жил сын ее Се-
мен, не женатый
еще. Жили они бед-
но: спали на соломе,
одежка на них ста-
рая, латаная, и в рот
им положить нечего.
Жили они давно;
тогда земли у кре-
стьян было мало, а
что и была, так неро-
дющая была земля:
что и посеет кре-
стьянин, то вымерз-
нет, а не вымерзнет,
так от засухи посох-
нет, а не посохнет
так вымокнет, а не
вымокнет, так саран-
ча пожрет.

Получал Семен в городе пенсию за отца — копейку в месяц.

Вот идет Семен однажды с деньгами, с копейкой, и видит: один человек надел собаке веревку на шею и удавливает ее. А собака-то всего маленькая, беленькая, щенок.

Семен к тому человеку:

— Ты пошто щенка мучаешь?

А тот ему:

— А какое тебе дело? Хоть убью, хоть нет — не твое дело.

— А ты продай мне его за копейку!

— Бери!

Отдал Семен последнюю копейку, взял щенка на руки и пошел домой.

— Нет у меня коровы, нету лошади, зато щенок есть.

Принес он щенка домой, а мать бранится:

— Глупый ты у меня! Нам самим есть нечего, а он собак покупает!

— Ничего, мама, — отвечает ей сын, — и щенок скотина: не мычит, так брешет.

Через месяц Семен снова пошел в город за пенсией.

Вышла копейка прибавки, получил он две копейки.

Идет он домой, а на дороге тот же человек кошку мучает.

Подбежал Семен к нему:

— Пошто ты живую тварь уродуешь?

— А тебе-то что? Чай, кошка-то моя!

— Продай ее мне!

— Купи, да кошка-то гляди, дороже собаки.

Сторговались за две копейки.

Понес Семен кошку домой. Мать пуще прежнего забранилась на сына — и в тот день до вечера бранилась и на другой день с утра начала браниться.

Прошел месяц. Пошел Семен опять в город за пенсией. Опять в прибавку вышла копейка: получил Семен три копейки.

Идет Семен из города, а на дороге стоит тот же человек и змею давит.

Семен сразу к нему:

— Не убивай ее, эта змея вишь какая, я и не видал такую — должно, она не ядовитая. Лучше продай ее мне.

Купил он змею за все деньги, сколько было у него, за три копейки, положил ее за пазуху и пошел домой.

Змея отогрелась и говорит:

— Не жалея, Семен, что последние деньги на меня потратил. Я не простая змея, а змея Скарапея. Без тебя пришла бы мне смерть, а теперь я жива, и мой отец тебя отблагодарит.

Пришел Семен домой и выпустил змею из-за пазухи. А мать как увидела змею, так на печку залезла и даже побранить сына не может: у нее язык отнялся с испуга. Змея же Скарапея заползла под печку, свернулась там и уснула.

Вот и стали жить — собака белая да кошка серая, Семен с матерью да змея Скарапея, а всего пятеро.

Невзлюбила мать Семена Скарапею-змею: то есть ей не даст и воды не поставит, то на хвост наступит.

Говорит тогда Скарапея Семену:

— Твоя мать обижает меня. Проводи меня к моему отцу.

Поползла змея по дороге, а Семен следом пошел. Долго шел он за змеею — день и ночь, день и ночь. Обступили их темные дебри. Подумал Семен: куда он идет и как назад вернется?

А змея утешает его:

— Не бойся ничего, сейчас доползем, это уже змеиное царство началось, видишь? А я змеинного царя дочь, и сейчас мы увидим моего отца. А теперь слушай. Вот когда я скажу ему, как ты меня спас, он поблагодарит тебя и даст тебе много золота, а ты золото не бери, а попроси одно золотое кольцо, что у отца на пальце. Кольцо это волшебное. Отец для меня его берег, а я хочу тебе его подарить.

Пришел Семен со змеиной царевной к Змею-царю. Змей обрадовался дочери.

Говорит он Семену:

— Спасибо тебе, Семен, спас ты мне любимую дочь! Выдал бы я ее замуж за тебя, не пожалел бы, да есть у нее сговоренный жених. Бери у меня золота сколько хочешь!

Семен золото не берет, а говорит змеинному царю:

— Дай мне кольцо с твоей руки, оно мне будет в память о твоей дочери. На нем, видишь, на твоём кольце, змеинная головка выдавлена, и два зеленых камня, как глаза, горят.

Задумался змеинный царь, а потом снял кольцо с руки и отдал Семену и сказал ему потихоньку на ухо, как надо действовать кольцом, чтобы вызвать волшебную силу.

Попрощался Семен со змеиным царем и с дочерью его Скарапеей, а невдалеке тут стоял еще приемный сын змеинного царя — Аспид; так Семен и с ним попрощался.

Пришел Семен домой, к матери. А ночью, как мать легла на покой, Семен переменял змеинное кольцо с пальца на палец, и в тот же момент явились перед ним двенадцать молодцов.

— Здравствуй, новый хозяин! — говорят. — Чего тебе надобно?

Семен им в ответ:

— А насыпать, братцы, муки амбар, да сахару, да масла немного.

— Ин ладно, — молодцы говорят.

И пропали.

Проснулся Семен наутро, видит — мать корки сухие мочит да жует их старыми зубами.

— Чего ж ты, мать, теста не поставила и не охаживаешь его? Поставила бы тесто и пирогов бы напекла.

— Очнись, сынок! У нас второе лето муки и горсти нету.

— А ты наведайся, мама, в амбар, — гляди, и найдешь.

— Да там и мыши с голоду подохли! Чего глядеть в пустое место? Нешто дверь пойти наглухо припереть.

Пошла мать к амбару, тронула дверь, а дверь распахнулась, и мать Семена головой в муку так и упала.

С тех пор они стали жить сытно. Половину муки Семен продал и купил на все деньги говядины, так у них и кошка с собакой каждый день котлеты ели, шерсть у них лосниться стала.

И увидел однажды Семен видение во сне. Только он задремал, видит, как живую, прекрасную девицу, а проснулся — нету ее. Затосковал Семен по ней, а где она — и сам не знает.

Переодел он змеиное кольцо с пальца на палец. И двенадцать молодцов — вот они.

— Чего прикажешь, хозяин? — спрашивают.

Семен им: так и так, говорит, видел я прекрасную девицу, а где она, не знаю, а туда-то мне и надобно.

Глядь — и очутился Семен в другом царстве, где жила та самая прекрасная девица.

Спросил он у тамошнего жителя о прекрасной девице.

— Это которая? — спросил у Семена житель.

Семен рассказал, какая была девица.

— Так она царская дочь! — сказал ему житель.

Переместил Семен кольцо и велел молодцам доставить его во дворец к царевне. Очутился он во дворце, видит он молодую царевну, и тут она еще лучше была, чем почудилась ему во сне.

Вздыхнул Семен — чего будешь делать? — и опять за кольцо: вызвал молодцов и велел возвратить его домой.

Вот живет он дома, да грустно ему без царевны: и пища не естся, и брага не пьется.

Смотрит на него мать:

— Заболел ты, что ли, либо скучаешь о ком?

— Скучаю, мама, — сказал Семен и рассказал, что с ним случилось.

А мать, как услышала, испугалась:

— И что ты удумал! Да разве можно крестьянскому сыну царевну любить? Цари-то — люди ложные и лукавые, они и насмеются, и надругаются над тобой, и жизни тебя лишат, а уж дочь за тебя не выдадут! Женись-ка ты на бедной крестьянской девушке, глядишь — и счастливым будешь!

А Семен одно говорит: «Иди, мать, да иди — сватай за меня царевну». А мать не идет, не хочет.

Подумал тогда Семен, что ему делать, и выдумал. Взялся он за свой змеиный перстень, вызвал молодых. Те — вот они:

— Чего надобно, хозяин!

— А надобны мне хоромы, и чтоб к утру были готовы. А для матери устройте в хоромашах богатые покои и в постель ей положите пуховую перину.

Молодцы ему в ответ:

— Построим хоромы, хозяин, и перину пухом набьем!

Проснулась наутро Семенова мать, а подняться сразу не может: угрузла она в пуховой перине. Смотрит вокруг по горнице — узнать ничего не может: во сне, что ли, это иль взаправду?

Тут Семен к ней подошел и говорит:

— Здравствуй, мама! Значит, все взаправду.

Спрашивает она:

— Откуда же у нас добро такое явилось?

А сын ей в ответ:

— Добро, мама, из добра явилось. Теперь и тебе жить покойнее будет, и мне за кого хочешь свататься можно — всем я ровня.

Подумала мать: «Ишь, сын у меня какой умелый да удалый!»

А сын ей опять за свое:

— Ступай, матушка, к царю и царице, посватай за меня царевну.

Огляделась мать, прошлась по хоромам.

«Эко дивно стало у нас!» — видит она и решила: «А схожу-ка я и вправду к царю, посватаю его дочку! Хоть и неровня мы ему, да уж теперь нам до него недалече».

И пошла.

Приходит она в царскую избу, в столовую горницу. Царь с царицей в тот час чай пили и на блюдца дули, а молодая царевна в своей девичьей горенке приданое перебирала в сундуках.

Вот царь с царицей в блюдца дуют, на Семенову мать не глядят. Из блюдца брызги летят, чай проливается на скатерть, а чай с сахаром. Царь, а чай пить не умеет!

Семенова мать и говорит:

— Чай — не вода. Чего брызгаете?

Царь глянул на нее:

— А тебе чего надоть?

Вышла мать на середину горницы.

— Здравствуйте, — говорит, — царь-государь-император. У вас то-вар, у нас купец. А не отдадите ли вашу дочь замуж за нашего сына?

— А кто таков твой жених? Каких он родов, каких городов и ка-кого отца сын?

Мать в ответ:

— Роду он крестьянского, деревни нездешней, а по отчеству Семен Егорович. Не слыхал такого?

Тут царица так и ахнула:

— Да что ты, сватья, с ума, что ль, сошла? Мы в женихах-то, как в сору каком роемся — выбираем. Разве пойдет наша дочка за мужика?

Обиделась Семенова мать за сына:

— Это какой мужик, матушка, случится! Другой мужик — против него и десять царских сыновей ничего не стоят, а уж про девок-дочерей и говорить нечего! Таков вот и мой!

Царь придумал здесь хитрость.

— Пусть, — говорит, — твой жених от нашего избяного дворца да до вашего крыльца мост хрустальный построит. Тогда мы по такому мосту приедем женихово житье смотреть. Так-то!

Вернулась Семенова мать к родному двору. В сенях ей попались навстречу собака с кошкой; гладкие стали.

Мать в сердцах прогнала их прочь. «Ишь, — подумала, — только спят да едят! Какая от них польза!»

Сказала она сыну:

— Понапрасну ходила, не согласны они.

Семен удивился:

— Неужели не согласны? За меня-то?

— А ты думал — обрадуются? А царь еще и посмеялся над нами: «Пусть, говорит, от нас до вас жених мост хрустальный построит, а мы к вам по хрустальному приедем в гости».

— Это, мама, ничто для нас!

Ночью Семен перекинул кольцо с одной руки на другую, вызвал молодых и велел им построить к утру хрустальный мост, и чтоб мост от ихнего крыльца до царского избяного дворца поверх прошел, через все реки и овраги, и чтобы по мосту самосильная машина ходила.

С полуночи до зари повсюду окрест молотки стучали и пилы пилили.

Семен вышел утром на крыльцо, глядит — а мост уж готов и по хрустальному мосту ходит самосильная машина.

Семен к матери:

— Ступай, мама, к царю теперь. Пусть они в гости к нам собираются, а я на самосильной машине туда подкачу!

Пошла мать к царю.

Только ступила она на мост, на хрусталь на самый, а хрусталь скользкий, тут ветер подул на нее сзади, она присела от страху, да так и покатилась до самого царского крыльца.

Приходит она к царю:

— Вчерась была я у вас, так вы мост построить велели жениху. Погляди в окошко — вот тебе и мост готов.

Глянул царь в окошко:

— Ишь ты! Ан правда — мост! Знать, жених-то умелец!

Надел царь золотые парчовые штаны, надел корону, кликнул царицу и вышел на крыльцо. Пошатал он перила — прочно ли стоят? Похлопал ладонями по хрустальным кирпичам — не подделка ли? Нет, мост построен по доброте.

Тут Семен на чудной самосильной машине подъехал. Отворяет он дверку в машине и говорит:

— Садитесь, царь-государь с женою-супругой, пожалуйста к нам в гости.

— Я-то с охотой, — царь говорит, — а вот жена моя как бы не оробела.

Семен — к царице, а она руками машет:

— Не поеду! Страсть какая! Сронят в реку, так что тут хорошего!

Здесь явились вельможи к царю. Старший вельможа совет по-дает:

— Надобно, государь, проехать, пример показать. Пусть не подумают, что ты оробел.

Делать нечего. Влез царь с царицей в машину, а вельможи на запятках, на штырях повисли, за крючья уцепились.

Засвистела, зашумела, загудела, задрожала машина, в звонок зазвонила, жаром-паром запыхтела, скакнула и поехала. Ехали, всю дорогу качались — спасибо, недалеко было, всего один мост переехать.

Доехали до Семеновых хором; Семен из машины вышел, хотел царю дверку открыть, а уж вельможи вперед него поспели — волокут они из машины царя и царицу, подувалами на них машут, в чувство их приводят, чтоб они опомнились.

Царица сердчает-кричит, а царь хоть и молчит, да, видно, ей поддается.

— Ох, тошно! — шумит царица. — Ох, укачало, растрясло и растрепало! Ой, шут с тобой, где ты есть, жених-то? Бери девку, а мы-то уже обратно пешком пойдем!

А далее вышло все по желанию Семена. Выдали за него деву-царевну, и стал он жить с женою. Сперва они хорошо жили, нечего сказать.

Да случилось вот что. Пошел Семен с женою в лес гулять. Зашли они далеко, утомились, легли под дерево и задремали.

В то время проходил по лесу Аспид, приемный сын Змея-царя. Аспид увидел кольцо на пальце Семена и от зависти превратился в гадюку. Он давно хотел, чтоб это кольцо было у него, он знал его волшебную силу и просил его у Змея. Однако Змей-царь не отдал Аспиду волшебного кольца и не сказал, как им надо орудовать.

Обратился Аспид в прекрасную девицу, прекраснее молодой жены Семена, разбудил Семена и позвал с собой. «Тогда и кольцо мое будет», — подумал Аспид.

А Семен поглядел на незнакомую прекрасную девицу, что манила его, и сказал ей:

— Ступай, куда шла. Хотя ты и хороша, даже лучше моей жены, да жена мне милее, за тобой я не пойду.

Сказал так Семен и опять заснул.

Обратился тогда Аспид в прекрасного юношу, в молодца из молодцов. Вот разбудил он царевну, жену Семена, и красуется перед ней.

«Ой, ктой-то! — подумала царевна. — Да он лучше Семена! Вот бы мне в женихи такого, когда я девкой была!»

Приблизился Аспид к Семеновой жене, протянул ей руку. Царевна поднялась с земли, поглядела на Семена, а у него сор на лице, ноздрями он пыль раздувает.

— Ты чей? — спросила царевна у Аспида.

— А я царский сын, по прозванию Молодец из Молодцов.

— А я царская дочь!

— Пойдем со мной, я тебя не обижу!

— Пойдем, молодец! — сказала Семенова жена и подала Аспиду руку.

Аспид нашептал на ухо царевне, научил ее, что надо сделать, а царевна на все согласилась. Тогда Аспид ушел. А он научил ее вызнать у Семена действие волшебного кольца и принести ему то самое кольцо.

Вот пошла она с Семеном домой, взяла его за руку и спросила его, правда ли, что у него на пальце кольцо волшебное. И если он любит ее, пусть скажет, как кольцо действует.

Семен, по доброте, рассказал жене про свое кольцо. «Раз жена меня любит, — подумал Семен, — пусть и о кольце моем знает, она мне зла не сделает».

И надел Семен волшебное кольцо на палец жены. Когда кольцо понадобится, его всегда можно взять обратно.

А ночью царевна переместила кольцо с одного пальца на другой, и немедленно явились двенадцать молодцов:

— Мы — вот они! Чем служить тебе, новая хозяйка?

Царевна дает им наказ:

— Служите мне вот чем. Возьмите эти хоромы да и мост хрустальный и перенесите их туда, где живет Молодец из Молодцов.

Только и был женат Семен Егоров сын.

Проснулся он с матерью — ничего у них нету, одна худая изба и амбар пустой, как прежде было. И остался Семен с одной матерью, да еще кошка и собака при них, всего четверо, а есть им, считай, нечего.

Семен не вздохнул, не пожаловался. Вспомнил он, что мать ему говорила: не женись на царевне — не будет счастья. Не послушался он матери!

Поглядел Семен с горя в окошко, видит — карета едет, а в ней — царь. Вышел царь из кареты как раз против Семенова окошка; смотрит — куда что делось: ни хором нету, ни хрустального моста, ни света, ни блеску — одна худая изба, а в окошко на царя Семен глядит.

Царь как закричит:

— А что тут такое? А где моя дочь-царевна? Ах ты обманщик!

Семен вышел к царю, сказал ему правду, как было: что царская дочь взяла у него волшебное кольцо и обманула его.

Царь правде не поверил, а разгневался и велел посадить Семена в тюрьму, покуда он не скажет, где царская дочь.

Увели от матери сына, не стало у нее кормильца. Оголодала старуха. Кликнула она кошку и собаку и пошла побираться. Под одним окошком хлеба попросит, под другим съест. А тут заходило, потемнело, лето состарилось, к зиме пошло.

Кошка и говорит собаке:

— Пропадем мы все. Пойдем царевну сыщем и возьмем от нее волшебное кольцо. Нас хозяин от смерти спас, теперь мы его спасем.

Собака была согласна. Она понюхала землю и побежала, а кошка за нею.

Далеко им пришлось бежать. Сказывать скоро, а идти далеко.

Бежали они, бежали, покуда не увидели хрустальный мост и Семеновы хоромы, в которых и они прежде жили.

Собака осталась снаружи, а кошка пошла в хоромы. Забралась она в спальню, где спала царевна, Семенова обманщица. Увидела кошка: царевна во рту держит волшебное кольцо, меж зубов у нее оно блестит. Боится, знать, как бы не украли.

Поймала кошка мышку, надкусила ей ухо и научила ее уму-разуму, что мышка должна сделать. Влезла мышка на кровать, неслышно прошла по царевне и стала своим хвостиком свербить у нее в носу. Царевна чихнула, ртом дыхнула, кольцо на пол упало и покатилося.

А кошка хватить кольцо — и в окно. Пока царевна проснулась, покуда она туда-сюда — кольца уж нету, и та мышка, что хвостиком у царевны в носу свербила, уж на кухне корочку грызет: она-де ни при чем.

А кошка и собака домой бегут. Они не спят, не едят — им некогда, они торопятся. Бегут они через горы, через лесные дебри, плывут через реки и чистыми полями бегут. Кошка волшебное кольцо держит под языком, рта не разевает.

Вот уже перед ними последняя река, а за рекою видна ихняя деревня, там и Семенова изба.

Собака говорит кошке:

— Садись ко мне на спину, а я поплыву. Да смотри кольцо держи крепче в зубах, не оброни.

Поплыли они по реке, доплыли до середины. Собака говорит:

— Смотри, кошка, не говори: кольцо утопишь.

Кошка молчит. Проплыли еще немного, собака опять:

— Молчи, кошка!

А кошка и так рта не открывает. Собака снова к ней:

— Не вырони кольца-то! Молчи лучше!

Кошка и сказала:

— Да я молчу! — и уронила кольцо в реку.

Выбрались они на берег и давай драться и ругаться.

Собака визжит:

— Это ты виновата, кошка-болтушка!

А кошка в ответ:

— Нет, это ты, брехунья! Зачем ты говорила, когда я молчала?

А тут рыбаки вытащили сетью рыбу на берег и стали ее потрошить. Увидели они — кошка с собакой не ладят, подумали, что голодные, и бросили им рыбы внутренности.

Схватили кошка с собакой рыбы внутренности, стали есть, съели немного, вдруг — хряп! — твердое попало. Глядят — кольцо!

Оставили они еду и побежали в деревню. Пробежали мимо своей избы — нет ли там хозяина? Глядят — нету его, а мать побирается. Побежали в город, в тюрьму, где Семен был.

Взобралась кошка на тюремную ограду, ходит поверху, глядит, где Семен там, а не знает. Хочется ей помяукать, помурлыкать, да кольцо у нее под языком, боится обронить.

К вечеру выглянул Семен в тюремное окно, хотел поглядеть на белый свет. Кошка увидела Семена и по дождевой трубе, а потом по стене забралась к Семену в каземат.

Семен взял кошку на руки. «Вот, — думает, — хоть и кошка, а сердце у нее верное, помнит она меня!»

Кошка мяукнула и обронила на пол волшебное кольцо.

Поднял Семен кольцо и вызвал двенадцать молодцов. Те явились, тут как тут.

— Здравствуй, дорогой старый хозяин, — говорят, — прикажи, чего тебе надобно, а мы живо исполним!

Семен им говорит:

— Перенесите откуда ни на есть мои хоромы сюда; и кто там живет, пусть в горницах будет, — я погляжу. И мост хрустальный приподымите да сюда его уставьте, а только другим концом отверните его от царской избы и опустите в соседнюю деревню.

Все и было исполнено, как приказано Семеном. Хоромы его стали на место, а в них оказалась молодая царевна с Аспидом своим. Ну,

ушли они из Семеновых хором, пошли жить к отцу царевны, — куда же еще?

Аспид же, как узнал, что это царевна кольцо потеряла, так от злости превратился в змею-гадюку.

И не мог уже он обратиться в молодца. Так и остался Аспид гадюкой; он только и делал, что шипел на царевну и бранил ее. Тут отец царевны вспомнил про Семена.

— Эх, — говорит, — а ведь Семен-то хоть и простой, да добрый. малый был, а вот Аспид хоть и не простого рода, да ведь гадюка!

А Семен с матерью опять в хоромы жили, и собака с кошкой при них.

Семен на самосильной машине каждый день наведывается в соседнюю деревню: по хрустальному мосту дорога туда близкой стала.

Слышно еще, Семен из той деревни жену себе берет; живет там одна девушка-сирота, прекраснее той царевны, вот ее и сватает Семен.

Должно, так и будет — женится Семен на сироте, пойдут у них дети, и новая сказка начнется.

Б. Шергин

ЗОЛОЧЕННЫЕ
ЛБЫ

И

а веках в некотором осударстве царь да ише другой мужичонка исполу промышляли. И поначалу все было добрым порядком. Вмestях* по рыболовным становищам болтаются, где кака питва идет, тут уж они первым бесом.

Царь за рюмку, мужик за стакан. Мужичонка на имя звали Капитон. Он и на квартире стоял от царя рядом.

* Сказка написана языком русских северян начала XX века.

Осенью домой с моря воротяцца, и сейчас царь по гостям с визитами заходит по главным начальникам. Этот Капитонко и повадился с царем. Его величию и не по нраву стало. Конечно, это не принято.

Оногды амператора созвали ко главному сенатору на панкет. Большой стол идет: питье, еда, фрелины песни играют. Осударь в большом углу красуется. В одной ручки у его четвертна, другой рукой фрелину зачалил. Корона съехала на ухо, мундер снят, сидит в одном жилету. Рад и тому, бажоной, што приятеля нету.

Вот пир к концу заприходил. Царицы Аграфены пуще всех в голову вином ударило. И как только ейной адъютант Королев в гармонь заиграл, она вылезла средка залы и заходила с платочком, заприптывала:

Эх, я стояла у поленицы, у дров.
По угору едет Ваня Королев.
Отчего далеко видела:
От часов цепочка светила.
Цепочка светила в четыре кольчика,
У милого нету колокольчика.
У милого коробок, коробок,
Я гуляю скоро год, скоро год!

Сенаторы, которы потрезве, смеются:

— Хы-хы! При муже кавалера припеват. Во до чего — и то ничего.

И вдруг это веселье нарушилось. Капитонко в залу ворвался, всех лакеев распехал, увидел, что царица Аграфена утушкой ходит, сейчас подлетел, ногами шарконул и заходил вокруг ей вприсядку, с прискоком, с присвистом. Песню припеват:

Разве нищие не пляшут?
Разве песен не поют?
Разве по миру не ходят?
Разве им не подают?

А у самого калошишки на босу ногу, у пинжачонка рукав оторван, карманы вывернуты. Под левым глазом синяк. И весь Капитон пьяне вина! Царь немножко-то соображает. Как стукнет по столу да как рявкнет:

— Вон, пьяна харя! Убрать его!

Капитонко царя услышал, обрадовался, здороваться лезет, целоваться:

— На, пес с тобой, ты вот где? А я с ног сбился, тебя по трактирам, по пивным искавши!

Придворны гости захикали, заощерялись. Это царю неприлично:

— Кисла ты шерсы! Ну куда ты мостиссе?! Кака я те, пьянице, пара? Поди выпись.

Капитонку это не обидно ли?

— Не ты, тиран, напоил! Не тебя, вампира, и слушаю! Возьму батог потяжеле, всех разбросаю, кого не залюблю!

Брани — дак хоть потолоком полезай. Царь с Капитоном драцца снялись. Одежку прирвали, корону под комод закатили. Дале полиция их розняла, протокол составили.

С той поры Капитона да амператора и совет не забрал. И дружба врозь. Мужичонка где царя увидат, все стращат:

— Погоди, навернессе ты на меня. Тогда увидам, которой которого наиграт.

Судятся они друг с другом из-за каждого пустяка. Доносят один на другого. Чуть у царя двор не убрали или помойну яму запакостили, мужичонко сейчас ко квартальному с ябедой.

Вот раз царь стоит у окна и видит: Капитонко крадется по своему двору (он рядом жил) и часы серебряны в дрова прятат. Уж верно крадены.

Царь обрадовался:

— Ладно, зазуба! Я тебе напряду на кривое-то веретено.

Сейчас в полицию записку. У мужика часы нашли — и самого в кутузку. Он с недельку отсидел, домой воротился. И даже супу не идет хлебать, все думат, на царя сердце несет. Вот и придумал.

У царя семья така глупа была — и жена, и дочки, и маменька. Цельной день по окнам пялятся, кивают, кавалерам мигают, машут. Царь их никуда без себя не пускает в гости. Запоежжат на войну ли, на промысел — сейчас всех в верхней этаж собирает и на замок закроет.

А вокурат тот год, как промеж царем да Капитонком остуда пала, в царстве сахару не стало. Капитонко и придумал. Он в короб сору навалил, сверху сахаром посыпал да мимо царский дворец и лезет, пыхтит, тяжело несет... Царские маньки да ваньки выскочили:

— Эй, мужичок! Откуда эстольку сахару?

— На! Разве не слыхали? Заграничны пароходы за Пустым островом стоят, всем желающим отсыпают.

Ваньки-маньки к царю. Царь забежал, зараспоряжался:

— Э, лодку обряжай! Мешки под сахар налаживай!

Аграфена с дочкой губы надувают:

— Опять дома сидеть... Выдал бы хоть по полтиннику на тино, в тиматограф сходить. Дома скука, вот так скука дома!

Царь не слушат:

— Скука? Ах вы лошади, кобылы вы! Взяли бы да самоварчик согрели, граммофон завели да... Пол бы вымыли.

Вот царь замкнул их в верхнем этаже, ключ в контору сдал, мешки под сахар в лодку погрузили и, конечно, пива ящик на свою потребу. Паруса открыли и побежали за Пустые острова. С царем свиты мужика четыре. Провожающий народ на пристани остался. Все узнали, что царь по сахар кинулся. Капитонко украулил, што царя нету, сейчас модный сертук напрокат взял, брюки клеш, камаши с калошами, кепку, вместо бороды метлу, чтоб не узнали. Потом туес полон смолы, пеку черного налил, на голову сдынул, идет по городу да вопит:

— Нет ли лбов золотить?! А вот кому лоб золотить?

К царскому дворцу подошел да как вякнет это слово:

— А нет ли лбов золотить?!

Царева семеюшка были модницы. Оне из окна выпехались, выпасть рады.

— Жалам, мы жалам лбов золотить! Только ты, верно, дорого спросишь?.

— По причине вашей выдающей красоты отремонтируем бесплатно. К вам которой затти?

— Мы сидим замчёны и гостей к себе на канате, на блокчу подымам.

Вот они зыбочку спустили, тот примостился:

— Полный ход!

У Аграфены силы не хватат. Мужик тяжелой, да смолы полпуда. Аграфена девку да матку кликнула. Троица за канат ухватились, «Дубинушку» запели:

Эх, што ты, свая наша, стала!
Эх, да закоперщика не стало!
Эй, дубинушка, ухнем!
Эй, зеленая, сама пойдет!

Затянули Капитона. На диван пали, еле дышут:

— Первой экой тяжелой мужик. Вы откулешны, будете, мастер?

— Мы европейских городов. Прошлом годе англиску королеву золотом покрывали, дак нам за услуги деплом из своих рук и двухтруб-

ной мимоносец для доставки на родину. Опять французскому президенту, извините, плешь золотили.

— А право есть?

Капитонко им стару квитанцию показывает, они неграмотны, думают — деплом.

— А, очень приятно. Этого золота можно посмотреть?

— Никак нельзя. Сейчас в глазах ослепление и прочее. Во избежание этого случая, докамест крашу и полирую, глаз не отворять. Пока не просохнете, друг на дружку не глядеть и зеркало не шевелить.

Царицы жалко стало золота на бабку:

— Маленька-та стара, уж, верно, негожа под позолоту-ту... Маленька, ты в позолоту хошь?

— Ась?

— Хошь, говорю, вызолотицца?

— Ась?

— Тьфу, изводу на тебя нету! Вот золотых дел мастер явился. Хошь, обработат?

— Ну как не хотеть? Худо ли для своего умиления к празднику вызолотицца!

Капитон их посадил всех в ряд.

— Глазки зашшурьте. Не могли некотора здреть!

Он смолы поваренкой зачерпнул — да и ну ту, да другу, да третью.

— Мастер, што это позолота на смолу пахнет?

— Ничево, это заготовка.

А сам насмаливает. Мажет, на обе щеки водит.

У их, у бажонных, уж и волосья в шапочку слились.

А он хвалит:

— Ах, кака прелись! Ах кака краса!

Те сидят довольнехоньки, только поворачиваются:

— Дяденька, мне этта ишше положь маленько на загривок...

Капитон поскреб поваренкой со дна. Потяпал по макушкам.

— Все! Ну, ваши величия! Сияние от вас, будто вы маковки соборны. Сейчас я вас по окнам на солнышко сохнуть разведу.

Аграфену в одно окно посадил, девку в друго, а бабенка на балкончик выпросилась.

— Меня, — говорит, — на ветерку скорее захватит.

Мастеру некогда:

— Теперь до свидания, оревуар! Значит, на солнышке сидите, друг на дружку не глядите, только на публику любуйтесь. Папа домой воротицца, вас похвалит, по затылку свой колер наведет. Ему от меня привет и поцелуй.

Б. ШЕРГИН
ЗОЛОЧЕ-
НЫЕ ЛБЫ.

Тут Капитон в окно по канату, да только его, мазурика, и видели.

У царя дом глазами стоял на площадь, на большу, на торгову. Там народишку людно. Мимо царской двор народу идет, как весной на Двины льду несет. Окна во дворце открыты, как ворота полы. В окнах царска семья высмолены сидят, как голенишша черны, как демоны. Бабушка на балконе тоже как бугирь какой. Народ это увидел и сначала подумал, што статуи, негритянска скульптура с выставки куплена. Потом разглядели, што шевелятся, — рассудили, што арапы выписаны ко двору. А уж как царску фамилию признали, так город-от повернулся. Учали над черными фигурами сгогатывать. Ко дворцу со всех улиц бежат, по дороге завязываются. Матери ребят для страху волокут:

— Будете реветь, дак этим черным отдаим!

Мальчишки свистят, фотографии на карточку царскую семью снимают, художники патреты пишут...

О, какой страм!

Напротив царского дома учреждение было — Земной удел. И тут заседает меницинской персонал. Начальники ти и увидали царску фамилию в таком виде и народно скопленье. Не знают, што делать. И тут ише явились извошшишьи деликаты. На коленки пали и сказали:

— Господа начальники! Бабенька царская, прах с има, в черном виде на балконе сидят, дак у нас лошади бросаются, седоки обижаются, двоих седоков убило. Пропа-а-ли наши головушки! И-и-хы-хы-ы!

Извошшики заплакали, и все заплакали и сказали:

— Пойдемте всенародно умолять ихны величия, не пожалеют ли, пожалусто, простого народу!

Вот запели и пошли всема ко дворцу. Выстроились перед палатами в ширинку, подали на ухвате прошение. Аграфена гумагой машет да кивает. И бабка ужимается, и девка мигает. Оне думают — народ их поздравлять пришел.

Што делать? Натъ за царем бежать. А всем страшно: прийти с эдакой вестью, дак захвоснет на один взмах. Однако главной начальник сказал:

— Мне жись не д'рога. На бутылку дайте, дак слетаю.

Чиновники говорят:

— Ура! Мы тебе ераплан либо там дерижаб даим, только ты его за границу не угни.

Начальник в ераплан вставился... Пары развели, колесом завертели, совистели. Ух, порхнули кверху, знай держи хвосты козырем.

Пока в городе это дело творицца, царь на Пустых островах в лютой

досады сидит. Ехал ни по што, получил ничего. Ехал — ругался, што мешков мало взяли, приехал — сыпать нечего. Ни пароходов, ни сахару; хоть плачь, хоть смейся. Сидит егово величие, пиво дует. В город ни с чем показаться совесно. Вдруг глядит — дерижаб летит. Машина пшикнула, пар выпустила, из ей начальник выпал... Начальник почал делать доклад:

— Ваше высоко... Вот какие преднамеренны поступки фамилия ваша обнаружила... Личики свои в темном виде обнародовали. Зрителей полна площадь, фотографии снимают, несознательны элементы всякие слова говорят...

Царь руками сплескался — да на дерижаб бегом. За ним начальник да деликат. Вставились, полетели. Деликат вожжами натряхиват, начальник колесом вертит, император пару поддает, дров в котел подкидывают... Штобы не так от народу совесно, колокольчик отвязал.

Вот и город видать, и царски палаты. На площади народишко табунится. Гул идет. Меницинской персонал стоит да кланеится. Мальчишки в свистюльки свистят, в трумпетки трубят. Царь ажно сбрусвянел.

— Андели, миру-то колько! Страм-от, страм-от какой! Деликат, правь в окно для устрашенья!

Народ и видит — дерижаб летит, дым валит. Пра-аз! В окно залетели, обоконки высадили, стекла посыпались, за комод багром зачались.

Выкатил царь из машины — да к царицы.

— Што ты, самоедка... Што ты, кольско страшилишшо!

Аграфена засвистела:

— Ра-а-атуйте, кто в бога верует!!

Царь дочку за чуб сгорстал. У ей коса не коса, а смолена веревочка.

Царь на балкон. Оттуда старуху за подол ташшит, а та за перила сграбилась да пасть на всю площадь отворила.

Народ даже обмер. Не видали сроду да и до этого году. Еле царь бабку в комнату заволок.

— Стара ты корзина! Могильна ты муха! Сидела бы о смертном часе размышляла, а не то што с балкона рожу продавать.

Вот оне все трое сидят на полу — царица, бабка да дочка — и воют.

— Позолоту-ту сби-и-л, ах, позолоту-ту сгубил! Ах, пропала вся краса-а!..

— Каку таку позолоту?!

— Ведь нас позолотили, мы сидели да сохли-и.

— Да это на вас золото??? Зеркало сюда!..

Ваньки-маньки бежат с зеркалом. Смолены-ти рожи глаза разлепили, себя увидели, одночасно их в омморок бросило.

Полчасика полежали, опять в уме сделались. Друго запели:

— Держите вора-мазурика!.. Хватайте бродягу!

Царь кулаком машется:

— Сказывайте, как дело было.

Вот те в подолы высморкались, утерлись, рассказывают:

Царь слушал и сам заплакал:

— Он это! Он, злодей Капитонко, мне налил... Он, вор, меня и из города выманил. Не семья теперь, а мостова асфальтова! Ишь пеком-то вас как сволокло. Охота народ пугать, дак сами бы сажки напахали, да розвели, да и мазали хари-ти... Дураки у меня и начальники. Кланяться пришли. Взяли бы да из пожарного насоса дунули по окнам-то. Холеры вы, вас ведь теперь надо шкрапить...

— Ничего, папенька, мы шшолоку наварим, и пусть поломойки личики наши кажно утро шоркают.

Царь побегал-побегал по горнице, на крыльцо вылетел.

Народишко, который ради скандалу прибежал, с крыльца шархнулся.

Царь кричит:

— Стой! Нет ли человека, кто мужика со смолой в рожу видел?

Выскочили вперед две торговки, одна селедошница, друга с огурцами.

— Видели, видели! Мушшина бородатый в сертуке туда полз с тусом, а обратно порозной.

— В котору сторону пошел?

— А будто по мосту да в Заречье справил.

— Тройку коней сюда! — царь кричит.

Тройку подали. Царь с адъютантом сел, да как дунули, дунули, только пыль свилась да народ на карачки стал. Через мост, к зарецким кабакам, перепорхнули. Катают туда-сюда, спрашивают про Капитонка:

— Тут?

— Нет, не тут.

— Тут?

— Нет, не этта!

Буди в канской мох мужичонка провалился... А Капитонко ведь там и был. Учужал за собой погоню — бороду, метлу-ту, отвязал, забежал в избушку. Там старуха самовар ставит, уголье по полу месит.

— Ты, бабушка, с чем тут?!

— Чай пить средилась. А ты хто?

— Чай пить?! Смертный час пришел, а она чай пить... Царь сюда катит, он тя застрелит.

— Благодетель, не оставь старуху!

— Затем и тороплюсь. Скидай скорей сарафанишко да платок, в рогозу завернись да садись под трубу вместо самовара.

Живехонько они переменились. Капитонко уже в сарафане да в платке по избы летат, самовар прячет, бабку в рогозу вертит, на карачки ей ставит, самоварну трубу ей на голову нахлобучил:

— Кипи!

Тут двери размахнулись, царь в избу. Видит — старуха около печки обрезаются:

— Бабка, не слыхала, этта мужик в сертуке мимо не ехал?

А Капитонко бабьим голосом:

— Как не видеть! Даве мимо порхнул, дак пыль столбом.

— В котору сторону?

— Не знай, как тебе рассказать... Наша волость — одны болота да леса. Без провожатого не суниссе.

— Ты-та знашь место?

— Родилась тут.

— Бабка, съезди с моим адъютантом, покажи дорогу, найти этого мужика... А я тут посижу, боле весь расслаб, распался. Справиссе с заданием, дак обзолочу!

Мазурик-то и смекат:

— Золотить нас не нать, а дело состряпаем. Сидите, грейте тут самоварчик, мы скоро воротимся, чай пить будем.

Капитонко в платок рожу пуще замотал — да марш в царску коляску. Только в лесок заехали, эта поддельна старуха на ножку справилась, за адъютанта сграбилась, да выкинула его на дорогу: вожжи подобрала, да только Капитонка и видели.

А царь сидит, на столе чашки расставляют.

Бедна старуха под трубой ни гу-гу.

На улице и темнеть стало. Царю скучно:

— Што этко самовар-то долго не кипит?

Его величество трубу снял, давай старухе уголье в рот накладывать... Удивляется, што тако устройство. Потом сапог скинул, бабки рожу накрыл, стал уголье раздувать. Старуха со страху еле жива, загудела она, зашумела, по полу ручей побежал...

Царь забежал:

— Ох-ти мне! Самовар-то ушел, а их чай пить нету. Скорее надо заварить...

Хочет самовар на стол поставить.

— На! Где ручки-те?

Старуху за бока прижал, а та смерть шшекотки боится: она как визгнет не по-хорошему... И царь со страху сревел — да на шкаф. А старуху уж смех одолел. Она из рогозы вылезла.

— Ваше величество, господин амператор! Не иначе, што разбойник-от этот и был. Как он нас обоих обмакулил, омманул.

Ночью царь задами да огородами пробрался домой, да с той поры и запил, бажоной.

А Капитонко в заграницу на тройке укатил и поживат там, руки в карманах ходит, посвистывает.

Э. Шварц

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

ил-был мальчик, по имени Петя Зубов.

Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и все время отставал — и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению.

— Успею! — говорил он в конце первой четверти. — Во второй вас всех догоню.

И приходила вторая — он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Все «успею» да «успею».

И вот однажды пришел Петя Зубов в школу, как всегда с опоздани-

ем. Выбежал в раздевалку. Шлепнул портфелем по загородке и крикнул:

— Тетя Наташа! Возьмите мое пальтишко!

А тетя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалок:

— Кто меня зовет?

— Это я, Петя Зубов, — отвечает мальчик.

— А почему у тебя сегодня голос такой хриплый? — спрашивает тетя Наташа.

— А я и сам удивляюсь, — отвечает Петя. — Вдруг охрип ни с того ни с сего.

Вышла тетя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петю, да как вскрикнет:

— Ой!

Петя Зубов тоже испугался и спрашивает:

— Тетя Наташа, что с вами?

— Как что? — отвечает тетя Наташа. — Вы говорили, что вы Петя Зубов, а на самом деле вы, должно быть, его дедушка.

— Какой же я дедушка? — спрашивает мальчик. — Я — Петя, ученик третьего класса.

— Да вы посмотрите в зеркало! — говорит тетя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Выросли у него седая окладистая борода, усы. Морщины покрыли сеткою лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода. Крикнул он басом:

— Мама! — и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает:

«Ну уж если и мама меня не узнает, тогда все пропало».

Прибежал Петя домой и позвонил три раза.

Мама открыла ему дверь.

Смотрит она на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

— Вам кого, дедушка? — спросила мама наконец.

— Ты меня не узнаешь? — прошептал Петя.

— Простите — нет, — ответила мама.

Отвернулся бедный Петя и пошел куда глаза глядят.

Идет он и думает:

«Какой я одинокий, несчастный старик! Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей... И главное, ничему не успел научиться. Настоящие старики — те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут — ведь я всего только три года работал. Да и как работал — на двойки да на тройки. Что же со мною будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же все это кончится?»

Так Петя думал и шагал, шагал и думал, и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шел он по лесу, пока не стемнело.

«Хорошо бы отдохнуть!» — подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за елками, белеет какой-то домик. Вошел Петя в домик — хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола — четыре табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено.

Лег Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, поплакал тихонько, утер слезы бородой и уснул.

Просыпается Петя — в комнате светло, керосиновая лампа горит под стеклом. А вокруг стола сидят ребята — два мальчика и две девочки. Большие, окованные медью счеты лежат перед ними. Ребята считают и бормочут:

— Два года, да еще пять, да еще семь, да еще три... Это вам, Сергей Владимирович, а это ваши, Ольга Капитоновна, а это вам, Марфа Васильевна, это ваши, Пантелей Захарович.

Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кричат они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени-отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избушке?

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово. И страшно ему стало от того, что услышал он.

Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники развели об этом и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и еще одного мальчика, и еще двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети, и сами этого не заметили — ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами, забрали волшебники себе. И стали волшебники малыми ребятами, а ребята — старыми стариками.

Как быть?

Что делать?

Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счеты в стол, но Сергей Владимирович, главный из них, не позволил. Взял он счеты и подошел к ходикам. Покрутил стрелки, подергал гири, послушал, как тикает маятник, и опять защелкал на счетах. Считал, считал он, шептал, шептал, пока не показали ходики полночь. Тогда смешал Сергей Владимирович костяшки и еще раз проверил, сколько получилось у него.

Потом подозвал он волшебников к себе и заговорил негромко:

— Господа волшебники! Знайте — ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, еще могут помолодеть.

— Как? — воскликнули волшебники.

— Сейчас скажу, — ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошел его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил сено палкой.

Петя Зубов замер, как мышка.

Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Пети. Подозвал он остальных волшебников к себе поближе и заговорил негромко:

— К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек, стоит ему только сильно захотеть. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда к нам и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети снова станут детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники. Потом Ольга Капитоновна сказала:

— Откуда им все это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

— Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минуту, да опоздают.

А Марфа Васильевна пробормотала:

— Да куда им! Да и где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют — сразу сойдутся!

— Так-то оно так, — ответил Сергей Владимирович. — А все-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки — нам тогда и с места не сдвинуться. Ну, а пока нечего время терять — идем на работу.

И волшебники, спрятав счеты в стол, побежали, как дети, но при этом кряхтели, охали и вздыхали, как настоящие старики.

Дождлся Петя Зубов, пока затихли в лесу шаги. Выбрался из домика. И, не теряя напрасно времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков-школьников.

Город еще не проснулся. Темно было в окнах, пусто на улицах, только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел наконец Петя Зубов — идет не спеша по улице старушка с большой корзинкой.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, бабушка, — вы не школьница?

— Что, что? — спросила старушка сурово.

— Вы не третьеклассница? — прошептал Петя робко.

А старушка как застучит ногами да как замахнет на Петю корзинкой! Еле Петя ноги унес. Отдышался он немного — дальше пошел. А город уже совсем проснулся. Летят трамваи, спешат на работу люди.

Грохочут грузовики — скорее, скорее надо сдать грузы в магазины, на заводы, на железную дорогу. Дворники счищают снег, посыпают панель песком, чтобы пешеходы не скользили, не падали, не теряли времени даром. Сколько раз видел все это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно — настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик с ведром и кистью — это маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине старик — начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда в жизни не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей, — нет как нет. Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в полдень зашел Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть. И вдруг вскочил.

Увидел он — сидит недалеко, на другой скамеечке старушка и плачет. Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

— Подожду! — сказал он сам себе. — Посмотрю, что она дальше делать будет.

А старушка перестала вдруг плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из одного кармана газету, а из другого кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету, — Петя ахнул от радости: «Пионерская правда» — и принялась старушка читать и есть. Изюм выковыривает, а сам ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидела в снегу. Наклонилась она и схватила мячик. Наверное, кто-нибудь из детей, игравших в сквере, потерял этот мячик в снегу.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтерла его старательно платочком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в трешки.

Бросился к ней Петя через снег, через кусты. Бежит и кричит:

— Бабушка, честное слово, вы школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петю за руки и отвечает:

— Верно, верно! Я ученица третьего класса Маруся Поспелова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за руки, побежали искать остальных товарищей. Искали час, другой, третий. Наконец зашли во второй двор огромного дома. И видят: за дровяным сараем прыгает старушка. Нарисовала мелом на асфальте классы и скачет на одной ножке, гоняет камешек.

Бросились Петя и Маруся к ней:

— Бабушка! Вы школьница?

— Школьница, — отвечает старушка. — Ученица третьего класса, Наденька Соколова. А вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он как сквозь землю провалился. Куда только ни заходили старики — и во дворы, и в сады, и в детские театры, и в детское кино, и в Дом занимательной науки, — пропал мальчик, да и только.

А время идет. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажегся свет. Кончается день. Что делать? Неужели все пропало?

Вдруг Маруся закричала:

— Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: катит трамвай, девятый номер. А на «колбасе» висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развеивается по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье, зажегся на перекрестке красный огонь, остановился трамвай.

Схватили ребята «колбасника» за полы, оторвали от «колбасы».

— Ты школьник? — спрашивают.

— А как же! — отвечает он. — Ученик второго класса, Зайцев Вася. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за город к лесу.

Какие-то школьники ехали в этом же трамвае. Встали они, уступают нашим старикам место:

— Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки!

Смутились наши старики, покраснели и отказались.

А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные — просят стариков, уговаривают:

— Да садитесь же! Вы за свою долгую жизнь наработались, устали. Сидите теперь, отдыхайте.

Тут, к счастью, подошел трамвай к лесу, соскочили наши старики — и в чащу бегом.

Но тут ждала их новая беда: заблудились они в лесу.

Наступила ночь, темная-темная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

— Ах, время, время! — говорит Петя. — Бежит оно, бежит. Я вчера не заметил дороги обратно к домику — боялся время потерять. А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы потом его сберечь.

Совсем выбились из сил старички. Но, на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч и засияла на небе полная луна.

Влез Петя Зубов на березу и увидел — вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых елок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам:

— Тише! Ни слова! За мной!

Поползли ребята по снегу к домику. Заглянули осторожно в окно.

Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, стерегут украденное время.

— Они спят! — сказала Маруся.

— Тише! — прошептал Петя.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам. Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и — раз, два, три! — закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не смогли сдвинуться с места. Стоят и растут, растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосы заблестели у них на висках, покрылись морщинами щеки.

— Поднимите меня! — закричал Петя. — Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок. Тридцать один, тридцать два, тридцать три!

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорбленными старичками. Все ближе пригибало их к земле, все ниже становились они. И вот на семьдесят седьмом и последнем обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их и не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они потерянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который понапрасну тратит время, сам не замечает, как стареет.

А. ПАНТЯЕВ

ДВЕ
ЛЯГУШКИ

Ж

или-были две лягушки. Были они подружки и жили в одной канаве. Но только одна из них была храбрая, сильная, веселая, а другая ни то, ни сё: трусиха была, лентяйка, соня.

Но все-таки жили они вместе, эти лягушки.

И вот однажды ночью вышли они погулять.

Идут себе по лесной дороге и вдруг видят: стоит дом. А около дома погреб. И пахнет из этого погреба очень вкусно: плесенью пахнет, сыростью, мохом, грибами. А это как раз то самое, что лягушки любят.

Вот забрались они поскорей в погреб, стали там играть и прыгать. Прыгали, прыгали и нечаянно свалились в горшок со сметаной.

И стали тонуть.

А тонуть им, конечно, не хочется.

Тогда они стали барахтаться, стали плавать. Но у этого глиняного горшка были очень высокие скользкие стенки. И лягушкам оттуда никак не выбраться.

Та лягушка, что была лентяйкой, поплавала немножко, побарахталась и думает:

«Всё равно мне отсюда не выбраться. Зачем же я буду напрасно барахтаться? Только мучиться зря. Уж лучше я сразу утону».

Подумала она так, перестала барахтаться — и утонула.

А вторая лягушка — та была не такая. Та думает:

«Нет, братцы, утонуть я всегда успею. Это от меня не уйдет. А лучше я еще побарахтаюсь, еще поплаваю. Кто его знает, может быть, у меня что-нибудь и выйдет».

Но только — нет, ничего не выходит. Как ни плавай — далеко не уплывешь. Горшок маленький, стенки скользкие — не вылезти лягушке из сметаны.

Но все-таки она не сдаётся, не унывает.

«Ничего, — думает, — пока силы есть, буду барахтаться. Я ведь еще живая, значит, надо жить. А там — что будет».

И вот из последних сил борется наша храбрая лягушка со своей лягушачьей смертью. Уж вот она и память стала терять. Уж вот захлебнулась. Уж вот ее ко дну тянет. А она и тут не сдаётся. Знай себе лапками работает. Дрыгает лапками и думает:

«Нет! Не сдамся! Шалишь, лягушечья смерть...»

И вдруг — что такое? Вдруг чувствует наша лягушка, что под ногами у нее уже не сметана, а что-то твердое, что-то такое крепкое, надежное, вроде земли. Удивилась лягушка, посмотрела и видит: никакой сметаны в горшке уже нет, а стоит она, лягушка, на комке масла.

«Что такое? — думает лягушка. — Откуда взялось здесь масло?»

Удивилась она, а потом догадалась: ведь это она сама лапками своими из жидкой сметаны твердое масло сбила.

«Ну вот, — думает лягушка, — значит, я хорошо сделала, что сразу не утонула».

Подумала она так, выпрыгнула из горшка, отдохнула и поскакала к себе домой, в лес.

А вторая лягушка осталась в горшке.

И никогда уж она, голубушка, больше не видела белого света, и никогда не прыгала, и никогда не квакала.

Ну что ж! Если говорить правду, так сама ты, лягушка, и виновата. Не падай духом! Не умирай раньше смерти!

Р. Таустовский

ПОХОЖДЕНИЯ ЖУКА-НОСОРОГА

К

огда Петр Терентьев уходил из деревни на войну, маленький сын его Степа не знал, что подарить отцу на прощание, и подарил, наконец, старого жука-носорога. Поймал он его на огороде и посадил в коробок от спичек. Носорог сердился, стучал, требовал, чтобы его выпустили. Но Степа его не выпускал, а подсовывал ему в коробок травинки, чтобы жук не умер от голода. Носорог травинки сгрызал, но все равно продолжал стучать и браниться.

Степа прорезал в коробке маленькое оконце

для притока свежего воздуха. Жук высовывал в оконце мохнатую лапу и старался ухватить Степу за палец, — хотел, должно быть, поцарапать от злости. Но Степа пальца не давал. Тогда жук начинал с досады так жужжать, что мать Степы Акулина кричала:

— Выпусти ты его, лешего! Весь день жундит и жундит, голова от него распухла!

Петр Терентьев усмехнулся на Степин подарок, погладил Степу по голове шершавой рукой и спрятал коробок с жуком в сумку от противогаза.

— Только ты его не теряй, сбереги, — сказал Степа.

— Нешто можно такие гостинцы терять, — ответил Петр. — Уж как-нибудь сберегу.

То ли жуку понравился запах резины, то ли от Петра приятно пахло шинелью и черным хлебом, но жук присмирел и так и доехал с Петром до самого фронта.

На фронте бойцы удивлялись жуку, трогали пальцами его крепкий рог, выслушивали рассказ Петра о сыновьем подарке, говорили:

— До чего додумался парнишка! А жук, видать, боевой. Прямо ефрейтор, а не жук.

Бойцы интересовались, долго ли жук протянет и как у него обстоит дело с пищевым довольствием — чем его Петр будет кормить и поить. Без воды он, хотя и жук, а прожить не сможет.

Петр смущенно усмехнулся, отвечал, что жуку дашь какой-нибудь колосок — он и питается неделю. Много ли ему нужно.

Однажды ночью Петр в окопе задремал, выронил коробок с жуком из сумки. Жук долго ворочался, раздвинул щель в коробке, вылез, пошевелил усиками, прислушался. Далеко гремела земля, сверкали желтые молнии.

Жук полез на куст бузины на краю окопа, чтобы получше осмотреться. Такой грозы он еще не видал. Молний было слишком много. Звезды не висели неподвижно на небе, как у жука на родине, в Петровой деревне, а взлетали с земли, освещали все вокруг ярким светом, дымилась и гасли. Гром гремел непрерывно.

Какие-то жуки со свистом проносились мимо. Один из них так ударил в куст бузины, что с него осыпались красные ягоды. Старый носорог упал, прикинулся мертвым и долго боялся пошевелиться. Он понял, что с такими жуками лучше не связываться, — уж очень много их свистело вокруг.

Так он пролежал до утра, пока не поднялось солнце. Жук открыл один глаз, посмотрел на небо. Оно было синее, теплое, такого неба не было в его деревне. Огромные птицы с воем падали с этого неба, как коршуны. Жук быстро перевернулся, стал на ноги, полез под лопух, — испугался, что коршуны его заклюют до смерти.

Утром Петр хватился жука, начал шарить кругом по земле.

— Ты чего? — спросил сосед-боец с таким загорелым лицом, что его можно было принять за негра.

— Жук ушел, — ответил Петр с огорчением. — Вот беда!

— Нашел об чем горевать, — сказал загорелый боец. — Жук и есть жук, насекомое. От него солдату никакой пользы сроду не было.

— Дело не в пользе, — возразил Петр, — а в памяти. Сынишка мне его подарил напоследок. Тут, брат, не насекомое дорого, а дорога память.

— Это точно! — согласился загорелый боец. — Это, конечно, дело другого порядка. Только найти его — все равно, что махорочную крошку в океане-море. Пропал, значит, жук.

Старый носорог услышал голос Петра, зажужжал, поднялся с земли, перелетел несколько шагов и сел Петру на рукав шинели. Петр обрадовался, засмеялся, а загорелый боец сказал:

— Ну и шельма! На хозяйский голос идет, как собака. Насекомое, а котелок у него варит.

С тех пор Петр перестал сажать жука в коробок, а носил его прямо в сумке от противогаза, и бойцы еще больше удивлялись: «Видишь ты, совсем ручной сделался жук!»

Иногда в свободное время Петр выпускал жука, а жук ползал вокруг, выискивал какие-то корешки, жевал листья. Они были уже не те, что в деревне. Вместо листьев березы много было листьев вяза и тополя. И Петр, рассуждая с бойцами, говорил:

— Перешел мой жук на трофейную пищу.

Однажды вечером в сумку от противогаза подул свежестью, запахом большой воды, и жук вылез из сумки, чтобы посмотреть, куда это он попал.

Петр стоял вместе с бойцами на пароме. Паром плыл через широкую светлую реку. За ней садилось золотое солнце, по берегам стояли ракиты, летали над ними аисты с красными лапами.

— Висла! — говорили бойцы, зачерпывая манерками воду, пили, а кое-кто умывал в прохладной воде пыльное лицо. — Пили мы, значит, воду из Дона, Днепра и Буга, а теперь попьем и из Вислы. Больно сладкая в Висле вода.

Жук подышал речной прохладой, пошевелил усиками, залез в сумку, уснул.

Проснулся он от сильной тряски. Сумку мотало, она подскакивала. Жук быстро вылез, огляделся. Петр бежал по пшеничному полю, а рядом бежали бойцы, кричали «ура». Чуть светало. На касках бойцов блестела роса.

Жук сначала изо всех сил цеплялся лапками за сумку, потом сообразил, что все равно ему не удержаться, раскрыл крылья, снялся, полетел рядом с Петром и загудел, будто подбодряя Петра.

Какой-то человек в грязном зеленом мундире прицелился в Пет-

ра из винтовки, но жук с налета ударил этого человека в глаз. Человек пошатнулся, выронил винтовку и побежал.

Жук полетел следом за Петром, вцепился ему в плечи и слез в сумку только тогда, когда Петр упал на землю и крикнул кому-то: «Вот незадача! В ногу меня задело!» В это время люди в грязных зеленых мундирах уже бежали, оглядываясь, и за ними по пятам катилось громовое «ура».

Месяц Петр пролежал в лазарете, а жука отдали на сохранение польскому мальчику. Мальчик этот жил в том же дворе, где помещался лазарет.

Из лазарета Петр снова ушел на фронт — рана у него была легкая. Часть свою он догнал уже в Германии. Дым от тяжелых боев был такой, будто горела сама земля и выбрасывала из каждой лошадки громадные черные тучи. Солнце меркло в небе. Жук, должно быть, оглох от грома пушек и сидел в сумке тихо, не шевелясь.

Но как-то утром он задвигался и вылез. Дул теплый ветер, уносил далеко на юг последние полосы дыма. Чистое высокое солнце сверкало в синей небесной глубине. Было так тихо, что жук слышал шелест листа на дереве над собой. Все листья висели неподвижно, и только один трепетал и шумел, будто радовался чему-то и хотел рассказать об этом всем остальным листьям.

Петр сидел на земле, пил из фляжки воду. Капли стекали по его небритому подбородку, играли на солнце. Напившись, Петр засмеялся и сказал:

— Победа!

— Победа! — отозвались бойцы, сидевшие рядом.

Один из них вытер рукавом глаза и добавил:

— Вечная слава! Стосковалась по нашим рукам родная земля. Мы теперь из нее сделаем сад и заживем, братцы, вольные и счастливые.

...Вскоре после этого Петр вернулся домой. Акулина закричала и заплакала от радости, а Степа тоже заплакал и спросил:

— Жук живой?

— Живой он, мой товарищ, — ответил Петр. — Не тронула его пуля. Воротился он в родные места с победителями. И мы его выпустим с тобой, Степа.

Петр вынул жука из сумки, положил на ладонь.

Жук долго сидел, озираясь, поводил усами, потом приподнялся на задние лапки, раскрыл крылья, снова сложил их, подумал и вдруг взлетел с громким жужжанием — узнал родные места. Он сделал круг над колодцем, над грядкой укропа в огороде и полетел через речку в лес, где аюкались ребята, собирали грибы и дикую малину. Степа долго бежал за ним, махал картузом.

— Ну вот, — сказал Петр, когда Степа вернулся, — теперь жукище этот расскажет своим про войну и про геройское свое поведение.

ние. Соберет всех жуков под можжевельником, поклонится на все стороны и расскажет.

Степа засмеялся, а Акулина сказала:

— Будя мальчику сказки рассказывать. Он и впрямь поверит.

— И пусть его верит, — ответил Петр. — От сказки не только ребятам, а даже бойцам одно удовольствие.

— Ну, разве так! — согласилась Акулина и подбросила в самовар сосновых шишек.

Самовар загудел, как старый жук-носорог. Синий дым из самоварной трубы заструился, полетел в вечернее небо, где уже стоял молодой месяц, отражался в озерах, в реке, смотрел сверху на тихую нашу землю.

С Могилевская

СКАЗКА О ГРОМКОМ БАРАБАНЕ

Б

арабан висел на стене между окнами, как раз напротив кровати, где спал мальчик.

Это был старый военный барабан, сильно потертый с боков, но еще крепкий. Кожа на нем была туго натянута, а палочек не было. И барабан всегда молчал, никто не слышал его голоса.

Однажды вечером, когда мальчик лег спать, в комнату вошли дедушка и бабушка. В руках они несли круглый сверток в коричневой бумаге.

— Спит, — сказала бабушка.

— Ну, куда нам это повесить? — сказал дедушка, показывая на сверток.

— Над кроватью, над его кроватью, — зашептала бабушка.

Но дедушка посмотрел на старый военный барабан и сказал:

— Нет. Мы повесим его под барабаном нашего Ларика. Это хорошее место.

Они развернули сверток. И что же? В нем оказался новый желтый барабанчик с двумя деревянными палочками.

Дедушка повесил его под большим барабаном, они полюбовались им, а потом ушли из комнаты...

И тут мальчик открыл глаза.

Он открыл глаза и засмеялся, потому что вовсе не спал, а притворялся.

Он спрыгнул с кровати, босиком побежал туда, где висел новый желтый барабанчик, придвинул стул поближе к стене, вскарабкался на него и взял в руки барабанные палочки.

Сначала он тихонько ударил по барабанчику лишь одной палочкой. И барабанчик весело окликнулся: трам-там!

Тогда он ударил и второй палочкой. Барабанчик ответил еще веселее: трам-там-там!

Что за славный был барабан!

И вдруг мальчик поднял глаза на большой военный барабан. Раньше, когда у него не было этих крепких деревянных палочек, он даже со стула не мог дотронуться до большого барабана. А теперь?

Мальчик встал на цыпочки, потянулся вверх и крепко ударил палочкой по большому барабану. И барабан прогудел ему в ответ тихо и печально...

Это было очень-очень давно. Тогда бабушка была еще маленькой девочкой с толстыми косичками.

И был у бабушки брат. Его звали Ларик. Это был веселый, красивый и смелый мальчик. Он лучше всех играл в городки, быстрее всех бегал на коньках, и учился он тоже лучше всех.

Ранней весной рабочие того города, где жил Ларик, стали собирать отряд, чтобы идти бороться за Советскую власть.

Ларику тогда было тринадцать лет.

Он пошел к командиру отряда и сказал ему:

— Запишите меня в отряд. Я тоже пойду драться с белыми.

— А сколько тебе лет? — спросил командир.

— Пятнадцать! — не сморгнув, ответил Ларик.

— Будто? — спросил командир. И повторил снова: — Будто?

— Да, — сказал Ларик.

Но командир покачал головой:

— Нет, нельзя, ты слишком молод...

И Ларик должен был уйти ни с чем. И вдруг возле окна, на сту-

ле, он увидел новый военный барабан. Барабан был красивый, с блестящим медным ободком, с туго натянутой кожей. Две деревянные палочки лежали рядом.

Ларик остановился, посмотрел на барабан и сказал:

— Я могу играть на барабане...

— Неужели? — обрадовался командир. — А попробуй-ка!

Ларик перекинул барабанные ремни через плечо, взял в руки палочки и ударил одной из них по тугому верху. Палочка отскочила, будто пружинная, а барабан ответил веселым баском:

Бум!

Ларик ударил другой палочкой.

Бум! — снова ответил барабан.

И уж тогда Ларик стал барабанить двумя палочками.

Ух, как они заплясали у него в руках! Они просто не знали удержу, они просто не могли остановиться. Они отбивали такую дробь, что хотелось встать, выпрямиться и шагать вперед!

— Раз-два! Раз-два! Раз-два!

И Ларик остался в отряде.

На следующее утро отряд уезжал из города. Когда поезд тронулся, из открытых дверей теплушки раздалась веселая песенка Ларика:

Бам-бара-бам-бам,
Бам-бам-бам!
Впереди всех барабан,
Командир и барабанщик.

Ларик и барабан сразу стали товарищами. По утрам они просыпались раньше всех.

— Здорово, приятель! — говорил Ларик своему барабану и легонько шлепал его ладонью.

«Здо-ро-во!» — гудел в ответ барабан. И они принимались за работу.

В отряде не было даже горна. Ларик с барабаном были единственными музыкантами. По утрам они играли побудку:

Бам-бара-бам,
Бам-бам-бам!
С добрым утром,
Бам-бара-бам!

Это была славная утренняя песня!

Когда отряд шел походным маршем, у них была припасена другая песня. Руки Ларика никогда не уставали, и голос барабана не умолкал всю дорогу. Бойцам было легче шагать по топким осенним дорогам. Подпевая своему барабанщику, они шли от привала к привалу, от привала к привалу...

И вечером на привалах барабану тоже находилась работа. Только ему одному, конечно, справиться было трудно.

Он только начинал:

Эх! Бам-бара-бам,
Бам-бара-бам!
Веселей всех
Барабан!

Сразу же подхватывали деревянные ложки:

И мы тоже ловко бьем,
Бим-бири-бом,
Бим-бири-бом!

Потом вступали четыре гребешка:

Не отстанем мы от вас,
Бимс-бамс, бимс-бамс!

И уже последние начинали губные гармошки.

Вот это было веселье! Такой замечательный оркестр можно было слушать хоть всю ночь.

Но была у барабана и Ларика еще одна песня. И эта песня была самая громкая и самая нужная. Где бы ни были бойцы, они сразу узнавали голос своего барабана из тысячи других барабанных голосов. Да, если нужно было, Ларик умел бить тревогу...

Прошла зима. Снова наступила весна. Ларику шел уже пятнадцатый год.

Красногвардейский отряд снова вернулся в тот город, где вырос Ларик. Красногвардейцы шли разведчиками впереди большой, сильной армии, и враг убегал, прячась, скрываясь, нанося удары из-за угла.

Отряд подошел к городу поздно вечером. Было темно, и командир приказал остановиться на ночлег возле леса, недалеко от полотна железной дороги.

— Целый год я не видел отца, матери и младшей сестренки, — сказал Ларик командиру. — Я даже не знаю, живы ли они. Можно их навестить? Они живут за тем леском...

— Что ж, иди, — сказал командир.

И Ларик пошел.

Он шел и чуть слышно насвистывал. Под ногами в мелких весенних лужицах булькала вода. Было светло от луны. За спиной у Ларика висел его боевой товарищ — военный барабан.

Узнают ли его дома? Нет, младшая сестренка, конечно, не узнает. Он нащупал в кармане два розовых пряника. Этот гостинец он давно припас для нее...

Он подошел к опушке. Как здесь было хорошо! Лес стоял тихий-тихий, весь посеребренный лунным светом.

Ларик остановился. От высокой ели падала тень. Ларик стоял, укрытый этой черной тенью.

Вдруг тихо щелкнула сухая ветка.

Одна справа. Другая слева. За спиной...

На опушку вышли люди. Их было много. Они шли длинной цепью. Винтовки наперевес. Двое остановились почти рядом с Лариком. На плечах — белогвардейские погоны. Один офицер сказал второму очень тихо:

— Часть солдат идет со стороны леса. Другая — вдоль железнодорожной линии. Остальные заходят с тыла.

— Мы замкнем их в кольцо и уничтожим, — сказал второй.

И, крадучись, они прошли мимо.

Это были враги.

Ларик глубоко вздохнул. Он стоял в тени. Его не заметили.

Ларик потер ладонью горячий лоб. Все понятно. Значит, часть солдат идет из леса. Другие заходят с тыла. Часть — вдоль полотна железной дороги...

Белые хотят замкнуть их отряд в кольцо и уничтожить.

Нужно бежать туда, к своим, к красным. Нужно предупредить, и как можно скорее.

Но разве он успеет? Они могут опередить его. Они могут поймать его по дороге...

Нет! Сделать нужно по-другому.

И Ларик быстро повернул к себе свой боевой барабан, вынул из-за ремня деревянные палочки и, широко взмахнув руками, ударил по барабану.

Тревога!

Это прозвучало, как выстрел, как тысяча коротких ружейных залпов...

Тревога!

Весь лес откликнулся, загудел, забарабанил громким эхом, будто возле каждого дерева стоял маленький смелый барабанщик и бил в боевой барабан.

Ларик стоял под елью и видел, как к нему со всех сторон устремились враги. Но он не двинулся с места. Он только колотил в барабан. Это была их последняя песня — песня боевой тревоги.

И, только когда что-то ударило Ларика в висок и он упал, барабанные палочки сами выпали у него из рук...

Ларик уже не мог видеть, как навстречу врагу с винтовками наперевес устремились красные бойцы и как побежденный враг бежал и со стороны леса, и со стороны города, и оттуда, где блестили тонкие линии железнодорожного полотна.

Утром в лесу снова стало тихо. Деревья, стряхивая капли влаги,

поднимали к солнцу прозрачные верхушки, и только у старой ели широкие ветви лежали совсем на земле.

Бойцы принесли Ларика домой. Глаза его были закрыты.

Барабан был с ним. Только палочки остались в лесу, там, где они выпали у Ларика из рук.

И барабан повесили на стену.

Он прогудел последний раз — громко и печально, будто прощаясь со своим славным боевым товарищем.

Вот что рассказал мальчику старый боевой барабан.

Мальчик тихонько слез со стула и на цыпочках вернулся в постель.

Он долго лежал с открытыми глазами, и ему казалось, будто он идет по широкой красивой улице и крепко колотит в свой новый желтый барабанчик. Голос у барабанчика громкий, смелый, и они вместе поют любимую песенку Ларика:

Бам-бара-бам,
Бам-бара-бам!
Впереди всех барабан,
Командир и барабанщик.

A large, stylized green letter 'В' (V) dominates the left side of the page. It has a face with a large nose and a hand reaching down towards a small man. The background is a mix of pink and brown textures.

Д. Хармс

**ВО-ПЕРВЫХ
И ВО-ВТОРЫХ**

В

о-первых, запел я песенку и пошел. Во-вторых подходит ко мне Петька и говорит: «Я с тобой пойду». — И мы оба пошли, напевая песенку.

В-третьих, идем мы и смотрим — стоит на дороге человек, ростом с ведро. «Ты кто такой?» — спросили мы его. — «Я самый маленький человек в мире». — «Пойдем с нами». — «Пойдем».

Пошли мы дальше, но маленький человек не может за нами угнаться. Бегом бежит, а все-таки не догонит. Тогда мы его

взяли за руки. Петька за правую, я за левую. Маленький человек повис на руках, едва ногами земли касается. Пошли мы так дальше. Идем все трое и песенки насвистываем.

В-четвертых, идем мы и смотрим — лежит на земле возле дороги человек, голову на пенек положил, а сам такой длины, что не видать, где ноги кончаются. Подошли мы к нему поближе, а он как вскочит на ноги, да как кулаком по пеньку стукнет, так пенек в землю и ушел. А длинный человек посмотрел вокруг, увидел нас и говорит: «Вы, — говорит, — кто такие, что мой сон потревожили?» — «Мы, — говорим мы, — веселые ребята. Хочешь с нами пойдем?» — «Хорошо», — говорит длинный человек, да как шагнет метров на двадцать. «Эй! — кричит ему маленький человек. — Обожди нас немного!» Схватили мы маленького человека и побежали к длинному. «Нет, — говорим мы, — так нельзя, ты маленькими шагами ходи».

Пошел длинный человек маленькими шагами, да что толку. Десять шагов сделает и из виду пропадет. «Тогда, — говорим мы, — пусть маленький человек тебе на плечо сядет, а нас ты под мышки возьми». Посадил длинный человек маленького себе на плечо, а нас под мышки взял и пошел. «Тебе удобно?» — говорю я. И засвистели мы веселые песенки. И длинный человек идет и насвистывает, и маленький человек у него на плече сидит и тоже свистит-заливается.

В-пятых, идем мы и смотрим — стоит поперек нашего пути осел. Обрадовались мы и решили на осле ехать. Первым попробовал длинный человек. Перекинул он ногу через ослицу, а осел ему ниже колена приходится. Только хотел длинный человек на ослицу сесть, а осел взял да и пошел, и длинный человек со всего размаху на землю сел. Попробовали мы маленького человека на ослицу посадить. Но только осел несколько шагов сделал — маленький человек не удержался и свалился на землю. Потом встал и говорит: «Пусть длинный человек меня опять на плечо понесет, а вы с Петькой на осле поезжайте». Сели мы, как маленький человек сказал, и поехали. И всем хорошо. И все мы песни насвистываем.

В-шестых, приехали мы к большому озеру. Глядим, у берега лодка стоит. «Что ж, поедем на лодке?» — говорит Петька. Я с Петькой хорошо в лодке уселся, а вот длинного человека с трудом усадили. Согнулся он весь, сжался, коленки к самому подбородку поднял.

Маленький человек где-то под скамейкой сел, а вот ослу места-то и не осталось. Если бы длинного человека в лодку не сажать, тогда можно было бы и ослицу посадить. А вдвоем не помещаются. «Вот что, — говорит маленький человек, — ты длинный, вброд иди, а мы ослицу в лодку посадим и поедем». Посадили мы ослицу в лодку, а длинный человек вброд пошел, да еще нашу лодку на веревочке потянул. Осел сидит, пошевеливаться боится — верно, первый раз в лодку попал. А ос-

тальным хорошо. Едем мы по озеру, песни свистим. А длинный человек тащит нашу лодку и тоже песни поет.

В-седьмых, вышли мы на другой берег, смотрим — стоит автомобиль. «Что ж это такое может быть?» — говорит длинный человек. «Что это?» — говорит маленький человек. «Это, — говорю я, — автомобиль». — «Это машина, на которой мы сейчас и поедем», — говорит Петька.

Стали мы в автомобиле рассаживаться. Я и Петька у руля сели, маленького человека спереди на фонарь посадили, а вот длинного человека, осла и лодку никак в автомобиле не разместить. Положили мы лодку в автомобиль, в лодку осла поставили, и все бы хорошо, да длинному человеку места нет. Посадили мы его в лодку — осла места нет. Посадили мы в автомобиль осла и длинного человека — лодку некуда поставить.

Мы совсем растерялись, не знали, что и делать, да маленький человек совет подал: «Пусть, — говорит, — длинный человек в автомобиль сядет, а осла себе на колени положит, а лодку руками над головой поднимет». Посадили мы длинного человека в автомобиль, на колени к нему осла положили, а в руки дали лодку держать. «Не тяжело?» — спросил его маленький человек. «Нет, ничего», — говорит длинный. Я пустил мотор в ход, и мы поехали. Всем хорошо, только маленькому человеку впереди на фонаре сидеть неудобно, кувыркает его от тряски, как ваньку-встаньку. А остальным ничего. Едем мы и песни насвистываем.

В-восьмых, приехали мы в какой-то город. Поехали по улицам. На нас народ смотрит, пальцами показывает: «Это что, — говорит, — в автомобиле дубина какая сидит, себе на колени осла посадил и лодку руками над головой держит. Ха! ха! ха! А впереди-то какой на фонаре сидит. Ростом с ведёрко! Вон его как от тряски-то кувыркает! Ха! ха! ха!» А мы подъехали прямо к гостинице, лодку на землю положили, автомобиль поставили под навес, осла к дереву подвязали и зовем хозяина. Вышел к нам хозяин и говорит: «Что вам угодно?» — «Да вот, — говорим мы ему, — переночевать нельзя ли у вас?» — «Можно», — говорит хозяин и повел нас в комнату с четырьмя кроватями. Я и Петька легли, а вот длинному человеку и маленькому никак не лечь. Длинному все кровати коротки, а маленькому не на что голову положить. Подушка выше его самого, и он мог только стоя к подушке прислониться. Но так как мы все очень устали, то легли кое-как и заснули. Длинный человек просто на полу лег, а маленький на подушку весь залез, да так и заснул.

В-девятых, проснулись мы утром и решили дальше путь продолжать. Тут вдруг маленький человек и говорит: «Знаете что? Довольно нам с этой лодкой да автомобилем таскаться. Пойдемте лучше пешком». — «Пешком я не пойду, — сказал длинный человек, — пешком

скоро устанешь». — «Это ты-то, такая детина, устанешь?» — засмеялся маленький человек. — «Конечно, устану, — сказал длинный, — вот бы мне какую лошадь по себе найти». — «Какая же тебе лошадь годится? — вмешался Петька. — Тебе не лошадь, а слона нужно». — «Ну, здесь-то слона не достанешь, — сказал я, — здесь не Африка». Только это я сказал, вдруг слышим на улице лай, шум и крики. Посмотрели в окно, глядим — ведут по улице слона, а за ним народ валит. У самых слоновьих ног бежит маленькая собачонка и лает во всю мочь, а слон идет спокойно, ни на кого внимания не обращает. «Вот, — говорит маленький человек длинному, — вот тебе и слон как раз. Садись и поезжай». — «А ты на собачку садись. Как раз по твоему росту», — сказал длинный человек. — «Верно, — говорю я, — длинный на слоне поедет, маленький на собачке, а я с Петькой на осле». И побежали мы на улицу.

В-десятых, выбежали мы на улицу. Я с Петькой на осла сел, маленький человек у ворот остался, а длинный за слоном побежал. Добежал он до слона, вскочил на него и к нам повернул. А собачка от слона отстает, лает и тоже к нам бежит. Только до ворот добежала, тут маленький человек наловчился и прыгнул на собачку. Так мы все и поехали. Впереди длинный человек на слоне, за ним я с Петькой на осле, а сзади маленький человек на собачке. И всем нам хорошо, и все мы песни насвистываем.

Выехали мы из города и поехали, а куда приехали и что с нами там приключилось, об этом мы вам в следующий раз расскажем.

С. Михалков

КАК СТАРИК
КОРОВУ ПРОДАВАЛ

Н

а рынке корову старик продавал,
Никто за корову цены не давал.
Хоть многим была коровенка нужна,
Но, видно, не нравилась людям она.

- Хозяин, продашь нам корову свою?
- Продам. Я с утра с ней на рынке стою.
- Не много ли просишь, старик, за нее?
- Да где наживаться! Вернуть бы свое.
- Уж больно твоя коровенка худая!
- Болеет, проклятая. Прямо беда!
- А много ль корова дает молока?
- Да мы молока не видали пока...

Весь день на базаре старик торговал,
Никто за корову цены не давал.
Один паренек пожалел старика:
— Папаша, рука у тебя нелегка!

Я возле коровы твоей постою,
Авось продадим мы скотину твою.

Идет покупатель с тугим кошельком,
И вот уж торгуется он с пареньком:

— Корову продашь?

— Покупай, коль богат.

Корова, гляди, не корова, а клад!

— Да так ли! Уж выглядит больно худой!

— Не очень жирна, но хороший удой.

— А много ль корова дает молока?

— Не выдоишь за день — устанет рука.

Старик посмотрел на корову свою:

— Зачем я, Буренка, тебя продаю?

Корову свою не продам никому,

Такая скотина нужна самому!

И. Носов

КОРОТЫШКИ ИЗ ЦВЕТОЧНОГО ГОРОДА

(Отрывок)

В

одном сказочном городе жили коротышки. Коротышками их называли потому, что они были очень маленькие. Каждый коротышка был ростом с небольшой огурец. В городе у них было очень красиво. Вокруг каждого дома росли цветы: маргаритки, ромашки, одуванчики. Там даже улицы назывались именами цветов: улица Колокольчиков, аллея Ромашек, бульвар Васильков. А сам город назывался Цветочным городом. Он стоял на берегу ручья. Этот ручей коротышки на-

зывали Огурцовой рекой, потому что по берегам ручья росло много огурцов.

За рекой был лес. Коротышки делали из березовой коры лодочки, переплывали через реку и ходили в лес за ягодами, за грибами, за орехами. Сбирать ягоды было трудно, потому что коротышки ведь были крошечные, а за орехами и вовсе приходилось лазить на высокий куст, да еще тащить с собой пилу. Ни один коротышка не смог бы сорвать орех руками — их надо было пилить пилой. Грибы тоже пилили пилой. Спилят гриб под самый корень, потом распилят его на части и тащат по кусочкам домой.

Коротышки были неодинаковые: одни из них назывались малышами, а другие — малышками. Малыши всегда ходили либо в длинных брюках навыпуск, либо в коротеньких штанишках на помочах, а малышки любили носить платица из пестренькой, яркой материи. Малыши не любили возиться со своими прическами, и поэтому волосы у них были всегда короткие, стриженные, а у малышек волосы были длинные. Они очень любили делать разные красивые прически, волосы заплетали в длинные косы и в косы вплетали ленточки, а на голове носили бантики. Многие малыши очень гордились тем, что они малыши, и совсем почти не дружили с малышками. А малышки гордились тем, что они малышки, и тоже не хотели дружить с малышами. Если какая-нибудь малышка встречала на улице малыша, то, увидев его издали, сейчас же переходила на другую сторону улицы. И хорошо делала, потому что среди малышек часто попадались такие, которые не могли спокойно пройти мимо малышки, а обязательно скажут ей что-нибудь обидное, даже толкнут или, еще того хуже, за косу дернут. Конечно, не все малыши были такие, но ведь этого на лбу у них не написано, поэтому малышки считали, что лучше заранее перейти на другую сторону улицы и не попадаться навстречу. За это многие малыши называли малышек вообразулками — придумают же такое слово! — а многие малышки называли малышек забияками и другими обидными прозвищами.

Некоторые читатели сразу скажут, что все это, наверно, выдумки, что в жизни таких малышек не бывает. Но никто ведь и не говорит, что они в жизни бывают. В жизни — это одно, а в сказочном городе — совсем другое. В сказочном городе все бывает.

В одном домике на улице Колокольчиков жило шестнадцать малышей-коротышек. Самым главным из них был малыш-коротыш, по имени Знайка. Его прозвали Знайкой за то, что он знал очень много. А знал он много потому, что читал разные книги. Эти книги лежали у него и на столе, и под столом, и на кровати, и под кроватью. В его комнате не было такого места, где бы не лежали книги. От чтения книг Знайка сделался очень умным. Поэтому все его слушались и очень любили. Одевался он всегда в черный костюм, а когда садился за стол, надевал на

нос очки и начинал читать какую-нибудь книгу, то совсем становился похож на профессора.

В этом же домике жил известный доктор Пилюлькин, который лечил коротышек от всех болезней. Он всегда ходил в белом халате, а на голове носил белый колпак с кисточкой. Жил здесь также знаменитый механик Винтик со своим помощником Шпунтиком; жил Сахарин Сахаринич Сиропчик, который прославился тем, что очень любил газированную воду с сиропом. Он был очень вежливый. Ему нравилось, когда его называли по имени и отчеству, и не нравилось, когда кто-нибудь называл его просто Сиропчиком. Жил еще в этом доме охотник Пулька. У него была маленькая собачка Булька, и еще было ружье, которое стреляло пробками. Жили художник Тюбик, музыкант Гусля и другие малыши: Торопыжка, Ворчун, Молчун, Пончик, Растеряйка, два брата — Авоська и Небоська. Но самым известным среди них был малыш по имени Незнайка. Его прозвали Незнайкой за то, что он ничего не знал.

Этот Незнайка носил яркую голубую шляпу, желтые, канареечные брюки и оранжевую рубашку с зеленым галстуком. Он вообще любил яркие краски. Нарядившись таким попугаем, Незнайка по целым дням слонялся по городу, сочинял разные небылицы и всем рассказывал. Кроме того, он постоянно обижал малышей. Поэтому малышки, завидев издали его оранжевую рубашку, сейчас же поворачивали в обратную сторону и прятались по домам. У Незнайки был друг, по имени Гунька, который жил на улице Маргариток. С Гунькой Незнайка мог болтать по целым часам. Они двадцать раз на день ссорились между собой и двадцать раз на день мирились.

В особенности Незнайка прославился после одной истории.

Однажды он гулял по городу и забрел в поле. Вокруг не было ни души. В это время летел майский жук. Он сослепу налетел на Незнайку и ударил его по затылку. Незнайка кубарем покатился на землю. Жук в ту же минуту улетел и скрылся вдали. Незнайка вскочил, стал оглядываться по сторонам и смотреть, кто это его ударил. Но кругом никого не было.

«Кто же это меня ударил? — думал Незнайка. — Может быть, сверху упало что-нибудь?»

Он задрал голову и поглядел вверх, новерху тоже ничего не было. Только солнце ярко сияло над головой у Незнайки.

«Значит, это на меня с солнца что-то свалилось, — решил Незнайка. — Наверно, от солнца оторвался кусок и ударил меня по голове».

Он пошел домой и встретил знакомого, которого звали Стекляшкин. Этот Стекляшкин был знаменитый астроном. Он умел делать из осколков битых бутылок увеличительные стекла. Когда он смотрел в увеличительные стекла на разные предметы, то предметы казались больше. Из нескольких таких увеличительных стекол Стекляшкин сде-

лал большую подзорную трубу, в которую можно было смотреть на луну и на звезды. Таким образом он сделался астрономом.

— Слушай, Стекляшкин, — сказал ему Незнайка. — Ты понимаешь, какая история вышла: от солнца оторвался кусочек и ударил меня по голове.

— Что ты, Незнайка! — засмеялся Стекляшкин. — Если бы от солнца оторвался кусок, он раздавил бы тебя в лепешку. Солнце ведь очень большое. Оно больше всей нашей Земли.

— Не может быть, — ответил Незнайка. — По-моему, солнце не больше тарелки.

— Нам только так кажется, потому что солнце очень далеко от нас. Солнце — огромный раскаленный шар. Это я в свою трубу видел. Если бы от солнца оторвался хоть маленький кусочек, то он разрушил бы весь наш город.

— Ишь ты! — ответил Незнайка. — А я и не знал, что солнце такое большое. Пойду-ка расскажу нашим — может быть, они еще не слышали про это. А ты все-таки посмотри на солнце в свою трубу: вдруг оно на самом деле щербатое.

Незнайка пошел домой и всем, кто по дороге встречался, рассказывал:

— Братцы, вы знаете, какое солнце? Оно больше всей нашей Земли. Вот оно какое! И вот, братцы, от солнца оторвался кусок и летит прямо к нам. Скоро он упадет и всех нас задавит. Ужас что будет! Вот пойдите спросите Стекляшкина.

Все смеялись, так как знали, что Незнайка — болтун. А Незнайка побегал во всю прыть домой и давай кричать:

— Братцы, спасайся! Кусок летит!

— Какой кусок? — спрашивают его.

— Кусок, братцы! От солнца оторвался кусок. Скоро шлепнется — и всем будет крышка. Знаете, какое солнце? Оно больше всей нашей Земли!

— Что ты выдумываешь!

— Ничего я не выдумываю. Это Стекляшкин сказал. Он в свою трубу видел.

Все выбежали во двор и стали смотреть на солнце. Смотрели, смотрели, пока из глаз не потекли слезы. Всем сослепу стало казаться, будто солнце на самом деле щербатое.

А Незнайка кричал:

— Спасайся кто может! Беда!

Все стали хватать свои вещи. Тюбик схватил свои краски и кисточки, Гуся — свои музыкальные инструменты: и скрипку, и балалайку, и медную трубу. Доктор Пилюлькин метался по всему дому и разыскивал походную аптечку, которая где-то затерялась. Пончик схватил ка-

лоши и зонтик и уже выбежал за ворота, но тут раздался голос Знайки:

— Успокойтесь, братцы! Ничего страшного нет. Разве вы не знаете, что Незнайка — болтун? Все это он выдумал.

— Выдумал? — закричал Незнайка. — Вот пойдите спросите Стеклашкина.

Все побежали к Стеклашкину, и тогда выяснилось, что Незнайка на самом деле все сочинил. Ну и смеху тут было! Все смеялись над Незнайкой и говорили:

— Удивляемся, как это мы тебе поверили!

— А я будто не удивляюсь! — ответил Незнайка. — Я ведь и сам поверил.

Вот какой чудной был этот Незнайка!

В. Каверин

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

В пионерском лагере появился новый воспитатель. Ничего особенного, обыкновенный воспитатель! Конечно, большая черная борода придавала ему странный вид, потому что она была большая, а он маленький. Но дело было не в бороде! Если бы дело было в бороде, сказка так и называлась бы.

В этом пионерском лагере был один мальчик. Его звали Петька. Потом там была одна девочка. Ее звали Таня. Таня была храбрая. Все говорили ей, что она

храбрая, и это ей очень нравилось. Кроме того, она любила смотреться в зеркало, и хотя каждый раз находила там только себя, а все-таки смотрела и смотрела.

А Петька был трус. Ему говорили, что он трус и как ему не стыдно, но он отвечал, что зато он умный. И верно: он был умный и замечал то, что другой и храбрый не заметит.

И вот однажды он заметил, что новый воспитатель каждое утро встает очень добрый, а к вечеру становится очень злой. Это было удивительно! Утром ты хоть что у него попроси — никогда не откажет! К обеду он был уже довольно сердитый, а после «тихого часа» только гладил свою бороду и не говорил ни слова. А уж вечером!.. Лучше к нему не подходи! Он сверкал глазами и рычал.

Конечно, ребята пользовались тем, что по утрам он добрый. В реке сидели часа по два, стреляли из рогатки, дергали девочек за косы. Каждый делал, что ему нравилось. Зато уж после обеда — нет! Все ходили смирные, вежливые и только прислушивались, не рычит ли где-нибудь Борода — так его прозвали.

А некоторые нечестные ребята, которые были ябеды, те ходили к нему жаловаться именно вечером, перед сном. Но он обыкновенно откладывал наказание на завтра, а завтра уже вставал добрый-предобрый. С добрыми глазами, добрыми руками и с доброй длинной черной бородой!

Это была загадка! Но это была еще не вся загадка, а только половина.

Петька очень любил читать; должно быть, поэтому он и был такой умный. И вот он повадился читать, когда другие ребята еще спали. Вы-то не делайте этого, дети, потому что в постели читать очень вредно! Но Петька читал — ему было все равно, что это вредно.

И вот однажды, проснувшись рано утром, он вспомнил, что оставил свою книгу в читальне. А читальня была рядом с комнатой Бороды, и, когда Петька пробегал мимо, он подумал, что очень интересно: а какой Борода во сне? Злой или добрый? Кстати, дверь в его комнату была открыта не очень, а как раз, чтобы заглянуть. И Петька подошел на цыпочках и заглянул.

Знаете, что он увидел? Борода стоял на голове! Пожалуй, можно было подумать, что это утренняя зарядка. Но все-таки это не было похоже на утреннюю зарядку, потому что Борода постоял немного, а потом вздохнул и сел на кровать. Он сидел очень грустный и все вздыхал. А потом — раз! И он снова стал на голову, да так ловко, точно это было для него совершенно то же самое, что стоять на ногах. Вот это действительно была загадка!

Конечно, Петька решил, что Борода прежде был клоуном или акробатом. Но зачем же ему теперь-то стоять на голове, да еще рано

утром, когда на него никто не смотрит? И почему он так вздыхал и так грустно качал головой?

Петька думал и думал, и хотя он был очень умный, но все-таки ничего не понимал. На всякий случай он никому не рассказал, что новый воспитатель стоял на голове, — это была тайна! Но потом не выдержал и стал думать: кому бы все-таки рассказать? И рассказал Тане.

Конечно, Таня сперва не поверила.

— Врешь, — сказала она.

Она стала хохотать и украдкой посмотрела на себя в зеркальце: ей было интересно, какая она, когда смеется.

— А тебе это не приснилось?

— Нет.

— Будто не приснилось, а на самом деле приснилось. Это бывает, что не сон, не сон, а потом оказывается — сон.

Но Петька дал честное слово, и тогда она поверила, что это не сон.

А нужно вам сказать, что Таня очень любила нового воспитателя, даром что он был такой странный. Ей даже нравилась его борода. Он часто рассказывал Тане разные истории, и Таня готова была слушать их с утра до ночи.

И вот на другое утро — весь дом еще спал — Петька и Таня встретились у читальни и на цыпочках пошли к Бороде. Но дверь была закрыта, а через замочную скважину они ничего не увидели, только услышали, как Борода вздыхает.

А нужно вам сказать, что окно этой комнаты выходило на балкон, и, если влезть по столбу, можно было увидеть, стоит Борода на голове или нет. Петька трусил, а Таня полезла. Она влезла и посмотрела на себя в зеркальце, чтобы узнать, не очень ли она растрепалась. Потом на цыпочках подошла к окну, да так и ахнула: Борода стоял на голове!

Тут уж и Петька не выдержал. Он хотя был трус, но любопытный, а потом ему нужно было сказать Тане: «Ага, я тебе говорил!» Вот влез и он, и они стали смотреть в окно и шептаться.

А нужно вам сказать, что это окно открывалось внутрь. Когда Петька и Таня налегли на него и стали шептаться, оно вдруг распахнулось. Раз! — и ребята хлопнулись прямо к ногам Бороды, то есть, вернее, не к ногам, а к голове, потому что он стоял на голове. Если бы такая история произошла вечером или после «тихого часа», — несдобровать бы тогда Тане и Петьке! Но Борода, как известно, по утрам бывал добрый-предобрый! Поэтому он встал на ноги и только спросил ребят, не очень ли они ушиблись.

Петька был ни жив ни мертв, даром что такой умный. А Таня — ничего и даже вынула зеркальце, чтобы посмотреть, не потеряла ли она бантик, пока летела.

— Ну что ж, ребята, — грустно сказал Борода, — я мог бы, конечно, сказать вам, что доктор прописал мне стоять на голове по утрам или что я прежде был акробатом. Но не надо врать. Вот моя история.

Когда я был маленьким мальчиком — таким, как ты, Петя, — я был очень невежливый. Никогда, вставая из-за стола, я не говорил маме спасибо, а когда мне желали спокойной ночи, только показывал язык и смеялся. Никогда я вовремя не являлся к столу, и нужно было тысячу раз звать меня, пока я наконец отзывался. В тетрадях у меня была такая грязь, что мне даже самому было неприятно. Но раз уж я был невежливый, не стоило следить и за чистотой в тетрадях. Плохой так плохой! Мама говорила: «Вежливость и аккуратность!» Я был невежливый — стало быть, и неаккуратный.

Никогда я не знал, который час, и часы казались мне самой ненужной вещью на свете. Ведь и без часов известно, когда хочется есть! А когда хочется спать, разве без часов не известно?

И вот однажды к моей няне (у нас в доме много лет жила старая няня) пришла в гости одна старушка. Только она вошла, как сразу стало видно, какая она чистенькая и аккуратная. На голове у нее был чистенький платочек, а на носу чистенькие очки в светлой оправе. В руках она держала чистенькую палочку, и вообще она была, должно быть, самая чистенькая и аккуратная старушка на свете.

И вот она пришла и поставила палочку в угол. Очки она сняла и положила на стол. А платочек тоже сняла и положила себе на колени.

Конечно, теперь бы мне понравилась такая старушка. Но тогда она мне почему-то ужасно не понравилась. Поэтому, когда она вежливо сказала мне: «Доброе утро, мальчик!» — я даже не ответил ей «орту еорбод», что все-таки тоже значит «доброе утро», хотя и наоборот. Я показал ей язык и ушел.

И вот что я сделал, ребята! Я потихоньку вернулся, залез под стол и стащил у старушки платочек. Мало того, я стащил у нее из-под носа очки. Потом я надел очки, повязался платочком, вылез из-под стола и стал ходить, сгорбившись и опираясь на старушкину палку.

Конечно, это было очень плохо. Но мне показалось, что старушка не так уж обиделась на меня. Она только спросила, всегда ли я такой невежливый, а я вместо ответа показал ей язык.

«Слушай, мальчик, — сказала она уходя. — Я не могу научить тебя

вежливости. Но зато я могу научить тебя точности, а от точности до вежливости, как известно, только один шаг. Не бойся, я не превращу тебя в стенные часы, хотя и стоило бы, потому что стенные часы — это самая вежливая и точная вещь в мире. Никогда они не говорят лишнего и только знают себе делают свое дело. Но мне жаль тебя. Ведь стенные часы всегда висят на стене, а это скучно. Лучше я превращу тебя в песочные часы. Песочные часы тоже очень хорошая штука».

Конечно, если бы я знал, кто эта старушка, я бы не стал показывать ей язык. Это была фея Вежливости и Точности — недаром она была в таком чистеньком платочке, с такими чистенькими очками на носу...

И вот она ушла, а я превратился в песочные часы. Конечно, я не стал настоящими песочными часами. Вот у меня, например, борода, а где же видана у песочных часов борода! Но я стал совсем как часы. Я стал самым точным человеком на свете. А от точности до вежливости, как известно, только один шаг.

Наверное, вы хотите спросить меня, ребята: «Тогда почему же вы такой грустный?» Потому что самого главного фея Вежливости и Точности мне не сказала. Она не сказала, что каждое утро мне придется стоять на голове, потому что за сутки песок пересыпается вниз, а ведь когда в песочных часах песок пересыпается вниз, их нужно перевернуть вверх ногами. Она не сказала, что по утрам, когда часы в порядке, я буду добрым-предобрым, а чем ближе к вечеру, тем буду становиться все злее. Вот почему я такой грустный, ребята! Мне совсем не хочется быть злым, ведь на самом деле я действительно добрый. Мне совсем не хочется каждое утро стоять на голове. Пока я был мальчиком, еще ничего, а теперь — просто неприлично и глупо. Я даже отрастил себе длинную бороду, ребята, чтобы не было видно, что я такой грустный. Но мало помогает мне борода!

Конечно, ребята слушали его с большим интересом. Петька смотрел ему прямо в рот, а Таня даже ни разу не взглянула в зеркальце, хотя было бы очень интересно узнать, какая она, когда слушает историю о песочных часах.

— А если найти эту фею, — спросила она, — и попросить, чтобы она снова сделала вас человеком?

— Да это можно сделать, конечно, — сказал Борода. — Если тебе меня действительно жаль.

— Очень, — сказала Таня. — Мне вас очень жаль, честное слово. Тем более, если бы вы были мальчик, как Петька, тогда ничего. А воспитателю стоять на голове неудобно.

Петька тоже сказал, что да, жаль, и тогда Борода дал им адрес феи Вежливости и Точности и даже попросил их похлопотать за него.

Сказано — сделано! Но Петька вдруг испугался. Он сам не знал, вежливый он или невежливый. А вдруг фея Вежливости и Точности захочется и его во что-нибудь превратить?

И Таня отправилась к фее одна...

Без сомнения, это была самая чистенькая комната в мире! На чистом полу лежали разноцветные чистые половики. Окна были так чисто вымыты, что даже нельзя было определить, где кончается стекло и начинается воздух. На чистом подоконнике стояла герань, и каждый листик так и блестел, точно фея начистила его зубным порошком.

В одном углу стояла клетка с попугаем, и у него был такой вид, как будто он каждое утро моется мылом. А в другом висели ходики. Что это были за чудные ходики! Сразу было видно, что это самая вежливая и точная вещь в мире. Конечно, они не говорили ничего лишнего, а только «тик-так», но это значило: «Вы хотите узнать, который час? Пожалуйста».

А сама фея сидела у стола и пила черный кофе.

— Здравствуйте! — сказала ей Таня.

И поклонилась так вежливо, как только могла. При этом она посмотрела в зеркальце, чтобы узнать, как это у нее получилось.

— Ну что же, Таня, — сказала фея, — я ведь знаю, зачем ты пришла. Но нет, нет! Это очень противный мальчишка.

— Он уже давно не мальчишка, — сказала Таня. — У него длинная черная борода.

— Ну ладно, — сказала фея, — для меня он еще мальчишка. Нет, пожалуйста, не проси за него! Я не могу забыть, как он стащил мои очки и платочек и как передразнивал меня, сгорбившись и опираясь на палку. Надеюсь, что с тех пор он довольно часто обо мне вспоминает.

Таня подумала, что с этой старой тетушкой нужно быть очень вежливой, и на всякий случай поклонилась ей снова. При этом она снова посмотрела в зеркальце, чтобы узнать, как это снова у нее получилось.

— А может быть, вы все-таки его расколдовали бы? — попросила она. — Мы его очень любим, особенно по утрам. А если в лагере узнают, что ему приходится стоять на голове, над ним станут смеяться. Вы не поверите — мне его так жаль, что я просто не знаю.

— Ах, тебе его жаль, — заворчала фея, — это другое дело. Очень хорошо, что тебе его жаль! Это первое условие для того, чтобы мое колдовство пропало. Но под силу ли тебе второе условие?

Таня поклонилась ей в третий раз и спросила:

— Какое же?

— Ты должна отказаться от того, что тебе нравится больше всего на свете. — И фея показала на зеркальце, которое Таня как раз вынула из кармана, чтобы узнать, как она выглядит, когда так вежливо разговаривает с феей. — Ты не должна смотреться в зеркальце ровно год и один день.

Вот тебе раз! Этого Таня не ожидала. Целый год не смотреться в зеркало? Как же быть? Завтра в пионерском лагере прощальный бал, и Таня как раз собиралась надеть новое платье, то самое, которое она хотела надеть целое лето. Не надевать же его на пляж или в лес за грибами!

— Понимаете, ведь это очень неудобно, — сказала она. — Например, утром, когда заплетаешь косы. Как же без зеркала? Ведь я тогда буду ходить трéпаная, и вам самой это не понравится.

— Как хочешь, — сказала фея.

И Таня задумалась.

«Конечно, — подумала она, — это ужасно. Ведь, по правде говоря, я смотрюсь в зеркальце каждую минуту, а тут здрасьте! Целый год, да еще целый день! Но, с одной стороны, мне ведь это все-таки легче, чем бедному Бороде каждое утро стоять вверх ногами».

— Я согласна, — сказала она. — Вот мое зеркальце. Я приду за ним через год.

— И через день, — проворчала фея.

И Таня отдала ей свое зеркальце и вежливо поклонилась. При этом ей захотелось узнать, как это у нее получилось. Но, увы, это было уже невозможно.

И вот Таня вернулась в лагерь. По дороге она старалась не смотреться даже в лужи, которые попадались ей навстречу. Она не должна была видеть себя ровно год и день. Ох, это очень долго! Но она твердо решила, что так и будет. А раз она решила, значит, так и будет.

Конечно, Петьке она рассказала, в чем дело, а больше никому, потому что хотя она и была храбрая, но все-таки побаивалась, что девочки возьмут да и подсунут зеркальце — и тогда все пропало! А Петька не подсунет.

— Интересно, а если ты увидишь себя во сне? — спросил он.

— Во сне не считается.

— А если ты во сне посмотришься в зеркальце?

— Тоже не считается.

А Бороде она просто сказала, что фея расколдует его через год и день. И он обрадовался, но не очень, потому что не очень поверил.

И вот для Тани начались трудные дни. Пока она жила в лагере, было еще ничего, потому что она попросила Петьку:

— Будь моим зеркалом!

И он смотрел на нее и говорил, например, так: «Кривой пробор» или «Бант завязан косо». Он был очень хорошим зеркалом, потому что все замечал, даже то, что самой Тане в голову не приходило. Кроме того, он уважал ее за сильную волю, хотя и считал, что год не смотреться в зеркало — это просто ерунда. Он, например, хоть бы и два не смотрелся!

Но вот кончилось лето, и Таня вернулась домой.

— Что с тобой, Таня? — спросила ее мама, когда она вернулась. — Ты, наверное, ела черничный пирог?

— Ах, это потому, что перед отъездом я не видела Петьки, — отвечала Таня.

Она совсем забыла, что мама ничего не знает об этой истории.

Но Тане не хотелось рассказывать: а вдруг ничего не выйдет?

Да, это была не шутка! День проходил за днем, и Таня даже забыла, какая она, а прежде думала, что хорошенькая. Зато теперь она воображала и воображала. Случалось, конечно, что она воображала себя красавицей, а сама сидела с чернильной кляксой на лбу! Случалось, что, наоборот, она казалась себе настоящим уродом, а сама была как раз ничего — такая румяная, с толстой косой, с блестящими глазами.

Но все это пустяки в сравнении с тем, что случилось во Дворце пионеров.

В городе, где жила Таня, должен был открыться Дворец пионеров. Вот это был Дворец так Дворец! В одной комнате стоял даже капитанский мостик, и можно было кричать в рупор: «Стоп! Задний ход!» В кают-компани ребята играли в шахматы, а в мастерских учились делать игрушки — и не какие-нибудь, а самые настоящие. Игрушечный мастер сидел в черной круглой шапочке и говорил ребятам: «Это так» или «Это не так». Но лучше всех был зеркальный зал. В этом зале были зеркальные стены и, куда ни взглянешь, все было из зеркального стекла — столы, стулья и даже гвоздики, на которых в зеркальных рамах висели картины. Зеркала отражались в зеркалах, а эти зеркала в других — и зал казался бесконечным.

Целый год ребята ждали этого дня, тем более что многие должны были выступить и показать свое искусство. Скрипачи по целым часам не расставались со скрипками, так что даже их родители, которые ими очень гордились, должны были время от времени закладывать уши ватой. Художники рисовали вовсю. Но среди детей были еще танцоры. И больше всех любила танцевать Таня.

Как она готовилась к этому дню! Ленточки, которые заплетают в косы, она гладила восемь раз — ей все хотелось, чтобы в косах они оставались такими же гладкими, как на гладильной доске. Танец, кото-

рый Таня должна была танцевать, она каждую ночь танцевала во сне. Она видела себя во сне, и даже один раз смотрелась в зеркало. Но мало ли что, ведь это было во сне!

И вот наступил торжественный день. Скрипачи в последний раз исполнили свои менуэты и вальсы, и родители вынули вату из ушей, чтобы послушать, как их дети хорошо играют. Таня в последний раз протанцевала свой танец. Пора! И все побежали во Дворец пионеров.

Кого же Таня встретила, едва она вошла во Дворец? Петьку. Петька был тут как тут. Правда, он не умел играть на скрипке или танцевать, но зато был очень умный, а ведь для умного всегда найдется место во Дворце пионеров.

Конечно, Таня прежде всего сказала ему:

— Будь моим зеркалом!

Он осмотрел ее со всех сторон и сказал, что все хорошо, только нос как картошка. Но Таня так волновалась, что ему не попало.

Был здесь и Борода. Открытие было назначено на двенадцать часов утра, и он поэтому был еще добрый. Его посадили в первом ряду, потому что нельзя же человека с такой длинной прекрасной бородой посадить во втором или третьем. Он сидел и с нетерпением ждал, когда выступит Таня.

И вот скрипачи исполнили свои вальсы и менуэты, а художники показали, как чудесно они рисуют, и Главный Распорядитель с большим голубым бантом на груди прибежал и крикнул:

— Таня!

— Таня! Таня! На сцену! — закричали ребята.

— Сейчас будет танцевать Таня, — с удовольствием сказал Борода. — Но где же она?

В самом деле, где же она? В самом темном уголке, который тоже был довольно светлым, она сидела и плакала, закрыв лицо руками.

— Я не буду танцевать, — сказала она Главному Распорядителю. — Я не знала, что мне придется танцевать в зеркальном зале.

— Что за глупости! — сказал Главный Распорядитель. — Ведь это очень красиво! Ты увидишь себя сразу в сотне зеркал. Неужели тебе это не нравится? Первый раз в жизни я встречаю такую девочку!

Но Таня сказала, что — да, не нравится и что она не будет танцевать.

— Таня, ты обещала — значит, должна! — сказали ребята.

Это было совершенно верно: она обещала — значит, должна. И никому она не могла объяснить, в чем дело, только Петьке! Но Петька в это время стоял на капитанском мостике и говорил в рупор: «Стоп! Задний ход!»

— Хорошо, — сказала Таня, — я буду танцевать.

Она была в легком белом платье, таком легком, чистом и белом, что сама фея Вежливости и Точности, которая так любила чистоту, осталась бы им довольна. В косы, которые Таня уложила вокруг головы, были вплетены веточки снежного дерева, и она сама напоминала снежное дерево, если бы снежное дерево могло танцевать.

Прекрасная девочка! На этом все сошлись, едва она появилась на сцене. «Однако посмотрим, — сказали все про себя, — как она будет танцевать».

Конечно, она очень хорошо танцевала, особенно когда можно было кружиться на одном месте, или кланяться, приседая, или красиво разводить руками. Но странно: когда нужно было бежать через сцену, она останавливалась на полдороге и вдруг поворачивала назад. Она танцевала, как будто сцена была совсем маленькая, — а нужно вам сказать, что сцена была очень большая и высокая, как и полагается сцене во Дворце пионеров.

— Да, ничего, — сказали все. — Но, к сожалению, не очень, не очень! Она танцует неуверенно. Она как будто чего-то боится!

И только Борода находил, что Таня танцует прекрасно.

— Да, но посмотрите, как странно она протягивает руки перед собой, когда бежит через сцену, — сказали все. — Она боится упасть. Нет, эта девочка, пожалуй, никогда не научится хорошо танцевать.

Эти слова как будто донесли до Тани. Как ветер, она понеслась по сцене — ведь в зеркальном зале было много ее друзей и знакомых, и ей очень хотелось, чтобы они увидели, как хорошо она умеет танцевать. Больше она ничего не боялась, во всяком случае никто больше не мог сказать, что она чего-то боится.

И во всем огромном зеркальном зале был только один человек, который все понимал! Как же он волновался за Таню! Это был Петя.

«Вот так девочка!» — сказал он про себя и решил, что непременно нужно будет стать таким же храбрым, как Таня.

«Ох, только бы поскорее кончился этот танец!» — думал он, но музыка все играла, а раз музыка играла, Таня, понятно, должна была танцевать.

И она танцевала все смелее и смелее. Все ближе подбегала она к самому краю сцены, и каждый раз у Петки замирало сердце.

«Ну, музыка, кончайся, — говорил он про себя, но музыка все не кончалась. — Ну, миленькая, скорее», — все говорил он, но музыка знай себе играла да играла.

— Смотрите-ка, да ведь эта девочка прекрасно танцует! — сказали все.

— Ага, я вам говорил! — сказал Борода.

А в это время Таня, кружась и кружась, все приближалась к самому краю сцены. Ах! И она упала.

Вы не можете себе представить, какой переполох поднялся в зале, когда, еще кружась в воздухе, она упала со сцены! Все испугались, закричали, бросились к ней и испугались еще больше, когда увидели, что она лежит с закрытыми глазами. Борода в отчаянии стоял перед ней на коленях. Он боялся, что она умерла.

— Доктора, доктора! — кричал он.

Но громче всех кричал, разумеется, Петька.

— Она танцевала с закрытыми глазами! — кричал он. — Она обещала не смотреться в зеркало ровно год и день, а прошло еще только полгода! Не бойтесь, что у нее закрыты глаза! В соседней комнате она их откроет!

Все это было совершенно верно. В соседней комнате Таня открыла глаза.

— Ох, как я плохо танцевала, — сказала она.

И все засмеялись, потому что она танцевала прекрасно.

Пожалуй, на этом можно было бы окончить Сказку о Песочных Часах. Да нет, нельзя! Потому что на другой день сама фея Вежливости и Точности пришла к Тане в гости.

Она пришла в чистеньком платочке, а на носу у нее были чистенькие очки в светлой оправе. Свою палочку она поставила в угол, а очки сняла и положила на стол.

— Ну, здравствуй, Таня! — сказала она.

И Таня поклонилась ей так вежливо, как только могла. При этом она подумала: «Интересно, а как это у меня получилось?»

— Ты исполнила свое обещание, Таня, — сказала ей фея. — Хотя прошло еще только полгода и полдня, но ты отлично вела себя за эти полдня и полгода. Что ж, придется мне расколдовать этого противного мальчишку.

— Спасибо, тетя фея, — сказала Таня.

— Да, придется расколдовать его, — с сожалением повторила фея, — хотя он вел себя тогда очень плохо. Надеюсь, с тех пор он чему-нибудь научился.

— О да! — сказала Таня. — С тех пор он стал очень вежливым и аккуратным. И потом он уже давно не мальчишка. Он такой почтенный дядя, с такой длинной черной бородой!

— Для меня он еще мальчишка, — возразила фея. — Ладно, будь по-твоему. Вот тебе твое зеркальце. Возьми его! И помни, что в зеркальце не следует смотреться слишком часто.

С этими словами фея вернула Тане ее зеркальце и исчезла.

Феи в сказках всегда исчезают, когда им больше нечего делать.

И Таня осталась вдвоем со своим зеркальцем.

— Ну-ка, посмотрим, — сказала она себе.

Из зеркальца на нее смотрела все та же Таня, но теперь это была уже большая Таня, решительная и серьезная, как и полагается девочке, которая умеет держать свое слово.

Конечно, вы хотите узнать, ребята, что теперь поделявает Борода? Фея расколдовала его, так что теперь он уже нисколько не похож на песочные часы — ни внутри, ни снаружи. Больше он не стоит по утрам на голове, ведь теперь это совершенно не нужно! Но по вечерам он еще иногда бывает злой, и, когда его спрашивают: «Что с вами? Почему вы такой злой?» — он вежливо отвечает:

«Не беспокойтесь, пожалуйста, это привычка».

Э. Термяк

САМОХОДНЫЕ ЛАПОТКИ

Т

ри сына при отце жили. Земли у отца было мало. Одну десятину на троих не разделишь. Да и одну лошадь тоже натрое не разрешишь. Вот и придумали братья ремеслами промышлять. Жить-то ведь надо.

— Я по городам пойду ремесло искать, — говорит старший сын. — За которое больше платят, то мое и будет.

— А я, — говорит средний сын, — стану по базарам ходкий товар высматривать. Какой ходчее идет, тот и делать буду.

До младшего очередь дошла.

— Чем ты, мил сын, промыслять будешь?

— Хотелось бы мне, тятенька, научиться лапти плести. Всегда в спросе.

Засмеялись братья:

— Дурень и есть дурень. В спросе-то они в спросе, да цена-то за этот спрос с воробьиный нос. Вот оно что.

Поговорили так братья и разошлись.

Идет старший по городам и видит — мастера чаевничают. Подсел. Слушать стал, о чем мастера беседуют.

— А я сто одну деньгу зарабатываю, — хвалится каменщик. — Одну деньгу для души в трактир отдаю, а сто денег в дом несу.

Как старший сын услышал эти слова, и думать больше не стал. Доходнее каменного ремесла не найдешь.

— Возьми меня, каменщик, в выученики.

Посмотрел каменщик — парень здоровый, плечи широкие, руки сильные и, видать, глазастый.

— Возьму, — говорит, — если ты ремесло ниже денег ставить не станешь.

Взял его и начал каменному делу обучать:

Второй сын идет по базару и видит — дуги хорошо разбирают. А старичок-дуговичок, который дугами промыслял, возьми да похвальнось:

— Мошна у меня, как дуга, туга. Что ни дужка, то полтина с полушкой. Полушку — на косушку, полтину — домой.

Как услышал это средний сын — тут же порешил дуги гнуть.

А младший лыка надрал, колодочек лапотных настроил и плетет себе лапоть за лаптем. Один с косиной, другой с слабиной, третий — в руки взять совестно. Парни-однолетки, девки-невесты в один голос бедняжку просмеивают, недоумком лапотным величают. А он плетет себе да плетет. Одна неделя проходит, другая начинается. Полная баня лаптей, а обуться не во что. На пятую неделю от лаптей вовсе тесно стало, сын-то и говорит отцу:

— Тятенька, дай лошадь, я на базар лапти повезу.

Дал отец лошадь. Привез мастер свои лапти да и свалил их в кучу.

— Почему, парень, лапти? — спрашивает народ.

— По совести.

— По какой такой совести?

— Подходи, выбирай по ноге. Если совесть заговорит, — скажет, сколько заплатить надо. А если совесть промолчит, — значит, даром носи.

Много народишку налетело на даровые лапти. Живехонько разобрали. Кто грош, кто полушку кинет, а другой, не то что полушку или грош, а еще к лаптям приплату просит.

— Коли, — говорит, — по совести, так по совести. Полушку запла-
тишь — так и быть, потешу тебя, малый, твою худую работу на свои
добрые ноги обую.

Делать нечего, приплачивает мастер к своим лаптям, а сам смот-
рит, какие лапти складнее на ногах сидят, за какую пару приплаты не
просят, а деньги дают.

Расторговался парень — ни лаптей, ни денег. А песни поет.

— Ты что, мил сын, больно весел? Аль выручку большую привез?

— Не выручку, тятя, а выучку. Выучка дороже всего.

Сказал так и пошел лыко драть — и опять за лапти.

А той порой старший брат, подучившись кое-чему, камни кладет,
торопится, а средний дуги гнет, поспешает.

Пока меньшей сто лаптей сплел, старший много кирпича выклат,
а средний того больше дуг нагнул.

Пришло время братьям встретиться.

— Ну, милые мои сыны, — говорит отец, — рассказывайте, как ре-
меслами промышляете.

— Я, тятя, каменным ремеслом занялся. Сто одну деньгу зараба-
тываю. Скоро отделюсь, своей семьей заживу.

Похвалил отец старшего и среднего слушать принялся.

— У меня, тятенька, мощна будет, как дуга, туга. Что ни дужка, то
полтина с полушкой. Знай наших!

Дошла очередь до младшего:

— Моя работа вся на виду. Базар цену скажет.

Погостили сыны у отца и в путь собрались: старший — деньги за
каменную работу получать, средний дуги повез на базар продавать.
А младший и говорит им:

— Братцы, не захватите ли вы и мою работу? Вдруг да грош с по-
лушкой выручите, и то нам с тятенькой деньги.

Поглядели братья на лапотную работу и говорят:

— Если по паре лаптей дашь — свезем.

— Да хоть по две, братцы, берите, — говорит младший, а сам ра-
дуется.

И есть чему. Если уж братья-мастера — один каменщик, другой
дуговик — его работу обувают, то уж простой-то человек верняком
обует.

Приехал старший брат в город деньги получать, а вместо денег
ему по загривку сулят, стены на все корки ругают.

Тут старший к каменщику кинулся. А тот сидит в трактире и на
одну деньгу чай с баранками распивает, а за пазухой у него сто денег
лежат.

— Ах ты такой-сякой, немазанный, сухой! Чему ты меня выучил?
Мои стены на все корки ругают. Деньги не платят. По загривку сулят.

А тот чаек попивает да посмеивается:

— Разве я тебя, торопыгу, учил ремесло ниже денег ставить? Вот и получай взащей.

Делать нечего. Каменное дело не к рукам пришлось, надо новое ремесло искать. Продал он половину братовых лаптей да домой поворотил.

Средний той порой на базаре дуги расставил, а вторую половину лаптей в кучу свалил. У лаптей от покупателя отбоя нет, а на дуги даже и не глядят.

Продал он все лапти, а дуги на базаре оставил. Их и даром никто не берет.

По дороге нагнал средний брат старичка-дуговичка да и спрашивает:

— Скажи, старичок-дуговичок, почему у тебя дуги идут, а у меня лежат?

— Потому, — говорит старик, — что у тебя дуги простые, а у меня самоходные.

— Какие такие самоходные? — стал добиваться средний брат.

А старик как воды в рот набрал, только посмеивается.

Опять сошлись братья у отца. Опять их отец спрашивает, как они ремеслами промышляли. Первым стал старший рассказывать:

— Обмануло меня каменное ремесло. Еле на харчи заработал да вот продольную пилу купил. В бревне много денег. Надо только их досками да тесом выпилить.

— И я, тятя, другое ремесло нашел, — сказал средний. — Много ли на дуге выгнешь? Полтину с полушкой. Горшки лепить буду. Станок купил.

— Ну, а ты, меньшей, что скажешь? — спросил отец.

— За меня братья скажут. Они лапти продавали.

— За твои лапти по заливку надавали. Еле ноги унесли.

— А что в них не так?

— А то в них не так, что ты ремесло ниже денег ставишь, — сказал старший брат, а средний поддакнул:

— И к тому же лапти твои простые, а не самоходные. Я их на базаре бросил.

Задумался младший брат и еще злее за работу принялся.

И братья своим делом занялись. Один тес-доски пилит, другой горшки-плошки лепит.

Опять пришло время на базар ехать. Опять младший просит братьев счастье испытать.

Братья видят — нечем лапти похвастать, а хаю:

— Для тебя только, как для меньшого... Авось грош с полушкой заработаешь.

Большой базар собрался. Братья свой товар расставили, народ зазывают:

- А вот, горшки, плошки!..
- Кому тес, бруски, доски!..

А про лапти ни слова. Потому как их они до базара не довезли, по дороге продали.

Чуть не все в новых лаптях ходят да похваливают:

— Ах, какая обуза! Сапоги снимешь — лапти обуешь. До чего хороши, до чего легки да увертисты.

Лапти хвалят, а от горшков с тесом нос воротят. Из милости доски на дрова взяли, а горшками с плошками дорогу вымостили. И то польза.

Приехали братья с обновками да с гостинцами, лапотными деньгами похваляются:

— Ах, как доски ходко шли!

— А горшки нарасхват. Не нахвалится народ: до чего хороши, легки да увертисты... Ну, конечно, и лапти кое-какие продали. Вот тебе, братец, выручка.

Подали они меньшому брату полтинник с денежкой. Младший брат от радости заплясал, песни запел:

— Ну, теперь я, братцы, самоходные лапти плести начну, которые вперед денег ходят.

«Плети, дурень, плети. Мы тебя опять оплетем».

Посмеялись над лапотным мастером братья и за дело принялись. Они все-таки не совсем бессовестные были. Хотелось старшему брату хоть одну доску выпилить, которая в дело пойдет. И среднему перед собой совестно было, что его горшками дорогу мостят. Тоже стараться стал.

Опять пришло время на базар ехать. Горшки, доски на воз погрузили, под лапти три подводы наняли.

— Давай, младший братец, услужим тебе. Может, два полтинника да две денежки привезем.

А он наотрез:

— Нет. Не хочу я больше срамить вас своей лапотной работой.

— Да что ты, братец! Да мы для тебя хоть в огонь, хоть в воду. На все согласны. Ты у нас меньшей.

А младший свое:

— Зарок я дал самоходные лапти сплести.

— Какие такие самоходные? Ты что?

— А такие, которые вперед денег сами идут.

Тут братья давай уговаривать младшего. А он ни в какую:

— Ни одного лаптя из бани не выпущу, пока сам не пойдет.

Те к отцу:

— Тятенька, цыкни ты на него! Гляди, какие он слова говорит.

А отец-то давно понял, что за доски пилятся, какие горшки лепятся.

— Нет уж, сыны. Вас я не принуждал и меньшого неволить не буду. Охота ему самоходные лапти сплести — пусть плетет.

Те опять:

— Да разве лапоть может сам пойти? Ты, тятя, что?

А отец им:

— Сами же сказывали, что нужны не простые лапти, а самоходные. Значит, такие лапти есть.

Делать нечего, поехали братья на базар с кривыми горшками да с косыми досками. По дешевке, совсем задарма, доски да горшки продали. Гроши да копейки выторговали.

Тут-то подошел к ним старичок-дуговичок да и сказал:

— Вы бы, братцы, лучше лапотки привезли. Молчком бы продали.

Как только это сказал старичок, народ-то и признал братьев. И ну расспрашивать, почему лаптей нет да из какой они деревни.

Братья то да се, отнекиваются, дорогу к меньшому брату не скажут, околесицу плетут:

— Лыко ныне плохое... Убыточно стало лапти плести.

Народ видит, что братья чистую воду мутят, — давай допрос чинить. А на базаре бабеночка случилась, которая всех трех братьев знала. Она-то и рассказала все как есть.

Тут народ зашумел. Которые подвыпивши, руками стали размахивать и калеными словами бросаться. Братья еле ноги унесли.

Приехали домой, хотели было отцу наплести семь верст до небес, и все лесом, как слышат — весь базар к старой бане подъехал.

— Что за диво?

— Что такое?

Глянули, а старые люди шапки ломают, почтенные мужики спины гнут, младшенького брата уговаривают лаптями оделить, Иваном Терентьевичем величают:

— Ну, скажи ты на милость, Иван Терентьевич, как народу без лаптей жить! Продай хоть по паре на рыло.

А младшенький хоть и оробел маленько, а свое гнет:

— Я зарок дал самоходные лапти сплести, а до той поры из бани не выходить.

Тут старичок-дуговичок выходит вперед и говорит:

— Твои лапти, Ванек, давно самоходными стали. Сами идут. И на базар их возить не надо.

— Тогда другое дело, — сказал мастер. Сказал и стал из старой бани лапти выкидывать. — Берите, кому какие по ноге. Продаю по совестливой цене. Кто сколько даст — такая и цена лаптям... Тятенька, получай деньги. У меня еще одна пара не доплетена. Солнце-то уж садится. Урок кончить надо.

Народ было принялся лапти хватать, только старичок-дуговичок не

дал — сам лаптями стал каждого оделять. Кто пять пар просит — он две дает, кто две — он одну.

— Один мастер весь мир не обует. Каждому охота в такой парочке покрасоваться!

Разделил дуговик все лапти. Народ полну котомку денег навалил, не подымешь. Братья стоят ни живы ни мертвы, отцу глянуть в глаза боятся. Тогда старичок-дуговичок и говорит среднему брату:

— Не одни дуги самоходными гнутся. И лапти такими плетутся, и доски такими пилятся, и горшки лепятся.

Крепко с того дня задумались братья. Задумались и за дело принялись.

Много ли, мало ли дней прошло, только стал пилить старший брат самоходные доски, а средний самоходные горшки обжигать.

Из-под пилы доски рвут. Горшкам после обжига остынуть не дают.

Ну, а про лапти уж и говорить нечего.

В чести братья зажили. Звонко у них дело пошло, самоходно. А как оно у вас идет — вам лучше знать. А я чего не знаю, того не знаю.

М. Тришвин

ВЕСНА
СВЕТА

Н

очью снежинки при электричестве рождались из ничего: небо было звездное, чистое. Пороша складывались на асфальте не просто как снег, а звездочка над звездочкой, не сплющивая одна другую. Казалось, прямо из ничего бралась эта редкая пороша, а между тем, как я подходил к своему жилищу в Лаврушинском переулке, асфальт от нее был седой.

Радостно было мое пробуждение на шестом этаже. Москва лежала, покрытая звездной порошей, и, как тигры по

хребтам гор, везде ходили по крышам коты. Сколько четких следов, сколько весенних романов: весной света все коты лезут на крыши.

И даже когда я спустился вниз и проехал по улице Горького, радость весны света меня не оставила. При легком утреннике в лучах солнца была та нейтральная среда, когда пахнет самая мысль: подумашь о чем-нибудь, и этим самым запахнет. Воробей спустился с крыши Моссовета и утонул по шею в звездной пороше. Он до нашего прихода успел хорошо выкупаться в снегу, а когда ему из-за нас пришлось улетать, то от ветра его крыльев разлетелось вокруг столько звездочек, что кружок почти в целую большую шапку почернел на асфальте.

— Видели? — сказал один мальчик трем девочкам.

И дети, глядя вверх на крышу Моссовета, стали дожидаться второго слета веселого воробья.

Весна света согревается полднями. Пороша к полудню растаяла, и радость моя притупилась, но не исчезла, нет! Как только замерзли к вечеру лужи, запах вечернего мороза опять вернул меня к весне света.

Так вечерело, но голубые вечерние звезды не показались в Москве: все небо оставалось голубым и медленно синело. На этом новом голубом фоне в домах там и тут вспыхивали лампы с разноцветными абажурами; никогда этих абажуров в сумерках не увидишь зимой.

Возле полузамерзших луж от растаявшей звездной пороши всюду слышался детский восторженный крик, детская радость наполняла весь воздух. Так дети в Москве начинают весну, как в деревне начинают ее воробьи, потом грачи, жаворонки, в лесах тетерева, на реках утки и кулики на болотах.

От детских весенних звуков в городе как все равно от птичьих криков в лесах, мои ветхие одежды с тоской и гриппом вдруг свалились. Настоящий бродяга при первых весенних лучах и вправду часто бросает свое тряпье при дороге...

Лужи быстро везде замерзли. Одну я попробовал ткнуть ногой, и стекло разлетелось вдребезги с особенным звуком: др... др... др... Бессмысленно, про себя, как это бывает у стихотворцев, стал я повторять этот звук, прибавляя подходящие гласные: дра, дря, дри, дриан. И вдруг из этой бессмысленной дряни вышла сначала любимая моя богиня Дриана (душа дерева, лес), а потом и Дриандия, желанная страна, в которую еще утром при звездной пороше начал я свое путешествие. Я так этому обрадовался, что несколько раз вслух, пробуя на звучность, повторил, ни на кого вокруг не обращая внимания:

— Дриандия.

— Что он сказал? — спросила одна девочка у другой позади меня. — Что он сказал?

Тогда все девочки и мальчики с другой лужи бросились догонять меня.

— Вы что-то сказали? — спросили они меня все разом.

— Да, — ответил я, — слова мои были такие: «Где тут Малая Бронная?»

Какое разочарование, какое уныние произвели мои слова: оказалось, что мы и стояли-то как раз на этой Малой Бронной.

— Мне кажется, — сказала одна маленькая девочка с плутовскими глазами, — вы что-то совсем другое сказали.

— Нет, — повторил я, — мне нужна Малая Бронная, иду к моим хорошим знакомым в дом номер тридцать шесть. До свидания!

Они остались в кружке, недовольные, и, наверное, сейчас обсуждали между собой эту странность: было что-то вроде как бы Дриандия, и оказалось — обыкновенная Малая Бронная!

Отойдя от них на значительное расстояние, я остановился у фонаря и громко им крикнул:

— Дриандия!

Услышав это во второй раз, уверившись, бросились дети с дружным криком:

— Дриандия, Дриандия!

— Что это? — спросили они.

— Страна вольных сванов, — ответил я.

— А кто они?

— Это, — начал я спокойно рассказывать, — люди не очень большие ростом, но сильно вооруженные.

Мы вошли под черные, старые деревья Пионерских прудов. Большие матовые электрические фонари, как луны, показывались нам из-за деревьев. Закрайки пруда были покрыты льдом. Одна девочка попробовала стать, лед затрещал.

— Да ты с головой уйдешь! — крикнул я.

— С головой? — засмеялась она. — Как это — с головой?

— С головой, с головой! — повторили ребята.

И, прельщенные возможностью уйти с головой, бросились на лед.

Когда же все кончилось благополучно и никто с головой не ушел, дети опять явились ко мне, как к старому своему приятелю, и просили еще рассказать о маленьких, но сильно вооруженных людях Дриандии.

— Люди эти, — сказал я, — всегда держатся по двое. Один отдыхает, а другой везет его на салазках, и оттого время даром у них не пропадает. Они во всем помогают друг другу.

— А зачем они сильно вооружены?

— Они должны охранять от врагов свою родину?

— А почему они на салазках, у них вечная зима?

— Нет, у них всегда, как вот теперь у нас, — ни лето и ни зима,

у них всегда весна света: лед под ногами хрустит, иногда проваливается, и тогда бедные сваны уходят под лед с головой, другие их тут же спасают. Голубые звезды вечером у них не показываются: небо у них такое голубое, светлое, и, как только вечер, везде в окнах загораются разноцветные лампочки...

Я им рассказывал то самое, что бывает в Москве весной света, как сейчас, и никто из них не догадывался, что моя волшебная Дриандия находится тут же в Москве, и что так скоро за эту Дриандию мы все пойдем на войну.

1938 г.

С. Маршак

ПРО ДВУХ СОСЕДЕЙ

Кавказская
народная сказка

С

тарик из нашего села
Пришел во двор к соседу.

— Сосед, не дашь ли мне осла?
На рынок я поеду.

— Осла сегодня дома нет.
С утра ушел куда-то! —
Соседу бедному в ответ
Сказал сосед богатый.

Пока беседа эта шла, —
Из ближнего сарая
Донесся громкий крик осла,
Дрожа и замирая.

— Ты мне солгал, —
сказал старик. —
Осел твой нынче дома.
Я из сарая слышу крик,
Тебе и мне знакомый!

Но отвечал богатч: — К чему
Мне лгать и лицемерить!

Ослу ты веришь моему,
А мне не хочешь верить?

Бедняк ушел от богача
И видит по дороге:
Стоит в овраге у ключа
Барашек тонконогий.

Томясь от жажды в жаркий день,
Отбился он от стада
И забежал туда, где тень,
И зелень, и прохлада.

Старик поймал его, связал,
Взвалил к себе на плечи
И по крутым уступам скал
Принес в свой хлев овечий.

Сосед-богач к нему пришел:
— Отдай-ка мне барашка.
Ты, говорят, его нашел
В кустах, на дне овражка.

— Здесь твоего барашка нет,
Ищи его по следу! —
Сосед-бедняк сказал в ответ
Богатому соседу.

Богач хотел идти домой,
Но чуть за дверь он вышел,
Как вдруг за тонкою стеной
Бараний крик услышал...

— Я обнаружил твой обман, —
Сказал он, полон гнева: —
Я слышу, блеет мой баран
За изгородью хлева!

В ответ бедняк захлопнул дверь:
— Божиться я не стану.
Но ты соседу больше верь,
Чем глупому барану!

В. Катаев

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

ила девочка Женя. Однажды послала ее мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином — для папы, две баранки с маком — для мамы, две баранки с сахаром — для себя и одну маленькую розовую баранку — для братика — Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идет — по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: сначала съела папины

с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур легкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

— Ах, вредная собака! — закричала Женя и бросилась ее догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое. Больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг, откуда ни возьми, старушка:

— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке все и рассказала:

Пожалела старушка Женю, привела ее в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок, у меня нет и денег тоже нет, но зато растет у меня в садике один цветок, называется «цветик-семицветик», он все может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он все устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: желтый, красный, синий, зеленый, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик, — сказала старушка, — не простой. Он может исполнить все, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то и то-то. И это тотчас сделается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила ее до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало. Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала желтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,

Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБЫ Я БЫЛА ДОМА С БАРАНКАМИ!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь? Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тпа-растяпа! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБЫ МАМИНА ЛЮБИМАЯ ВАЗОЧКА СДЕЛАЛАСЬ ЦЕЛАЯ!

Не успела она это сказать, как черепки сами собою поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни, глядь — а ее любимая вазочка как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала ее гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках и в песок воткнута палка.

— Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!

— Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.

— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

— Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

— Значит, не принимаете?

— Не принимаем. Уходи!

— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ Я СЕЙЧАС ЖЕ БЫЛА НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была в летнем платьице, с голыми ногами, одна-одинешенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слезы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей — и прямехонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвертый — потертый, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой.

Не помня себя от страха Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зеленый лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ Я СЕЙЧАС ЖЕ ОЧУТИЛАСЬ ОПЯТЬ НА НАШЕМ ДВОРЕ!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на нее смотрят и смеются.

— Ну где же твой Северный полюс?

— Я там была.

— Мы не видели. Докажи!

— Смотрите — у меня еще висит сосулька.

— Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, — видит, у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколесный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и кукольных калошах. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали желтые, как у козы.

«Ну, — думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБЫ ВСЕ ИГРУШКИ, КАКИЕ ЕСТЬ НА СВЕТЕ, БЫЛИ МОИ!

И в тот же миг, откуда ни возьмись, со всех сторон повалили к Женю игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «Папа-мама», «Папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг ничего не было слышно, кроме куклиной болтовни. Вы представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол! А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов еще не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало. За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили... Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать еще громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолетов, дирижаблей, планеров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях. Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. — Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки все валили и валили. Кончились советские, начались американские.

Уже весь город был завален игрушками. Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ ИГРУШКИ ПОСКОРЕЙ УБИРАЛИСЬ ОБРАТНО В МАГАЗИНЫ!

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что осталось всего один лепесток.

— Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила — и никакого удовольствия. Ну ничего, вперед буду умнее.

Пошла она на улицу, идет и думает:

«Чего бы мне еще все-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило «Мишек». Нет, лучше два кило «Прозрачных». Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило «Мишек», полкило «Прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и еще, куда ни шло, одну розовую бананку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, все это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трехколесный велосипед... Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Еще, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет, лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там все-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть что-нибудь еще гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие сияющие глаза, веселые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный — сразу видно, что не драчун, — и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела свое лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко! — сказала Женя. — Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. — Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний лепесток — голубой, на минуту приложила его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голосом, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на-восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели!

ВЕЛИ, ЧТОБЫ ВИТЯ БЫЛ ЗДОРОВ!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

С. Герас

ЭГЛЕ,
КОРОЛЕВА УЖЕЙ

Эгле дает слово

а песках безмолвных
Шорох сонных вод.
Три сестрички в волнах
Водят хоровод.

Как легки и зыбки
В море облака!
Вьются, словно рыбки,
Дочки рыбака.

«Гляньте-ка, сестрицы,
Догорел закат.
Девы-водяницы
Воду закружат!

За косы ундины
Увлекут на дно.
В глубине пучины
Страшно и темно!»

Старшая, бледнея,
Вышла из воды,
И вторая с нею...
Долго ль до беды!

Лишь одна меньшая
На берег нейдет,
Рыбка золотая
Плещется — поет.

«Эгле ждать не станем,
Бросим здесь одну!
Злой дракон дыханьем
Всколыхнул волну!»

Эгле выбегает
В холодок ночной,
Косы отжимает,
Облита луной.

Взяв рубашку, громко
Вскрикнула она.
Волки, что ль, в потемках?
Чем поражена?

Девушки-бедняжки
Обнялись дрожа,
У меньшей в рубашке
Увидав ужа.

Старшая с камнями
На него, но змей
С кроткими речами
Обратился к ней:

«Подобру уйду я,
Но прошу, любя,
Эгле молодую
Замуж за себя.

С Эгле нежной, милой,
Под венец пойдем.
Нам судьба судила
Вековать вдвоем».

Сестрам стало жутко
От таких речей.
Видят, что не в шутку
Сватается змей.

Дали потемнели,
Тишину храня,
Лишь на волнах рдели
Отблески огня.

Сестры шепчут Эгле:
«Надо обмануть.
Что он — человек ли!
Скажешь — и забудь».

Но волна мятется,
Трепетно дыша, —
Девушка клянется
Стать женой ужа.

Сестрам смех-забава:
«Пара не плоха,
И невеста, право,
Стоит жениха!

Выйди ж из рубашки
Да пришли, зятек,
В золотой упряжке
Свадебный возок».

Ускользнул безногий,
И средь темных гор
Слышен на дороге
Звонкий смех сестер.

Жить, как прежде, будет
Эгле не тужа.
Кто ж ее принудит
Выйти за ужа!

Похищена!

В дом вбежали братья
И вдеватором
Змею шлют проклятья,
Слыша свист и гром.

Кликнули в тревоге
Эгле и отца —
Гости на пороге,
Гости у крыльца!

Вьются, словно плети,
Блещут, как ножи,
В воротах, у клетки
Юркие ужи.

Впряжены драконы
В золотой возок...
В доме слезы, стоны.
А какой в них прок?

Эгле в миг последний
Вспомнила, дрожа,
Что клялась намедни
Стать женой ужа —

В шутку, попустому,
Лишь бы обмануть...
А теперь из дому
Шагу не шагнуть!

Старший змей спокойно
Вполз, и у дверей
Он спросил достойно:
«Примете ль гостей?

Прибыли не даром
Из глубин морских,
Во дворце янтарном
Эгле ждет жених.

Счастьем долгожданным
Нам невеста — свет,
О ее приданом
Даже речи нет.

И дала ведь слово,
Королевич ждет.
Мы отбыть готовы,
Что ж она нейдет?»

Эгле в клетки рядом
Скрылась не дыша,
Слезы льются градом,
Замерла душа.

«Доченька-отрада,
Горе позабудь.
Может, и не надо
Собираться в путь!»

И отец украдкой
Обещает ей
Хитрою загадкой
Обмануть ужей.

Дочь надежно спрятав,
Думает: «Пора
Ненавистных сватов
Сплавить со двора».

Белую гусыню
Посадил в возок:
«Доченьку доныне
Сам растил-берег!..»

Светлая опушка
Темные леса...
Встреч кричит кукушка:
«Вот так чудеса!

Даже и в помине
Нет девицы тут,
Белую гусыню
Жениху везут!

Просты вы, гляжу я!
Верьте старику!
Доченьку меньшую
Скрыл от вас, ку-ку!»

И возок с гусыней
Покатил назад,
Сватушек отныне
Плутни не смутят.

Вспять путем знакомым
Кинулись ужи,
Подкатили с громом...
Ну, старик, дрожи!

Эгле ждет защиты.
Как же быть теперь?
Старший змей сердито
Барабанит в дверь:

«Если к нам невеста
Тут же не придет,
Не сползти мне с места —
Передушим скот!

Новенькие сети
В клочья разорвем.
Ты, старик, в ответе
Перед женихом!

Всей деревне вашей
Гибель суждена,
Если, слово давши,
Эгле неверна!»

И рыбак со вздохом
Говорит: «Ну что ж!
Поезжайте с богом,
Вас не проведешь!»

Белую овечку
Посадил в возок.
Снова от крылечка
Тронулся в лесок.

Светлая опушка,
Темные леса...
Вновь кричит кукушка:
«Вот так чудеса!

Эгле недалеко
Скрыл от вас отец.
Белая овечка
Едет во дворец!

Взяли вас обманом,
Верьте старику!
Лишь с одним приданым
Едете, ку-ку!»

В гневе и тревоге
Покатались вспять.
«Встречные — с дороги,
«Иль несдобровать!

Что ж не держат слова
Эгле и старик!..»
Вот к воротам снова
Прискакали вмиг.

Гневный стук все чаще...
Разнесли забор,
И клубок шипящий
Катится во двор.

Ближе, ближе, ближе...
Норовят в избу,
И скользят по крыше,
И ползут в трубу.

Эгле со слезами
Говорит родным:
«Мне, поймите сами,
Надо выйти к ним,

Лютый гнев змеинный
Вам терпеть за что ж?
То моя судьбина,
От нее ль уйдешь!

Вы мне принесите
Свадебный венец,
Косы закрутите, —
Волюшке конец.

Ты ль меня не холил,
Батюшка родной!
Золотую долю
Дал мне, молодой!»

Плача, сестры с нею
Вышли на крыльцо.
Вкруг невесты змеи
Заплеклись в кольцо.

Снова мчат драконы
Золотой возок.
Снова — тот зеленый
Молодой лесок.

Братья скачут следом,
Люты не к добру.
Братьям страх неведом, —
Выручат сестру!

Но застыли с горя,
Как, блеснув разок,
Скрылся в бездне моря,
Золотой возок.

Вихри налетели,
Света не видать.
Братья в лодки сели, —
Только где ж догнать!

Жильвинас

Вольно и широко
Море бьет волной,
Радуга-дорога
Манит глубиной.

Зыбью светозарной
Вглубь идут вдвоем
Во дворец янтарный
Эгле с женихом.

Светлых волн изгибы
Ввысь бегут до дна...
«Милая, спасибо,
Слову ты верна!»

Волны в полном блеске
Мчатся второпях, —
Деверья к невестке
Скачут на конях.

«Королеву моря,
Братья, к вам веду.
Без беды, без горя
Будем жить в ладу.

Вверься светлой бездне,
Пусть ундины тут
Свадебные песни
Молодым споют».

За руку Эглуже
Крепко взял жених,
И тропа все глубже
Увлекает их.

Ветер тихо веет,
Волны не шумят,
А жених... не змей он,
Не ползучий гад!

Он хорош на диво,
Глаз не оторвать.
Молодой, красивый,
Жильвинасом звать.

Жильвинас — зовется
Балтики душа,
Что ныряет-вьется
В облике ужа.

Море ль свирепеет,
Темен день, как ночь, —
Он один сумеет
Рыбакам помочь.

Только непокорным
Гибель суждена:
Их на дне просторном
Леденит волна.

В глубине пучины
Встретит их в упор
Ледяной, змеинный,
Неподвижный взор...

Но с невестой ныне
Лишь краса-жених.
Шелк зелено-синий
Зыблется вокруг них.

Хорошо девице
В царстве глубины.
Смотрит и дивится,
Словно видит сны.

Говорит жених ей:
«Не забуду дня,
Как твой голос тихий
Окликал меня.

Ты на братьев горько
Плакалась тогда,
И от слез, как зорька,
Вспыхнула вода.

С этого мгновенья
Стало скучно мне
Усмирять смятенье,
Скрытое в волне.

Властвуя морскою
Грозной глубиной,
Я мечтал с тоскою
О тебе одной.

Проглядел глаза я,
Но со мной ты вновь,
И, не угасая,
Светится любовь.

Одарю весельем
Молодость твою,
Звонким ожерельем
Шею обовью.

Стан твой нежный, гибкий
Зори обоймут,
Плавниками рыбки
Путь наш обметут.

Принесут ундины
Радужный наряд,
Жемчуга, рубины
В косах заблестят».

Рдеет замок змея
Жарким янтарем,
Здесь туман яснее,
Дивно здесь вдвоем.

Без пути-дорожки,
Трепетно легки,
Пронеслись рыбешки,
Чудо-огоньки.

Для питья и снеди
Искрится кристалл,
Белые медведи
Устилают зал.

И волной невольной
В замок занесен
Нежный колокольный,
Затонувший звон...

И моря и сушу
Покидает день,
А девичью душу
Омрачает тень.

Грустно Эгле кроткой
Думать, что порой
Корабли и лодки
Гибнут под водой.

В дали необъятной
Тают облака.
Жильвинасу внятна
Девичья тоска.

«Как ты пожелала,
Так тому и быть,
Больше у причала
Людам не грустить

Я клянусь безвинной
Детскою слезой —
Не вздымать пучины
Гибельной грозой.

Пусть ведут лишь зори
Разговор с волной...
Мирным будет море,
Только будь со мной».

Тоска по земле

Как денек за ночью,
Так за годом год:
Рыбакова дочка
Все домой нейдет.

Ей легко живется,
Кротки деверья.
Ей не доведется
Плакать в три ручья.

Эгле — королева
Необъятных вод,
Нежностью напева
Море к сердцу льнет.

Волны сна не знают:
Им что день, что ночь...
В замке подрастают
Три сына и дочь.

Мать поет о воле,
О красе земли,
Как девицы в поле
Дергать лен пошли...

«Вправду или в сказке?..
А какой он, лен?» —
«Словно ваши глазки,
Синецветный он».

Сколько песен новых
Для детей морских!..
Пела о кленовых
Граблях расписных;

О пчеле прилежной,
Пахнущей медком;
И о тучке нежной
С тайным холодком.

Для детей чудесней
Нет стороны,
Материнской песней
Заворожены.

Знать хотят упрямо,
Просят, вынь-подай:
«Где же, где он, мама,
Твой прекрасный край?»

«Там, где у дороги
Гнутся тополя,
Вольный и широкий
Дивный край — земля.

Там кругом раздолье.
Утром до зари
С песней вышли в поле
Жнеи, косари.

Жильвинас, любимый,
Добрый Жильвинас,
Свидеться с родными
Отпусти ты нас!

Я одно лишь море
Вижу девять лет.
Дай взглянуть на зори,
Вспомнить белый свет!

Сердце плачет, рвется
На земной простор,
Повидать неймется
Братьев и сестер.

Ласточкою мне бы,
Лебедью мне быть!
Улететь бы в небо,
По морю уплыть!»

Он молчит, угрюмый,
Не подымет век.
«Милый, не подумай,
Что уйду навек!

Мы вернемся в море!
Помни, Жильвинас:
Мы вернемся вскоре,
Только кликни нас!»

Жильвинас в тревоге
Думает: «Как быть?
Как пути-дороги
Эгле преградить?»

«Три работы прежде
Выполнить сумею, —
Говорит в надежде
Не расстаться с ней. —

Хитрости в них мало,
Все они легки.
Износи сначала
Эти башмачки».

В думах бесполезных
Эгле проку нет:
Башмаков железных
Хватит на сто лет.

К знахарке тюленя
Эгле тайно шлет
И ее веленья
В нетерпенье ждет.

«Их сносить нельзя ведь, —
Был ответ гонцу, —
Башмаки расплавить
Дайте кузнецу».

Шлет тюленя снова,
Хоть устал гонец.
Огненноголовый,
Выручил кузнец.

Жильвинас в тревоге
Думает: «Как быть?
Как пути-дороги
Эгле преградить?»

Он кудель дает ей:
«До утра спряди,
За пустой работой
Долго не сиди».

Но не спрясть кудели
И на третью ночь.
В непосильном деле
Кто бы мог помочь?

К знахарке тюленя
Эгле тайно шлет
И ее веленья
В нетерпенье ждет.

Ведьма отвечала:
«Разгадать не мне ль?
Тут заботы мало —
Надо сжечь кудель!»

И сжигает Эгле,
Трепет затая:
Вьется в белом пепле
Черная змея...

Жильвинас суровый
Не дает вздохнуть
И работой новой
Преграждает путь.

«Прежде чем проститься
Нам настанет срок,
Припаси гостинцы,
Испеки пирог!»

Но посуда скрыта,
Эгле как без рук.
Лишь худое сито
Объявилось вдруг.

Как пустое место,
Хоть какой бы прок! —
В чем поставить тесто?
В чем испечь пирог?

К знахарке столетней
Вновь плывет гонец...
Ночью труд последний
Кончен наконец.

Они поклялись

День встает, сияя,
А царевич-змей
Грустен, провожая
Эгле и детей.

На берег знакомый
Вышли в ранний час.
Эгле здесь как дома...
Мрачен Жильвинас.

Затаив тревогу,
Говорит жене:
«Эгле, путь-дорогу
Сыщешь ли ко мне?

Вот он, край отрадный,
Что тебя манит!
Ветер беспощадный
Сердце леденит.

Люди здесь объаты
Злобою слепой.
Сгубишь здесь меня ты,
Не спасишь самой.

Коль проговоритесь,
Как меня зовут, —
С вами не увидясь,
Я погибну тут.

В замок наш прекрасный
Не найдешь путей,
Горьким и напрасным
Будет плач детей.

Минет день девятый,
Вас я буду ждать;
При лучах заката
Свидимся опять.

Как придешь обратно,
Крикни, Эгле, мне.
Зов тысячекратно
Прозвучит на дне.

Жив я — белоглавой
Выплеснет волна.
А погиб — кровавой
Подползет она».

И клянутся дети,
И клянется мать:
Никому на свете
Тайны не узнать!

Возвращение на родину

Вот оно, раздолье!
Не охватит взгляд.
Будто ждало поле
Эгле и ребят.

Распевают пташки.
Вьются мотыльки,
Дети рвут ромашки
И плетут венки.

Зыблется от ветра
Золотая рожь.
Росы нынче щедры,
Сенокос хорош.

Все-то детям ново!
Эгле у ворот.
Рыбака седого
Сердце узнает.

Детства мир беспечный
Видит пред собой,
Дорог бесконечно
Уголок любой.

«Батюшка мой милый!» —
«Доченька моя!»
Будет все, как было,
Вместе вся семья!..

О лихой разлуке
Плакать недосуг —
Маленькие внуки
Бегают вокруг.

С моря прибежали
Братья-рыбаки,
Сестры побросали
Кросна, челноки.

К ним со всей деревни
Собрался народ,
И волны напевней
Эгле речь ведет.

Как жила без горя
Средь морских зыбей,
Волны синя моря —
Сестры-братья ей.

А родные тут же,
Словно не со зла:
«Почему ж ты мужа
К нам не привела?

Да скажи сначала
Как зовется змей?..»
Эгле замолчала,
Словно речь не к ней.

«Здесь живи, Эглуже,
Здесь твой отчим дом». —
«Нет, вернусь я к мужу,
Мы домой уйдем.

На девятый день я
Быть должна назад». —
Братья в возмущеньи
Слушать не хотят.

«Ты три дня, три ночи
Средь семьи своей,
А сказать не хочешь,
Как зовется змей!»

Девять братьев снова
Ей чинят допрос,
А сестра — ни слова,
Очи полны слез.

Братьев — злость-досада
Точит, словно ржа:
Разузнать им надо,
Как зовут ужа.

«На Иван Купала
Ночью в лес пойдем,
Ведьмы, чай, немало
Знают обо всем!»

Предательство

День ромашки. Пенье
Вдаль летит с реки.
Дети в свежем сене
Куклам вяют венки.

Папоротник в чаще
Ночью расцветет,
Огонек дрожащий
Всех с пути собьет.

Черный ад сегодня
Соберется тут.
Духи преисподней
Игры заведут.

Из глуши еловой,
Смутно озарен,
Девятиголовый
Выползет дракон.

Не пробраться пешим,
Конный не пройдет
В глушь,
Где ведьмы с лешим
Водят хоровод.

Дикие напевы
Навевают страх...
То лесные девы
С чашами в руках.

Исчерна-кровавый,
Чуть дымится яд.
Не вином — отравой
Угостить хотят.

Чашу ту пригубишь,
Прикоснешься к ней —
Душу здесь загубишь
До скончанья дней.

Оборотнем воя,
Прянешь в лес глухой,
В страхе все живое
Слышит горький вой.

Много здесь от века
Чудищ и чудес.
Впрямь для человека
Ночью страшен лес.

Где ж цветок светящий?
Поманил — и нет.
Только филин в чаще
Ухает вослед.

Братья Эгле, злобу
Затаив при ней,
Ополночь в чащобу
Завели детей.

Завели безвинных
В лес, что дыбом шел...
Из детей змеинных
Старший — Ажуол.

И дядья ему-то
Говорят: «Живей
Отвечай, не путай:
Как зовется змей?

Взвоешь ты под нашим
Скрученным кнутом!
К дереву привяжем,
Насмерть изобьем!»

Дуб многовековый
Может рухнуть в прах,
Но предать родного
Не заставит страх.

Уосис и Бержелес —
Бей не бей — молчат.
«Вы, строптивцы, спелись!
Нет хитрей змеят!»

И, надежду злую
В сердце затая,
Дребуле — меньшую —
В глушь ведут дядя.

Чудеса покажут —
Им тут нет конца, —
Если только скажет,
Как зовут отца...

Страшны их угрозы,
Голос их сердит,
Но, глотая слезы,
Девочка молчит

В безысходной злобе
Говорят ей: «Стой
В темноте, в чаще —
Мы уйдем домой!

Может, с грозным ревом
Выскочит медведь...»
Но дала ведь слово, —
Надобно терпеть.

Закусила губы,
А дядя кругом
Угрожают грубо
Адом и кнутом.

Дребуле трепещет...
Вот взметнулся кнут.
Как нещадно хлещут,
Как жестоко бьют!

Невытерпел ей стало,
Слез не удержать,
И она сказала:
«Жильвинасом звать».

Лес дрожит от смеха,
И опять, опять
Повторяет эхо:
«Жильвинасом звать!...»

Где наш дом!

Эгле, Эгле, спеши,
Обещанью верна.
День девятый в тиши
Догорел до темна.

Для змеинных детей
Все чужое кругом.
Увидать бы скорей
Свой покинутый дом!

Гаснет солнца баgreц,
Тучи давят тоской.
Где наш милый отец?
Где наш дом дорогой?

Даль темна, как беда.
Тяжки грома шаги.
Стоном стонет вода,
В черном небе ни зги.

Быстрых молний резцом
Рассечен небосвод.
Вставши к морю лицом,
Эгле мужа зовет.

«Жильвинас, Жильвинель,
День погас, тьма кругом...
Жильвинас, Жильвинель,
Где наш радостный дом?

Белопенной волной,
Если жив ты, примчись
Иль волной кровавой,
Если мертв, объявись!...»

Море дышит с трудом,
И тревожна, темна,
Мчится в страхе глухом
За волною волна.

Эгле крикнула вновь
И, как весть о конце,
Видит, черную кровь
В белопенном венце.

Не лозу ветер злой
Клонит-гнет у воды —
Гнется Эгле лозой
От недоли-беда:

«Кто предатель из вас?
Да убьет его гром!
Мать-земля в грозный час
Да поглотит живьем!

Кто обетов святых
Не сдержал до конца?
Кто из вас четверых
Выдал имя отца?..»

Стон кровавой струи
Отвечает, звеня:
«Злые братья твои
Загубили меня.

Знает дочка моя —
Под ударами кос
Пал израненным я
На зеленый откос.

И, скрываясь из глаз,
Застонала волна...
«Воротись, Жильвинас!» —
Заклинала жена.

Но мольбы удержать
Той волны не могли...
Волны катятся вспять,
Исчезая вдали.

Ясен взгляд сыновей,
Клонит голову дочь...
Деться некуда ей,
Истомилась — невмочь.

«Проклинаю тебя! —
Дочке мать говорит. —
Ты узнаешь, скорбя,
Сокрушающий стыд.

Ты осиною тут
В вечном трепете стой.
Птицы гнезд не совьют
Под дрожащей листвою.

Будет больно чесать,
Ветер косы твои,
Будут люто хлестать
Дождевые струи!...

Ночь нисходит с высот,
Людям отдых сулит.
Кто бездомных сирот
Позовет, приютит?

Позажглись тут и там
На селе огоньки,
Люди все по домам,
На воротах — замки.

И в лачужке худой
Все же теплится свет,
Нет у нас и такой,
Нам пристанища нет!

Ветры, вейте лютей,
Уличая, кляня...
Не растить мне детей,
Дома нет у меня.

Сыновья, — молвит мать,
Побелевши как снег, —
Вас деревьями стать
Заклинаю навек!

Ажуол, мой дубок,
Залюбуется лес,
Как ты крепок, высок,
Головой до небес.

Встань, Уосис, рядом —
Ясень дубу под стать.
Дай кукушке тайком
Средь ветвей куковать.

А, Бержелис мой... ты
Здесь березонькой стой
И девичьи мечты
Слушай чуткой листвою.

Ждать-надеяться мне ль?»
В черных складках платка
Превращается в ель
Эгле, дочь рыбака.

Скрыта тьмой день и ночь —
Будь весна, будь зима! —
Дума горькая прочь
Не идет из ума.

А пред нами, шумна,
В море бьется вода.
Не умолкнет волна
Никогда, никогда...

А. Вальбю

САМОЕ СВЕТЛОЕ СЛОВО

Ульчская сказка

Когда это было — никто не помнит, я расскажу — сами догадаетесь. В своей земле, где они родились, нани — так называют себя ульчи — дружно жили, друг друга не обижали. Сколько нани жили — даже старики не помнят. Но вот однажды к нани с чужих земель злой человек приехал. Глаза как угли, на макушке волосы, как змеи, выются, в шелковый халат одет, сам толстый, как осенний барсук. Собрал он всех нани, говорит:

— Ну, меня хорошо слушайте. С нынешнего

дня я у вас хозяином буду. Кто мои слова слушать не будет — тому плохо будет. Вся эта земля, где вы живете, сейчас моя земля.

Нани удивились. До этого у них никакого хозяина не было. Не понимают, зачем им хозяин.

Один смелый парень говорит:

— У нани до этого никакого хозяина не было. Здесь земля наша, мы никого не знаем.

На барсука похожий человек рассердился, как котел закипел:

— Ты, собачий сын, спорить со мной будешь?

Железной палкой, которую держал, на того парня указал. Сильнее грома раздался звук, из конца палки дым пошел, нани от страха на землю попадали. Когда голову подняли, увидели: тот парень мертвый лежит, кровь из груди капает.

Нани тогда сильнее испугались.

— Кто меня слушать не будет, с ним вот так будет, — говорит чужеземец и показывает на мертвого парня.

Нани низко голову опустили. Что скажешь такому страшному человеку?

День проходит, два проходит — на барсука похожий человек к себе нани зовет. Нани пришли.

— Вот если через десять дней не принесете мне пятьдесят орлиных хвостов — всех вас убью, — говорит он.

Что поделаешь? Нани за девятью сопками, за сорока марями, за семью морями орлов добывают. Пятьдесят орлиных хвостов кое-как раздобыли, чужеземцу принесли. За орлиные хвосты на барсука похожий человек нани ничего не дал.

День живут нани, два живут, пять живут — тот человек их к себе зовет.

— Через десять дней сто соболей мне не принесете, — всех вас убью, — говорит он.

Что сделаешь? Нани за девятью сопками, за сорока марями, за семью морями на соболей охотятся. Кое-как добыли соболей. На барсука похожему человеку принесли. Глаза у него сделались, как у кошки, которая мышь увидела.

Спрятал он соболей в мешок, крепко завязал. Потом работников своих позвал, велел полкуля пшена принести. Пшено бросил нани:

— Нате, разделите между собой, жрите.

Нани боятся, ничего не говорят, взяли пшено. Мало ли, много ли живут нани — чужеземец их к себе зовет.

— Через десять дней двести штук черно-бурых лисиц не принесете — я вас всех убью, — сказал он.

Что нани делать? Они за девятью сопками, за сорока марями, за семью морями на черно-бурых лисиц охотятся. Кое-как двести черно-бурых лисиц убили. Тому человеку принесли.

У того человека глаза, как у змеи, которая пташку увидела, сделались. Шкурки чернобурок спрятал в мешки, сам крепко завязал, раб-отников позвал, велел куль пшена принести. Нани ничего не говорят, боятся. Мешок взяли.

Много ли, мало ли времени прошло — нани совсем плохо жить стали. Всю пушнину, всю рыбу на барсука похожий человек отбирает.

Нани с ним спорить начнет — он его бьет, нани ругаться с ним начнет — он его убьет.

Сколько нани натерпелись, сколько намучались — это только в сказке можно рассказать. Чем больше на барсука похожий человек богател, тем больше жадным, жестоким становился. Что-нибудь плохого нани про того человека скажет, тот услышит, пушнину ли, рыбу ли нани спрячет — все найдет. Нани еще больше его бояться стали: наверное, у того десять ушей, десять глаз.

Много ли, мало ли так нани жили — вдруг среди них один человек появился. Такой же, как все, просто одетый, только глаза не такие, а особенные, смелые. Откуда он взялся — никто не знает. Скоро по стойбищам слух, как птица, пролетел, что этот человек против царя поднялся, за это его руки железом скрутили, на остров Сахалин отправили. Но он богатырскую силу имел, железо разорвал, плот построил, на том плоту море переплыл, к нани попал. Хорошим человеком оказался. Никого не обижает, нани в работе помогает. Они сильно его любили. Хотели его спрятать, чтобы на барсука похожий человек не узнал. «Не надо», — говорит.

— Он тебя убьет, — говорят нани, — у него десять ушей и глаз, страшная палка у него есть.

— Я его не боюсь, — отвечает он, — и вы зря его боитесь. Вам всем вместе против него надо встать. А десять ушей и десять глаз его — это ваши шаманы и богачи.

Узнал на барсука похожий человек про пришельца, от злости вскипел. Приказал работникам найти и к себе привести. Но тот сам к чужеземцу пошел. Пропал, думают нани, сами копья, стрелы взяли, за деревьями спрятались. Сидит на барсука похожий человек, трубку покуривает, железную палку держит. Пришелец подошел к нему. Тот человек волчьими глазами на него смотрит.

— Зачем ты, собачий сын, в мою землю пришел? — шипит на барсука похожий человек.

— Это земля не твоя, это земля нани, — спокойно говорит тот, — я к нани как добрый гость пришел. А вот ты зачем обижаешь нани?

На барсука похожий человек еще пуще вскипел:

— Ты еще спорить будешь, собачий сын! — Поднял железную палку.

Нани от страха закрыли глаза, а богатырь вырвал железную палку, как прут об колено переломил, схватил на барсука похожего челове-

ка за волосы, на воздух поднял. Богачи и шаманы хотели стрелы пустить в богатыря, но нани у них стрелы отобрали, веревками связали и бросили к ногам пришельца-богатыря. Лежит у ног богатыря перепуганный на барсука похожий человек вместе с богачами и шаманами. Обрадовались нани, жмут руки спасителю своему.

Свистнул богатырь и топнул ногою о землю, свистнули нани и разом топнули о землю. Такая буря поднялась — никогда нани не видели такой бури. Подхватила та буря жадного человека, богачей и шаманов, покружила их в воздухе, как осенние листья, и забросила за сорок миль, девять сопок в море, — никогда оттуда больше не вернуться.

Топнул богатырь о землю, топнули нани — небо очистилось, показалось ясное солнце — никогда нани такого не видели. Заулыбался Амур, запели птички, зашелестели листья на деревьях: радуются ясному дню.

— Возьмите все богатство жадного человека себе, это ваше, — говорит богатырь нани.

На глазах нани слезы показались.

— Спасибо, скажи только нам, кто ты такой?

— Я такой же бедный человек, как и вы, только я — коммунист.

Так впервые нани и работники услышали это слово, услышав, запомнили на всю жизнь это самое светлое слово.

С тех пор много времени прошло. Теперь самые лучшие нани сами коммунистами стали. Знают теперь нани: это слово ходит по всей земле, зовет людей к добру, к счастью.

Т. Лукницкий²

СКАЗКА О СОЛНЦЕ

Б

ыла такая страна — темная, большая страна на морском берегу. Не было над ней солнца: никто никогда не видел его. И звезд тоже не было, потому что всегда над страной висели мрачные тучи. Черное небо простиралось над этой страной, и было в ней так темно, что люди друг друга едва-едва видели. Так и называлась она — Темной Страной, и ее жители назывались вежниками. Но вы только представьте себе, что за жилище — вежа. Воткнут в снег или в болотистую землю пять жердей,

скрестят их сверху, обложат понизу дерном, повыше — оленьими шкурами, а то и попросту мхом; но разве это жилье? Лютует в нем холод. Да что поделаешь? Ведь ни пилы, ни гвоздей у вежников не было!

Ничего хорошего не было в Темной Стране: только мхи да болота, только лед вокруг маленьких черных озер.

Знали вежники, что в земле повсюду много железа, но найти его не могли. Ведь у них не было солнца, а разве увидишь железо в темноте? Кругом ходили дикие звери, но вежники не умели на них охотиться. Как охотиться без железных стрел? Как охотиться, если в темноте и не видать зверя?.. В озерах водилась рыба, но вежники не умели ее ловить. Как ловить без сетей? А разве сплетишь сеть в темноте?

Кормились вежники только мхом и всегда голодали. Лица у них были бледные, сами они были грязными, некрасивыми. Попробуй-ка умываться на трескучем морозе! Попытайся-ка в вечной тьме разглядеть, красивы лица людей или некрасивы?

Плохая жизнь была в Темной Стране!

Посреди Темной Страны возвышалась Круглая горка. На Круглой горке росли деревья. На самой вершине Круглой горки росло так много деревьев, что были это уже не деревья, а целый лес.

А посреди леса стоял большой бревенчатый дом. Такой дом, что ни ветер, ни холод, ни дождь в него не могли пробраться. Жить в нем было тепло и приятно. А жили в нем семьдесят Черных Братьев. Только у них во всей Темной Стране был бревенчатый дом. Вокруг дома в лесу шел бревенчатый забор. За забором стояли сто тысяч оленей. Никуда на них не ездили Черные Братья, но вежникам их не давали.

Случилось однажды так: вырвались от Черных Братьев эти олени, побежали на сочные мхи пастись. Бегут, несут на своих рогах Бледный Свет. Но вскоре заблудились они в болоте. Остановились. Увидели вежники Бледный Свет и оленей. Обрадовались, поспешили к тому болоту. Думали: «Теперь останутся у нас олени и свет. Будем сыты, будем видеть друг друга!»

Прибежали к болоту, смотрят. А тут уже Черные Братья ухватились за рога вожака. Тащат его на Круглую горку. Загнали к себе всех оленей. А с ними вместе и Бледный Свет — спрятали его в дерево.

Закручинились вежники: «Опять нам жить в темноте!»

А Черные Братья им говорят:

— Все, кто захочет собирать для нас дохлую рыбу, обещаем давать по кусочку Бледного Света!

Стали вежники ходить к Черным Братьям:

— Дайте кусочек Бледного Света, пойдем для вас искать дохлую рыбу!

Самый старший из Черных Братьев дохнет дурным дыханием на дерево; куда дохнет, там омертвеет кора, от дерева гнилушка отвалит-

ся. Даст он гнилушку вежникам, а в ней — кусочек Бледного Света. Идут вежники, освещают себе дорогу гнилушкой. Придут к морскому берегу, ищут рыбу, которую море выбрасывает на берег. Только соберут рыбу, а гнилушка развалится, и опять темно. Вернутся вежники к Черным Братьям, отдадут им рыбу и снова просят:

— Дайте кусочек Бледного Света!

Все думают: «Авось не развалится гнилушка, останется и нам кусочек Бледного Света!»

Опять идут вежники на морской берег собирать рыбу для Черных Братьев. Тайком поедят ее и мечтают: «Авось будем сыты!»

Но тут случилась беда: кто из вежников поест этой рыбы, у того зубы крошатся, десны болят — терпеть нельзя! А всякий, кто много раз ходил на морской берег с гнилушками, стал слепнуть от Бледного Света: слипаются веки, не открыть глаза!..

Совсем стало плохо жить вежникам!

А Черным Братьям ничего от дохлой рыбы не делалось, потому что сами они были поганые, как бывают грибы-поганки. А на Бледный Свет они не смотрели, только прятали его в дереве. И стали они толстеть, богатеть, к бревенчатому своему дому башни пристраивать. И жили теперь в нем, как в крепости.

И продолжалось так тысячу лет, и еще тысячу лет, и еще тысячу лет. И решили все вежники, что так будет всегда, пока земля не развалится.

Но однажды в Темную Страну явился на Чудесном олене большой человек. Борода его касалась колен. Когда он заговорил, его глаза засветились так, что все вежники увидели его лицо, хоть и темно было по-прежнему. И оказалось, что лицо у него красивое, мудрое. И сказал он вежникам такие слова:

— Живете вы в темноте, потому что не знаете Солнца. Никто из вас его не видел, а оно есть. Надо его достать. Если добудете Солнце — станет у вас тепло и светло. Железо в земле заблестит. Озера станут не черными, а голубыми. Живая рыба родится в них... Если добудете Солнце — начнете делать копыя и певучие стрелы, на зверя охотиться. Будете вязать сети и живую рыбу ловить... Если добудете Солнце — высушит оно ваши болота, вырастут на них цветы и хлеба. И сами вы сытыми станете, здоровыми и красивыми... Есть Солнце, только надо его достать!

Люди слушали и удивлялись: что за Солнце такое, никто его не видел! И никто до сих пор не рассказывал им о Солнце!

А Черные Братья тоже слушали, слушали это и вдруг рассердились и закричали:

— Глупые вы, вежники, слушаете глупости! Разве может быть в мире то, чего никто не видел? Приехал обманщик к вам, не верьте ему! Давайте лучше убьем его, зачем смущает нас небылицами?

Думали, думали вежники: «Может быть, и правду говорят Черные Братья? Может быть, лучше рассердиться на старика?»

Стоят и молчат: не знают, что делать?

А мудрый старик с бородой до колен посмотрел на них, покачал головой, и погасли его глаза. Тронулся под ним Чудесный олень, и исчез старик с оленем в высоком мху. Лишь голос его прозвучал в темноте:

— Отныне покажусь только тому, кто поверит, что Солнце есть.

Жил среди вежников один юноша. Этот юноша был не такой, как все, — самый бедный был, но никогда не ходил кланяться к Черным Братьям. Никогда не искал для них дохлую рыбу. Гордый был юноша. Говорил: «Лучше умру с голоду, а гнилушки у Черных Братьев не попрошу!»

Скоро все забыли мудрого старика, который приезжал на Чудесном олене. Только один этот юноша не забыл. Он думал, думал, думал... А потом вышел на мхи, взглянул на черное небо и сам себе говорит:

— Верю я, что есть Солнце. Но как его добыть? Помог бы мне тот мудрый человек, да где мне его найти?

Только он сказал это — раскрылся высокий мох, и появился перед юношей Чудесный олень.

— Садись, — говорит, — на меня. Поедем, если не страшно!

— Ничего не боюсь! — сказал юноша и сел верхом на оленя.

И помчались они по мхам да болотам, перелетая через черные маленькие озера. Долго ли, коротко ли мчались, да вдруг остановился Чудесный олень. Перед ним сидит на гранитном камне тот старик с бородой до колен, пишет большую книгу. И каждая страница — из светлого камня, сама собой перед ним перелистывается. Перо у старика — золотое, и пишет он эту книгу кровью своего сердца...

— Здравствуй, — говорит мудрец юноше. — Знал я, что найдется среди вежников юноша, который поверит мне. Рад я тебе!

— Спасибо на добром слове! — отвечает мудрецу юноша. — Скажи, как мне кусочек Солнца достать?

— Чтобы Солнце достать, — отвечает мудрец, — надо много трудиться. Не достанешь его, пока не сплетишь коробочку. А коробочка — не простая, особенная. Сто тысяч вежников живет в твоей Темной Стране, и с каждым ты должен увидаться, с каждым поговорить, всю правду его узнать. И пусть каждый вежник даст тебе по одному волосу. Из них ты сплетишь коробочку, а за это время и узнаешь все мысли людей.

И юноша вернулся к своим. Вел с каждым умные речи, собирал волосы. А когда собрал у всех по одному волосу, начал плести коробочку... Семьдесят лет плел коробочку и когда сделал ее — всю правду вызнал о людях и их жизни, стал знатоком и другом людей.

И вышел он опять на мхи, посмотрел на черное небо и говорит:

— Готова моя коробочка. Как же мне кусочек Солнца добыть?

Только он сказал это — раскрылся высокий мох, и появился во тьме Чудесный олень.

— Садись, — говорит, — на меня. Поедем, если не страшно!

— Ничего не боюсь! — ответил друг вежников и сел верхом на оленя.

И помчались они по мхам да болотам, перелетая через маленькие черные озера. Долгой ли, короткой ли была путь-дорога, да вдруг вспыхнул впереди красный свет. Видят: на самом краю земли, едва-едва касаясь ее, стоит огромное красное Солнце.

— Не боишься ли ты сгореть? — говорит Чудесный олень.

— Ничего не боюсь! — отвечает ему седок.

— Тогда раскрой коробочку и держи ее очень крепко. И сам держись!

Раскрыл друг вежников коробочку, крепко держит ее, уверенно сидит сам. А Чудесный олень мчится прямо на Солнце. Подлетел к нему, задел его своим рогом, и откололся от Солнца луч, упал прямо в коробочку. И помчались они обратно. Только примчались — исчез Чудесный олень. Стоит друг людей среди вежников и говорит:

— Все вы дали мне по волоску. Сплел я из них коробочку. И привез я вам в этой коробочке кусочек Солнца. Давайте выпустим его, чтоб осветил он наше небо!

Только сказал он это — прибежали с Круглой горки Черные Братья. Замахали на него руками, кричат:

— Не смей выпускать! Высохнут наши озера, не станет воды. Железо в земле расплавится, зальет наши земли. Сам ты ослепнешь, и мы все сгорим. Пусть правда твоя, что Солнце есть, но оно не для вежников. Для тех оно, кто из золота сделан, а для вежников оно — смерть!

Обступили Черные Братья друга вежников, хотят вырвать коробочку. Но тут вежники закричали:

— Нет! Не дадим вам, Черным Братьям, коробочку. Из ста тысяч волос она сделана. Каждый волос из силы нашей вырос. Без вас, Черных Братьев, сами решим, что нам делать с ней!

Пожелтели от злобы Черные Братья. Схватили друга людей, потащили его к болоту, хотели было утопить в трясине вместе с коробочкой. Видят вежники — дело плохо, рассердились очень, осмелели и в первый раз за тысячи лет подняли с земли камни. Кинулись с камнями на Черных Братьев. Бьют их камнями, а те повытащили из-под одежды острые рыбы кости и давай колоть вежников. Полилась тут кровь, и капля брызнула на коробочку. И вдруг раскрылась коробочка, и луч Солнца вылетел из нее.

Красным светом вспыхнуло небо. Озарились болота. Упали в трясину обожженные Черные Братья и утонули. А друг вежников стоит, лицом светел, ясен глазами. Глядит в восторге на небо, по которому

плывет луч Солнца. И все вежники в восторге глядят вместе с ним. Луч Солнца низко-низко плывет над болотами, мхами и черными озерами. Вода в озерах становится голубой, и мхи становятся разноцветными: одни — белыми, другие — красными, желтыми, фиолетовыми, зелеными. Никогда ничего подобного не видели жители Темной Страны! Стоят все и смотрят, и сразу проходит их прежняя слепота.

Луч Солнца доплыл до края Темной Страны и приник к болотной кочке: светит вверх, на небо, — и небо становится высоким до бесконечности; светит понизу, вдоль земли, — и земля становится красивой, по ней ползут тонкие розовые туманы, отгоняя мрачные тучи.

И бегут-прибегают отовсюду, со всех концов Темной Страны, вежники. Радуются и говорят:

— Великий человек! Мы нынче видим: есть Солнце. Но это только кусочек Солнца, как нам добыть его все? Веди нас, ничего теперь не боимся!

И отвечает им друг людей:

— Теперь я сам знаю путь к Солнцу. Идите туда, где жили Черные Братья. Ломайте забор, освободите оленей. Поедем на них!

И вежники сломали забор и привели с Круглой горки сто тысяч оленей. Сели на них и поехали. А впереди, откуда ни возьмись, оказался Чудесный олень. Друг людей сел на него, повел всех за собой. И на ходу спросил вежников:

— Не боитесь?

— Ничего не боимся. Показывай нам дорогу!

Долгой ли, короткой ли показалась вежникам путь-дорога — наконец приблизились они на оленях к Солнцу.

— Не страшно вам? — еще раз спросил их друг людей.

— Ничего не боимся, скажи, как Солнце взять?

— Пусть каждый подьедет к Солнцу с раскрытым сердцем и возьмет по одному лучу!

И вежники все раскрыли сердца, и каждый смело помчался к Солнцу. И в каждое сердце вошел солнечный луч. И сто тысяч сердец стали счастливыми и горячими.

— Теперь поставьте оленей в ряды! — сказал мудрый человек.

И вежники поставили своих оленей в ряды.

Чудесный олень подтолкнул Солнце своими рогами, и оно сдвинулось с места и лучами своими послушно легло на рога всех построенных рядами оленей. И двинулись сто тысяч вежников на сотне тысяч оленей, несущих на своих рогах Солнце. И пели прекрасную песню, возвращаясь к своей земле.

Эта песня была о Великом Человеке, о Солнце, о Счастье

Приехали и отпустили Солнце на небо.

И светит с тех пор Солнце над Светлой Страной. Голубеют озера неба. Высохли болота, и растут на них хлеба. Могучие леса шумят

вдоль берега моря, и все люди строят себе корабли и бревенчатые дома. Ловят большими сетями рыбу. Добывают железо и, сделав себе певучие стрелы, охотятся на зверя. Лица людей уже не бледные, а загорелые, будто из золота. Могучими, красивыми становятся люди, глядят друг на друга и не могу нарадоваться — так ясны и светлы у всех глаза. А Великий человек, добывающий Солнце, живет и не умирает — и не умрет никогда, потому что он первый раскрыл свое сердце для Солнца.

И в каждом луче Солнца, несущем людям великое счастье, звучит его светлое имя, всем близкое и родное.

М. Танькин

ЛЕГЕНДА О МАТЕРЯХ

Мой дорогой мальчик! Ты, наверное, уже много сказочного узнал о нашей жизни! Но знаешь ли ты, откуда у моряков взялась сила? Не знаешь? Тогда послушай.

Когда-то очень давно на побережье Черного моря жили люди. Как их звали, сейчас уже не помню. Они пахали землю, пасли скот и охотились на диких зверей. Осенью, когда заканчивались полевые работы, люди выходили на берег моря и устраивали веселые праздники: пели, плясали у огромных кост-

ров, проводили игры, которые заканчивались метанием стрел — стрел счастья.

Если юноша хотел стать охотником, он пускал стрелу в сторону леса, если пастухом — стрелял в сторону стада, а если пахарем — в сторону поля.

Смотреть на эти игры выходил из морской пучины царь морей и океанов — Нептун. Это очень страшный царь, глаза у него большие, белые, как пузыри, борода зеленая — из водорослей, а тело сине-зеленое, под цвет моря. Каждый раз, глядя на игры, он, смеясь, говорил:

— Как люди ни хвастаются своей силой, а меня боятся: никто из них еще не решился пустить стрелу в сторону моих владений.

Говорил он так потому, что был уверен: никто не посмеет испытать свое счастье на море.

Один раз вышли к костру юноши. Они вдруг повернули в сторону моря, и все, как один, пустили стрелы туда.

В какую ярость пришел Нептун!

— Я всех вас похороню в пучине морской! — взревел он.

Женщины, глядя на своих сыновей, задумались: царь морской действительно может похоронить их детей в море.

Гордостью тех людей, о которых рассказываю я, всегда были женщины — сильные, красивые, никогда не стареющие.

Думали, думали женщины и решили отдать всю свою силу сыновьям. Юноши, взяв материнскую силу, подошли к самому берегу моря. Чтобы не подпустить их к воде, Нептун бросил громадный вал, но юноши устояли, не согнулись и не побежали назад. Зато матери после этого стали слабыми.

Ты видел, мой мальчик, слабых женщин? Если еще когда-нибудь встретишь, то не смейся над ними: эти женщины всю свою силу отдали таким же детям, как ты.

И вот слушай дальше.

Когда Нептун увидел, что юноши выдержали натиск тяжелого вала, он дико засмеялся и злобно закричал женщинам:

— Пусть ваши сыновья устояли против моей силы здесь, на берегу, но в море я порву им руки!

Женщины опять задумались: да, царь морской и это сделать может, у него крепкие жилы из манильских трав.

Пока они думали, на поверхность воды вышли дочери морского царя. Они, как и отец, были некрасивы.

Вышли дочери Нептуна и сказали:

— Женщины, отдайте нам свою красоту: за это мы достанем со дна моря крепкой манильской травы, соьем из нее жилы для ваших сыновей, и руки у них будут такие же крепкие, как у нашего отца.

Женщины сразу согласились на это условие и отдали дочерям морского царя свою красоту.

Если, дорогой мальчик, ты увидишь где-нибудь некрасивую женщину, не отворачивайся от нее, знай, что она пожертвовала своей красотой ради детей.

Когда царь Нептун узнал о проделке дочерей, очень разгневался он, выбросил их из моря и превратил в птиц-чаек.

Ты слышал, мальчик, как чайки плачут над морем? Это они просят домой, но жестокий отец не пускает их обратно, и даже не смотрит на них.

Зато моряки на чаек всегда глядят и наглядеться не могут, потому что чайки носят красоту их матерей.

Юноши, почувствовав крепость в руках и силу в плечах, наконец вышли в море. Вышли они и пропали. Ждут-пождут матери — не возвращаются сыновья.

Появился опять перед женщинами Нептун и громко-громко засмеялся. От его смеха даже волны заходили по морю.

— Не дожидаться вам теперь сыновей! — хохотал Нептун. — Они ведь блуждают. Вы и позабыли, что на море нет дорог и тропинок.

И опять он закатился в страшном смехе.

Тогда женщины воскликнули:

— Пусть будет в наших глазах меньше света, но пусть над нашей землей еще ярче загорятся звезды, чтобы сыновья нашли по ним дорогу к родным берегам.

Только сказали так, в небе сразу ярко-ярко заблистали звезды. Юноши увидели их и благополучно вернулись домой.

Вот почему, мой друг, моряки сильны и непобедимы: матери отдали им все лучшее, что имели.

В. Цоселани

**БАЧО —
ЗНАМЕНИТЫЙ
ОХОТНИК**

Б

Как появился Бачо

ыли на свете Рамази и Манана, но сколько бы вы ни искали, нигде не было Бачо. И он рассердился: «Почему это все есть, а меня нет?» — и в один прекрасный день появился на свет.

Рамази и Манана очень обрадовались, а самому Бачо хоть бы что: «Ну и появился... А вы как думали?»

— Ах, господи! Чем же угостить тебя? — заволновалась Манана.

«Я не люблю никаких напитков, кроме молока», — подумал Бачо.

— О, молоко — это очень хорошо! Молоко — чудесно!..

«Я и сам знаю», — подумал Бачо.

— Конечно знаешь, Бачо! Ты у нас все знаешь, — сказала Манана.

— Ничего он не знает! — махнул рукой Рамази. — Самого не видеть еще, а воображает...

Бачо ужасно рассердился, наморщил лоб и попытался выпростать руки из пеленок.

Манана тоже рассердилась на Рамази и сказала:

— Замолчи сейчас же! Бачо большой мальчик. Большой и сильный!

— В первый раз слышу, чтобы грудной младенец был сильным.

— Где уж тебе услышать? Целыми днями в школе пропадаешь. А ночью спишь как убитый.

— А он что, не спит по ночам?

— Нет, он ни минуты не спит по ночам.

— И прошлой ночью не спал?

— Ни прошлой, ни позавчерашней.

— Вот это новости!

— Для кого новость, а для кого и нет!

Пока брат и сестра спорили, Бачо уснул, но Манана прекрасно знала все, что случилось с ним прошлой ночью. Бачо только сестре доверил свою тайну. И Манана сказала:

— Когда наступит ночь и все в доме, даже драчливые петушки, засыпают, Бачо тихонько вылезает из пеленок, одевается и уходит.

— Куда?

— Я тебе скажу куда... На охоту.

— Вот это здорово! — смеется Рамази.

— Он уже поймал лисичку, которая стащила у вороны кусочек сыра, и убил волка. Убил и снял с него шкуру.

— Он не говорил случайно, где прячет эту шкуру?

— Вот еще!.. На что ему гадкая волчья шкура?!

— В таком случае ему надо было ловить тигра, а не волка.

— Он так и сделал, — говорит Манана. — Взял и поймал тигра, вернее — тигрицу. А знаешь, для чего? Чтобы шкуру себе под колыбельку постелить. Но тигры теперь в наших лесах не водятся, и Бачо пришлось идти далеко-далеко, за тридевять земель, и там искать полосатого.

И чего этот Рамази закатывается? Неужели не верит, что Бачо поймал тигрицу?

— Верю! — смеется Рамази. — Верю!

И вот... Сунул ее под мышку и несет. А тигрица была с тигрятами. Но Бачо их не тронул, только поиграл немножечко, приласкал.

— Что ты собираешься делать со мной? — спрашивает тигрица. — Верно, в зоопарк за решетку посадишь?

— Нет, — говорит ей Бачо, — в зоопарке и без тебя тигров достаточно. Я тебя домой отнесу.

— На что я тебе? — спрашивает тигрица.

— Сниму с тебя шкуру. У тебя очень красивая и мягкая шкура, а мне нужно что-нибудь под колыбельку подстелить.

— Не губи! — взмолилась тигрица. — У меня детки. У тебя ведь тоже есть мама?

— Конечно, есть, — сказал Бачо, — мама кормит меня молоком.

— Моим тигрятам тоже хочется молока-а! — заплакала тигрица.

Тут Бачо вспомнил, что и сам проголодался, и тоже заплакал.

— Я покормлю тебя, — сказала ему тигрица, утирая слезы, — а уж ты отпусти меня к деткам.

— Ладно, — ответил Бачо, — отпущу.

Он попил тигриного молока и отпустил тигрицу домой, в джунгли.

— Вот это герой! — восклицает Рамази, глядя на спящего брата.

— Тсс, тише... Не разбуди! — хмурит брови Манана и бережно покачивает колыбель.

А Бачо спит. Иногда по его губам пробегает улыбка: верно, в эту минуту он видит хитрую лисичку или играет с пушистыми тигрятами. А когда тигрята присасываются к материнской груди, он вспоминает, что тоже хочет молока, и плачет. Все-таки больше всего на свете он любит молоко...

Вот так появился на свет Бачо.

Бачо — знаменитый охотник

Бачо прославился на весь мир. Все узнали, что он живьем изловил тигрицу, что тигрица покормила его молоком, и за это он отпустил ее к деткам.

Пол под колыбелью Бачо щербатый, и шкура была бы очень кстати, но лучше немного помучиться, чем оставить тигрят без мамы... За это-то и полюбили Бачо в той далекой стране, где водятся тигры.

— А разве он и после бывал там? — спрашивает Рамази.

— Не раз и не два...

— Представляю, какие пиры закатывались в его честь.

— О-о, чего только не было у них на столе! — восклицает Манана. — Каша густая, как мамалыга, и такая жидкая, что ее можно было налить в бутылочку и есть через соску. Тертая морковь и тертые яблоки, витамины... А молоко?! Какое только душе угодно. Даже птичье! Все ели и пили в свое удовольствие.

— Хозяин! — молвил Бачо, поднимаясь. — Какое молоко мы станем пить?

— Выбирайте! — ответил ему охотник, сидящий во главе стола.

Бачо перепробовал все бутылки, чмокая губами и качая головой. При таком изобилии мудрено сделать выбор!

— Отведайте-ка вот этого, — сосед по столу протянул Бачо длинную бутылку, полную розового молока.

— Прекрасный цвет! — сказал Бачо.

— А вкус и того лучше!

— Да, — согласился Бачо, распробовав молоко, — лучше и быть не может! Но... — Бачо хотел сказать что-то и застеснялся.

— Ему не нравится птичье молоко! — загалдели за столом.

— Оно мне очень понравилось, — сказал Бачо, — но однажды в ваших краях я пил...

— А-а! — воскликнул большеголовый охотник, сидящий рядом с тамадой. — Одну минуту!

Он исчез и вскоре вернулся с особым напитком в оплетенной бутылке.

Пригубив его, Бачо радостно закивал и заулыбался, выставляя два новеньких зуба.

— Дайте мне рог! — все еще улыбаясь, велел Бачо.

Сидящие за столом поразевали рты от удивления, и сразу стало видно, сколько зубов прорезалось у каждого.

— Охотники! Мне нужен турий рог! — повторил Бачо.

Славные охотники не знали, что такое тур.

— Если у вас не водятся туры, то из чего же мы станем пить?

Несколько смельчаков выбежали из-за стола и исчезли в дремучих зарослях. Через некоторое время они вернулись, волоча на веревке огромного носорога.

Бачо взял его за щеку, снял рог, наполнил молоком и провозгласил тост за всех охотников. Выпил сам и пустил рог по кругу. Потом вернул его носорогу и отпустил толстяка восвояси.

— Вам, видно, по душе молоко тигрицы? — сказал сосед Бачо, кивая на оплетенную бутылку.

— Да, — признался знаменитый охотник, — после материнского молока оно мне слаще всех... Такой уж я человек.

Бачо встал — земля дрогнула

В один прекрасный день вдруг дрогнула земля и заходила ходуном.

Казалось все: дома, деревья, горы и даже небо — заколыхалось. Творилось что-то невообразимое: башня, выложенная из кубиков, пошатнулась и рухнула; во дворе дети прокладывали туннель в песочке, он был почти готов, как вдруг тоже задрожал и осыпался. Поднялись шум, гвалт, пересуды.

— В чем дело? Что случилось?

В лесу, ломая сучья, сталкивались деревья.

— Спасайся кто может! — затрещала сорока. — Небо рушится на землю!

Но птицы знали, что сорока болтунья, и не поверили ей. А дятел протер очки и огляделся: «Все дрожит. Почему? Не пойму...»

Глупый медвежонок услышал трескотню сороки и перепугался до смерти.

— Жирафа, а жирафа, тебе видней! Погляди-ка, в самом деле небо рушится?

Небо-то не рушилось, но дело и впрямь было нешуточное: прославленный на весь свет охотник встал на ноги.

— Бачо встал на ноги! — крикнула Манана. — Мальчик встал — земля дрогнула!

— Да-да! — сказал Бачо, а это означало: «Ну и встал, а вы как думали?»

Рамази сначала не поверил, что Бачо сам встал на ноги, но Бачо стоял, и никто не поддерживал его: ни мама, ни папа, ни Манана. Бачо стоял, растопырив ручонки, а вокруг него качались деревья, дома, горы, колыхалось небо, рушились башни и туннели. Бачо стоял, пошатываясь, и смотрел на это столпотворенье.

Звери и птицы еще не знали, что произошло, и, перепуганные, метались по лесам.

Царь зверей великий лев недовольно зарычал, грива у него поднялась дыбом, он в ярости топнул лапой, но земля продолжала дрожать.

— Что это значит?! — взревел лев и погнал из лесу барсов, волков, гиен и медведей. — Обойдите весь свет, узнайте, в чем дело, и без промедления доложите мне.

Потом лев призвал к себе зайцев. Серенькие чуть не поумирали от страха.

— А ну-ка, косые, я слышал, вы быстро бегаєте. Докажите свою прыть!

И зайцы во все лопатки припустились из лесу.

Прыжком к стенам рога, прыгали со скалы на скалу туры, а мимо них с грохотом проносились обвалы. И никто не знал, в чем было дело.

У великого льва екнуло сердце. Он попросил слона никуда не отлучаться, а пятнистую газель послал к тигрице, матери трех тигрят, знаменитой умом, ловкостью и силой.

А тигрице к тому времени птичка на хвосте принесла радостную весть. «Бачо встал на ноги! Вот отчего вся эта кутерьма. Мальчик встал — земля дрогнула!»

Тигрица улыбнулась в усы и, пустив вперед своих тигрят, отправилась к царю зверей.

Изыскав в неведении, лев струхнул не на шутку и собственной персонею послышал навстречу гостю.

— Я что-то не припомню за свою жизнь такого землетрясения, — проурчал он, выслушав приветствие тигрицы.

— Справедливо, государь. Я тоже...

— Скажи на милость, что же все-таки происходит, а? — спросил лев. — Может, земля раскалывается? Или, я слышал, небо рушится?..

— Да, нет, — усмехнулась тигрица. Она поглядела на подросших тигрят и важно сказала: — Бачо встал на ноги!

— Кто? — лев был стар и потому не расслышал.

У тигрицы желтые полосы на шкуре покраснели от злости.

— Ты не знаешь Бачо? Выкормленного мною мальчика?.. Так тише! Не проговорись нигде, а то он как раз ищет шкуру себе под колыбельку.

— Ох, как же это я запамятовал!.. — Лев хватил себя лапой по лбу. — Я знаю Бачо! Кто же его не знает?

— Так он сегодня встал на ноги, и от этого дрогнула земля.

— О-о! Понятно... — Лев закивал головой, и длинная грива полезла ему на глаза. — Если он встал на ноги, то конечно... — Потом наклонился к тигрице и шепотом попросил: «Ты уж, пожалуйста, не выдавай меня, не говори, что я не расслышал его имени. Сама знаешь — старость не радость, на ухо стал туговат».

— Ладно, не выдам, — в сердцах сказала тигрица и ушла.

Тигрица сдержала слово. Бачо, к этому времени уже твердо стоявший на ногах, так ничего и не узнал про льва.

И хорошо. Еще неизвестно, чем бы все это кончилось для царя зверей. Ведь недаром в Грузии говорят: «Мальчик встал — земля дрогнула».

Перевел с грузинского А. Эбаноидзе

М. Кочнев

МИТКАЛЕВАЯ
МЕТЕЛЬ

Т

еперь миткали* отбеливают по-новому — скоро и хорошо. Все машины делают. А старики помнят, как летом отбеливали полотна на лугах по всей Уводи-реке, а больше у Золотого потока. Зимой, когда снег твердой коркой покроется, поля застилали полотнами — лишице пробежать негде.

Хозяева раздавали сотканый товар по деревням. Там отбелят, а потом уж на фабриках в расцветку пускают.

* Миткаль — ткань, похожая на холст.

Жил в ту пору в слободе неподалеку от фабрики пронырливый мужичишка — Никиткой его звали. Подрядами он промышлял. Голова маленькая, глаза плутоватые, бегают, как у мыши, руки чуть не до земли.

И мужики, и бабы, и ребятишки полотна отбеливали. Работали по пятачку с куска — не больно это денежно, ну да где же дороже-то найдешь?

Никитка однажды тоже за миткалем пошел. К вечеру, на его счастье, морозец ударил. Разостлал Никитка миткаль, по концам положил поленца да кирпичи, воткнул колышки на заметку: а то и ветром унесет и прозевать можно — свои нашалят, скатают. Так останешься в накладе, что потом за пять зим не вернешь.

Вышел Никитка на огород, мороз похваливает. Наст колом не пробьешь; как по полу, по нему иди, похрустывает под лаптями.

Все убрали миткали, а Никитка решил на ночь их оставить на снегу. Думает: «Раньше срока сниму и другую партию раскину». Так с огорода он и не уходил. Пробежит его мороз, сбегает Никита в избу, пошлепает ладонями по горячей печке — и опять на стужу. Петухи пропели, все в селе заснуло, только сторож где-то далеко в колотушку брякает. Луна выплыла полная, все кругом осветила. На снегу точно битое стекло рассыпано, снег серебром горит.

Сидит Никитка у гумна в соломе, на миткали поглядывает, в уме пятачки подсчитывает. Вдруг слышит — где-то рядом хрустнуло, будто кто к миткалям подбирается. Высунулся из соломы, видит — человек над миткалями ходит, вроде шагами длину их меряет.

«Постой, — думает Никитка, — поглядим, что дальше будет».

А сам колышек дубовый в руке сжимает: может, понадобится.

Зоркий Никитка был: ночью нитку в иглу мог вдеть. И тут видит — человек чужой, таких в слободе нет. А главное, вот что дивно: с пят до маковки человек белый, как снегом осыпанный: шапка белая — заячья, шуба белая — долгополая, онучи белые — холщовые, и лапти белые. В руке клюшка. Ходит старик по миткалям, метелкой с них как бы снег смахивает, а брать ничего не берет. Посматривает Никитка — понять не может: что этому старику вздумалось ночью чужие миткали обхаживать? Видно, хитрит старик, хозяина выслеживает. А как увидит, что хозяин заснул, и примется скатывать.

Старик обошел все миткали, снял с одной ленты поленце, приподнял конец и хотел не то скатать, не то перевернуть. Тут Никитка из соломы вылез да с колышком к старику:

— Постой, дедка, ты здесь что ищешь?

Старик не испугался, ленту положил, поленце на старое место подвинул:

— Я так... ничего, мил человек. На миткали люблюсь. Больно гожи, тонки, чисты. Твои, что ли?

— Хозяйские, настил взял — стало быть, отбеливать, по пятачку с куска, — объясняет Никитка.

— Так, так, хороший ситец набьют из такой ткани. Дай те бог удачи. А я шел дорогой, смотрю, что де за тропы постланы. Ан вон что! Ну, я своей метелкой обмахнул — авось белее станут.

Хитрый старик оказался. Такой курносый, борода по пояс, рукавицы по локти. Тоже белые. И беленькую метелку под локтем прижал. Указывает он Никитке: «Глянь на миткали, такие ли были они в сумерки?»

Никитка пригляделся — и впрямь не узнать: снега белые, а миткали и того белей.

— Что это, дедушка? — спрашивает Никитка.

— Удача. Ночь тебе счастливая выпала. Морозец хороший бедному человеку помог. Больше и студиться нечего, скатывай...

Никитка и сам видит, что за какой-нибудь час миткали выбелились: хозяин за первый сорт примет.

Но вот с чего так получилось, Никитка не раскусит. А старик полезный, выгодно бы и дружбу с ним завести, в пай взять. Тогда только успевай миткали раскатывать.

Никитка старика в избу зовет потреться с мороза, чайку попить. А старик отнекивается, говорит, что далеко ему идти до дому, спешит, мол: нужно во что бы то ни стало к сроку поспеть. Обещает после побывать, если дорога в эти края выпадет.

Никитка начал его выпрашивать — как зовут да откуда он, куда и зачем идет. Старик не больно-то говорлив. Отвечает на все какими-то намеками, так что всего Никитка и понять не может.

— Зовусь я просто, да в миру меня по-разному кличут, кто как назовет. Живу на земле, на той, что и ты. По своим делам всеми дорогами хаживаю. Где человеку след — там и мне не запрет. Где человеку запрет — для меня все равно след. А сейчас по важному делу в дальний край путь держу. У меня сын с дочерью повздорили. Мирить их буду. Кого наказать, кого опечь. Один другого попрекает, за глаза не разберешься. А я правду умею находить, хоть как запутай. Хочу, мил-человек, память по себе оставить, чтобы ты добрым словом старика помянул. Возьми мою метелку, она мне покуда не нужна. А когда потребуется — зайду возьму. Даю и наовсе и не наовсе, смотря по делам, как она тебе пригодится. С ней у тебя дело-то поспорее пойдет. Но береги метелку: потеряешь — такую-то и сам не свяжешь и в лавке не купишь.

Отдал старик метелку Никитке, шапчонку надвинул, утер нос голицей * да и пошагал напрямик к болоту, только наст под ногой похрустывает.

* Голиця — кожаная рукавица без подкладки.

Долго Никитка вслед ему глядел. Миткали скатал, метелку на плечо — и бегом в избу.

Утром навалил на санки мешки с отбеленным товаром, повез сдавать. Как раскинул он перед хозяином первые куски, так и удивил всех.

Много народу пришло сдавать: у тех бел миткаль, а у Никитки белей — шелком отлиывает. Народ дивуется, а Никитка от радости кулаки потирает, но помалкивает, как это так получилось, что миткали за одну ночь отбелены. Хозяин Никиткин товар за образец всем показывает, в носы тычет: вот, мол, как работать следует. И опять настить посылает. А бабы косятся на Никитку, ворчат:

— Принесли его черти со своим миткалем!

Никитка земли под собой не чует; раззадорился, спрашивает у хозяина:

— Почем с куска им платишь?

— Сколько и тебе — по пятачку.

Никитка норовит других обставить, побольше товару у хозяина заполучить, да и говорит ему:

— А я у тебя все подряды возьму по четыре копейки с куска. Не давай только никому ни аршина. Пусть, кто хочет, из моих рук получает, а уж я-то их научу.

Хозяин рад: дешевле и лучше. С того часа перестал в разные руки миткали раздавать, Никитка на весь миткаль подряд откупил и мужикам в слободе объявил:

— Кто хочет настить, приходите за миткалями ко мне в сарай. Плачу по три копейки с куска.

Делать нечего, хозяин работы не дает, до других фабрик далеко. Поскребли мужики в затылках и пришли к Никитке: ведь всю зиму не будешь сидеть без хлеба.

А Никитка на свою метелку понадеялся.

Дело у него пошло без заминки, без задоринки. Каждые сутки воз отбеленного миткаля отправлял хозяину.

Зима словно по заказу установилась — тихая, днем солнышко, а ночью мороз. Все на руку Никитке. Стал он по слободе гоголем ходить, перед стариками шапки не ломит; шарабан себе заказал и на фабрику ездит.

Скоро вздумал еще сбавить цену и заставил всех за две копейки с куска гнутьяся.

Бабы подступили было к Никитке:

— Не по закону делаешь: рядил так, а рассчитываешь иначе.

А Никитка свое:

— Коли не нравится, я чужесельских найму. Только гукни — бегом прибегут.

Однако стали люди за ним подглядывать, что это он ночью делает:

неспроста миткали так белы. Видят — метелкой по миткалям машет, а к чему это — не поймут. Одни говорят — иней обметает, другие ладят — зельем каким-то кропит.

Пробовали допытаться:

— Что это у тебя, Никита, за метелка такая, чем ты ее мажешь?

А Никитка в ответ:

— Такая метелка: кто спрашивает — по языкам бить, кто доглядывает — по глазам.

Выпала как-то ночь особенно лунная да морозная. После вторых петухов присел Никитка на соломе, глядь — опять тот старик, в белом, словно из-под земли выскочил; сбросил поленце, миткаль скатывает. Скатал один кусок, за другой принялся. Никитка к нему:

— Здорово, дедка!

— Здравствуй, мил-человек!

— Куда путь держишь?

— Кривду в поле ловлю, напал на след и иду за ней.

Так-то толкует, а сам третий кусок скатывает.

Никитка беспокоился:

— Пошто ты их в одно место складываешь?

— Хочу взять у тебя, мил-человек, кусков пяток. Поди, не откажешь? Придется — расплачусь, а ныне ни гроша в кармане.

Никитка думает: «То ли зайдет старик, то ли нет, а миткаля жалко». И говорит:

— Дал бы, дедушка, да ярлыки на каждый кусок написаны. Как же я отчитываться буду?

— Ах, ярлыки! Ну, тогда не надо.

Старик больше ни слова не молвил, ушел.

Утром Никитка повез товар хозяину. И тут же, у фабриканта, новые подряды взял на будущий год. Закупил пряжи, роздал по избам ткать. К себе мужиков с бабами подрядил. И все по-прежнему ему удается: за сутки миткаль отлеживается.

Однажды ночью бродит он, как колдун по полю, наст похваливает, погоде подходящей радуется, на разостланные миткали поглядывает.

И видит: идет опять старик, весь белый. Одежда на нем обшарпанная, лохмотья по ветру вьются. Признал Никитка старика: тот самый. Поздоровались.

— Чьи миткали, мил-человек? — спрашивает старик.

— Мои! — басовито так, важно отвечает Никитка.

— Ну и хорошо, что твои. Теперь не откажешь старику — дашь на одежонку?

Никитка и размышляет: «На что он мне, старый хрыч, сдался? Много их таких по белу свету слоняется...»

— Дал бы, — говорит, — миткаля, да вся партия чохом купцу Березкину продана. — И посмеивается. — На другой год приходи.

— До другого года, я, может, и не проскриплю. — Старик хмурится. Спрашивает Никитку: — Ну, а ты тут как?

— Да помаленьку, тружусь. Все тебя добрым словом поминаю. За метелку спасибо.

— Она мне ноне понадобилась.

Никитка и нос повесил:

— Нет ли другой такой?

Старик в ответ:

— Одна она на всей земле.

Взял старик метелку под локоть и пошел к лесу.

Ушел он, а Никитка о миткалях думает — померкнут теперь или нет? Лучше, пожалуй, было бы кусок или два дать...

А миткали светятся еще явственней, будто вдвое белизны прибавилось.

И решил Никитка, что метелка тут ни при чем, а все дело в погоде.

Только вдруг на улице тихо стало так, что слышно, как мыши в соломе похрустывают. Небо чистое, ситцевое, и звезды горошком распыланы. А вокруг луны — красный пояс.

«К вёдру луна подпоясалась красным кушаком, — смекает Никитка. — Метели не будет».

И подался в избу прикорнуть. Лампу погасил, да так, одетый, за столом и ткнулся носом в ладони — пригрелся, вздремнул к морозцу.

Поспал он немного, проснулся, слышит — вроде кто стучится. А это горбыль о стенку бьет. В трубе ветер заливается. Глянул на улицу — света белого не видно. Ветер так и свищет, снежной крупой в стекла сыплет. У Никитки сразу сердце упало: миткали-то не скатаны, теперь не найдешь их, снегом заметет.

Как полоумный выскочил Никитка, а ветер дышать не дает, наземь валит, за два шага ничего не различишь. Где кувырком, где ползком, дополз Никитка, торопится убрать миткали. Кричит:

— Люди добрые, помогите!

А народ спит, как Никитка велел.

Только схватится Никитка за ленту, ветер завьет, вырвет ее из рук, покатит полем. Никитка — за ней, а ветер пуще — другие ленты завивает и крутит столбом.

И не поймешь — то ли миткаль крутится, то ли снег вьется. И земля и небо — все в снежном море потонуло. Где село, где лес — не разберешь.

Ползет Никитка по сугробам, и вдруг его подхватило и с миткалями вместе потащило. Снег в лицо хлещет, ветер шапчонку сорвал, а миткали вокруг трубкой, трубкой свиваются, будто змеи над головой ме-

чутся. Заплетаются в них Никитка, спотыкается, остановить хвиль такую не в силах. Бросает его, как клок ветоши, по сугробам. Из сил выбился, а отстать от миткаля не хочет.

И видит Никитка: посреди поля стоит тот самый старичок в белой шубе да своей метелкой над головой помахивает. Куда махнет — в ту сторону вихрь несется. А сам приговаривает:

— Миткали белить — не в гостях гостить. Белитесь скорей, белитесь белей!

•

— Дедка, дедка, останови! — кричит Никитка.

А дедка только шибче метелкой машет.

Так и закружило Никитку. Снегом его запорошило.

И добрым словом никто его не помянул.

С.Тисахов

КАК ПОП
РАБОТНИЦУ
НАНИМАЛ

Т

ебе, девка, житье у
меня будет легкое, не
столько работать, сколь-
ко отдыхать будешь!

Утром встанешь, как
подобает, до свету. Избу
вымоешь, двор уберешь,
коров подоишь, на по-
скотину выпустишь, в хле-
ву приберешь — и спи,
отдыхай!

Завтрак — утренник
состряпаешь, самовар со-
греешь, нас с матушкой
завтраком накормишь —
и спи, отдыхай!

В поле поработаешь,
в огороде пополешь, ко-
ли зимой — за дровами,
за сеном съездишь — и
спи, отдыхай!

Обед сваришь, пирогов напечешь: мы с матушкой обедать сядем, а ты спи, отдыхай!

После обеда посуду вымоешь, избу приберешь — и сама отдыхай!

Коли время подходящее, в лес по ягоду, по грибы сходишь, а то матушка в город спсылает, так сбегаешь. До городу рукой подать, и восьми километров не будет, а потом — спи, отдыхай!

Из городу прибежишь, самовар поставишь. Мы с матушкой чай станем пить, а ты спи, отдыхай!

Вечером коров встретишь, подоишь, попоишь, корм задашь — и спи, отдыхай!

Ужин сваришь, мы с матушкой съедим, а ты спи, отдыхай!

Воды наносишь, дров наколешь — это к завтраму — и спи, отдыхай!

Постели наладишь, нас с матушкой спать повалишь. А ты, девка, день-деньской проспишь, проотдыхаешь, во что ночь-то будешь спать?

Ночью попрядешь, поткешь, повышиваешь, пошьешь и опять — спи, отдыхай!

Ну, под утро белье постираешь, которое надо — поштопаешь да зашьешь — и спи, отдыхай!

Да ведь, девка, не даром. Деньги платить буду. Каждый год по рублю! Сама подумай. Сто годов — сто рублей.

Богатейкой станешь!

В.Высотская

ПРО ГЛУПОГО
ЦАРЯ

Сказка-шутка

Г

оворят, что жил на свете царь.
Ну конечно, было это встарь.
И, понятно, жил он во дворце
И ходил не в шляпе, а в венце.
У царей такая мода была!

Хоть и царь, а поступал он глупо:
Ананасы клал в тарелку супа,
А к селедке требовал компот.
Вот на кухне было с ним хлопот!
Каждый день кухарки менялись!

Не упомнишь всех его затей!
По ночам пугался он чертей
И, когда ложился почивать,
Залезал со страха под кровать.
А под кроватью-то пылица!

Ну, а днем, бывало, он храбрец.
Как затащит пушку во дворец,

Как начнет палить во все концы,
Зеркала звенят, как бубенцы!
Во дворце — и такое безобразие!

Раз поехал он кататься в лес,
На сосну высокую залез
И кричит: — Подать сюда луну!
Засолить ее на ветчину! —
Чего от безделья не выдумаешь!

А с людьми простыми был он строг,
Как разбойник, собирал налог.
Отбирал и серебро и медь,
Чтоб никто гроша не смел иметь.
Всех оберет, а сам без денег!
Всё растратит!

Раз увидел он: на дне реки
Будто кто рассыпал пятаки.
— Там, — кричит, — монеты на
песке! —

Как нырнет!
И утонул в реке.
А на дне-то камушки блестели!

Но народ, по правде говоря,
Не заплакал, схоронив царя.
Без царей вольготнее ему!
Нам цари, признаться, ни к чему!
Мы их теперь и не держим!

К. Лисовский²

СКАЗКА
ПРО КУКУШКУ

С

тоял на берегу реки Сым одинокий чум. Жила в этом чуме женщина из племени кетов. Было у нее четверо ребят: все мальчики. Тяжело было жить матери: ведь надо прокормить, одеть и обуть детей. А мужа у нее не было. Пошел он однажды на охоту и наткнулся на медведя. Ружье дало осечку. Медведь встал на дыбы, схватил охотника в свои страшные лапы и загрыз. С тех пор мать вынуждена была батрачить у купцов. Отправлялась она за несколько верст от чума, стерегла

скот купеческий, помогала по хозяйству. К вечеру, усталая, приносила она детям то кусок хлеба, то кусок мяса. Так они и жили: бедно и голодно.

Однажды мать заболела. Не может подняться, встать на ноги. Просит она старшего сына:

— Ой, я вся горю! Горло у меня пересохло. Заболела я. Сходи, мой милый, на речку, принеси воды. Пить хочется.

Старший сын говорит матери:

— Не пойду. Я играть хочу.

И убежал на опушку леса играть, чум из веток строить.

Тогда мать просит второго сына:

— Мой милый сын, сходи к речке, принеси водички.

И второй сын говорит матери:

— Не пойду. Я играть хочу.

И побежал со старшим братом чум строить.

Тогда мать посылает третьего сына:

— Милый сын, сходи к речке, принеси воды.

Тот говорит:

— Боюсь — в воду упаду.

И все же пошел к речке за водой. А берег у реки обрывистый, крутой. Только третий сын начал спускаться к реке, как услышал, что его старшие братья зовут:

— Иди с нами играть, строить чум.

И забыл третий сын про больную мать.

Тогда мать посылает третьего сына:

три года было ему:

— Мой милый сынок, твои старшие братья бросили меня, сходи ты к речке, принеси мне воды.

Пошел маленький сын. Остановился у обрыва и не знает, как воды достать. Боялся спуститься с высокого берега. Стоял, стоял и уронил ковшик в воду. Заплакал, забыл про мать и побежал к братьям.

И осталась мать одна-одинешенька. Никто ей воды не принес, никто не утолил ее жажду.

Заплакала мать:

— Было у меня четверо сыновей, а сейчас нет никого. Все меня бросили. Кукушкой одинокой я стала, кукушкой и сделаюсь.

Достала мать ящичек, где хранились у нее иголки, оленьи жилы, наперстки, надела на голову. Стала у нее голова кукушки, а из крышки ящичка хвост получился.

— Из чего же я сделаю себе крылья?

Взяла только выделанную оленью кожу и сделала из нее крылья. Вспорнула на березу, села на ветку и давай горестно куковать:

— Четверо было у меня детей. Посылала их всех за водой. Никто не принес, а четвертый уронил ковшик. Кукушка я теперь.

А тем временем дети играли, играли и есть захотели. Пошли домой. Самый младший говорит:

— Просила мать принести ей воды, а мы про нее забыли. Нехорошо мы сделали.

Заходят ребята в чум, а в чуме пусто. Испугались они, побежали в тайгу мать искать. Видят: на дереве сидит кукушка, так тоскливо смотрит на них, так горестно, одиноко кукует.

Говорит старший брат:

— Наша мама рассердилась на нас и стала кукушкой. Слышите — вот она кукует. Видите — вот она сидит на дереве.

А дело было к осени. Все кукушки собрались улетать. Надо и матери улетать. Взмахнула она своими крыльями и начала перелетать с дерева на дерево. Ребята с плачем бегут за ней. Младший сын кричит сквозь слезы:

— Возвращайся, мы тебе принесем воды!

А мать кукушечьим голосом говорит:

— Теперь уже поздно. Я ведь уже кукушка. Надо было раньше вам думать. Надо было жалеть меня, не обижать. А вы плохими детьми оказались. Вот и живите теперь одни, без меня.

И полетела дальше.

Дети за ней бегут.

Вот младший споткнулся и упал. Третий бежит, кричит:

— Не оставляй нас!

И тоже упал.

Старший сын быстро спустился к реке, зачерпнул в туесок воды, снова за матерью припустился. Второй бежит за ним по пятам. Устал. Жарко ему стало. Просит у старшего брата немножко воды.

— Нет. Это для матери.

И второй тоже упал, нет у него сил больше бежать.

Один только старший сын бежит и несет в туеске воду.

— Мама, — кричит, — вот тебе вода! Прости нас, мама!

А кукушка отвечает:

— Нет, нет, нет! Раньше ты четыре шага не мог пройти, чтобы мне воды принести, а сейчас столько пробежал. Но слишком поздно. Мне теперь воды не надо.

И улетела к кукушкам, потому что теперь была она кукушкой.

С тех пор, когда в каком-нибудь чуме дети не слушаются матери, она им говорит:

— Вот не будете слушаться меня, я тоже стану кукушкой.

И дети отвечают:

— Нет, нет, мама, мы будем слушаться тебя, любить, жалеть, только не становись кукушкой!

М. Маврина

СКАЗОЧНЫЕ ЗВЕРИ

В

от пришло лето. Расцвели цветы в нашем саду. Пospели и ягоды. Петя-Петушок, золотой гребешок, чесана головушка, шелкова бородушка по саду похаживает, голосисто распекает, всех созывает.

Стали приходить чудесные звери. Прибежал Зайка-побегошка, на горе увертыш, везде поскокиш. Набрал цветов и убежал. Зайка — поди догоняй-ка!

Пришла Лиса Патрикеевна.

Похвалялася Лиса:

— Всему лесу я краса!

Поглядела по сторонам и убежала. Только ее и видели — Лисоньку рыженькую!

А потом прискакал козлик и запел:

— Жил-был у
бабушки
Серенький
Козлик...

Допел песенку, взбрыкнул копытцами, и нет его!

Потом Волк пришел.

Волк-волчище, серый хвостище, Евстифейка-волчок.

Повертел хвостом да и был таков!

Потом пришел Мишка косолапый, до малины очень лакомый. Му-жичок, простачок, муравейничек.

Поел всю малинку и ушел восвояси.

Последним пришел Кот — Котофей Иванович из Брынских лесов и стал сказки рассказывать: про Косого Зайца и куму Лисицу, про бабушкиного Козлика, про Серого Волка и про Мишку косолапую — про всех, кто побывал в нашем саду.

Уж я этому Коту
За работу заплачу.
Дам кусок пирога
Да горшок молока.
А кот ест да приговаривает:
— Мало! Мало!

Д. Нарешкин

**КАК МЕДВЕДЬ
И БУРУНДУК
ДРУЖИТЬ ПЕРЕСТАЛИ**

К

огда Хинганские горы еще маленькие были, когда можно было выстрелить из лука и услышать, как стрела по ту сторону Хингана упадет, — вот тогда медведь и бурундук дружили.

Жили они вместе в одной берлоге. Вместе на охоту ходили. Делили все пополам: что медведь добудет, то бурундук ест; что бурундук добудет, то медведь ест. Так дружили они очень долго. Да известно — завистникам чужая дружба всегда глаза колет. Пока друзей не поссорят, не успокоятся...

Вот вышел как-то бурундук из берлоги, захотелось ему орехов пощелкать. Повстречалась ему лиса. Рыжим хвостом завертела, поздоровалась, спрашивает:

— Как поживаешь, сосед?

Рассказал ей бурундук все без утайки.

Завидно ей стало, что два зверя вместе живут и не ссорятся. А сама она ни с кем не дружила, потому что всегда хитрила да всех обмануть норовила.

Притворилась лиса, что жалеет бурундука, лапки на животе сложила, слезу пустила: обманщику заплакать ничего не стоит. Говорит:

— Бедный ты, бедный! Жалко мне тебя!

Испугался бурундук:

— Почему ж ты жалеешь меня, соседка?

— Глупый ты! — отвечает лиса. — Медведь тебя обижает, а ты и не догадываешься об этом. *

— Как так — обижает? — спрашивает бурундук.

— А вот так, когда медведь добычу берет, кто первый ее зубами рвет?

— Брат-медведь, — отвечает бурундук.

— Вот видишь, самый сладкий кусок ему и достается. Ты, поди, уж давно хорошего куска не видал, все медвежьими объедками питаешься! Оттого и ростом ты маленький.

Завиляла лиса хвостом, слезы утерла, покачала головой.

— Ну, прощай! — говорит она напоследок. — Вижу, нравится тебе такая жизнь. Только я на твоём месте первая бы в добычу зубы запускала!

И побежала лиса будто по делу. Бежит хвостом следы замечает.

Посмотрел ей вслед бурундук, задумался: «А ведь соседка-то, пожалуй, правильно рассудила».

Так бурундук задумался, что и про орехи забыл. «Вот, — думает, — медведь-то какой обманщик оказался! А я ему верил, за старшего брата считая».

...Как-то пошли медведь и бурундук на охоту.

Зашли по пути в малинник. Сгреб медведь в лапы куст малины, присосался сам и брата приглашает. А тот смотрит — лиса-то правду сказала!

Поймал медведь еврашку — суслика. Зовет бурундука. А тот глядит: медведь-то первым в еврашку когти вонзил. Выходит, правду лиса говорила!

Пошли друзья мимо пчелиного дубка. Медведь тот дубок своротил, лапой придержал, нос в улей всунул, ноздри раздул, губами зашлепал.

Брата зовет — мед испробовать. А тот видит: опять медведь первый пробует — значит, опять лиса права!

Рассердился бурундук. «Ну, — думает, — проучу я тебя!»

Пошли они на охоту в другой раз.

Сел бурундук брату на загривок — ему за медведем на своих маленьких лапках не поспеть.

Учуял медведь добычу. Косулю словил. Только он хотел ее зубами схватить, а тут бурундук как прыгнет у него меж ушей! Это — чтобы прежде брата в добычу зубы вонзить, сладкий кусок себе взять да немножко подрасти. Испугался медведь, выпустил косулю, и ушла она.

Остались оба брата голодными.

Пошли они дальше. Увидел медведь еврашку, подкрался, а бурундук опять тут как тут! Опять перепугал медведя до полусмерти. Опять охота пропала. Рассердился медведь, а брату ничего не говорит.

Повстречались они с молодым кабаном. В другое время медведь и задираться бы не стал, а тут от голода у него живот к ребрам прилип. Озлился медведь и попер на кабана! Заревел так, что попятился кабан от медведя. Пятился, пятился, уткнулся хвостом в дерево — дальше некуда. Тут на него медведь и надел. Пасть раскрыл, зубами щелкает, вот сейчас целиком сглотнет!

Только приступил медведь к кабану, а бурундук опять с его загривка меж ушей — на кабана прыг! Хочет первым кабана попробовать. Тут медведь совсем разозлился. Как хватит бурундука лапой по спине, так все пять когтей и вонзил ему в спину, чтобы под лапу не попадался, не мешал!

Рванулся бурундук — всю шкуру себе от головы до хвоста распорол. Взвыл от боли. Прыгнул на дерево, да на другое, да на третье. Как пошел с ветки на ветку перепрыгивать, только его медведь и видел!

Заломал медведь кабана, брата зовет:

— Эй, брат! Иди свеженину * есть!

Нет бурундука, будто и не было никогда.

Пошел медведь домой. Ждал, ждал брата, да так и не дождался.

Убежал бурундук. На деревьях долго жил, пока раны на спине не зажили. Ну, раны-то зажили, а пять черных полос от когтей медведя на всю жизнь у него остались.

Теперь бурундук к медведю и не подходит и мяса не ест. А случится ему от медведя неподалеку оказаться, он со злости в медведя кедровыми шишками кидает. А как только медведь голову поднимет, бурундук бежать — только его и видели!

А может, и не так дело было?.. Бурундук так давно в лесу живет, что, может, и полосатым-то стал оттого, что все между деревьями гнездится?

* Свеженина — свежее мясо.

З. Межелайтис

НЕРИНГА

Н

е хочу быть маленькой, хочу быть большой, — молвит Неринга, рыбачья дочь.

А мать в ответ:

— Как справишься с большой работой, так сразу и вырастешь.

Призадумалась Неринга: какое же дело ей по плечу? Крошка-невеличка, и вдруг ей — большую работу!

Вышла на берег морской. Там солнечный шар с дюны на дюну перекачивается. А синее море за ним по пятам — хочет красный шар изловить.

«Поймай, коли хватит прыти!» — насме-

хается солнце. И чуть нагонит его морская волна на верхушке дюны, оно с дюны кувырк, и волна стремглав за ним следом. Не успела еще морская волна успокоиться, а солнце уже вон где! — с другой дюны глядит-потешается: «Поймай-ка меня, море, коли хватит прыти!» И море все злее валами дыбится, языками дюны кромсает, но за солнцем ему не угнаться!

«И вправду нерасторопная волна, — подумала Неринга. — Я-то проворнее буду! погоди, солнце, не уйти тебе со своими проказами!» И пустилась она что есть силы по дюнам, волны перегнала. Треплет ветер янтарные косы рыбацкой дочери, взглядом синих глаз она уже солнце настигла. И белые ноженьки от глаз не отстают. Струхнуло солнце, метнулось в сторону, хочет за белым облаком спрятаться. А Неринга как протянет руку — ладошками солнце ухватила и с размаху в море кинула. Заалела, закровавилась далекая волна, солнце глубоко за море ушло. Наступила тьма непроглядная. Обрадовалась Неринга, бежит по дюнам, чайкой покрикивает:

— Матушка, я уже большая!

— Кто говорит?

— Море мне говорит, я его волну обогнала, я проворнее моря!

— Значит, ноги твои уже подросли, а руки еще малые!

— Не хочу быть маленькой, хочу быть большой!

— Управься с большой работой, сразу и вырастешь!

Вышла Неринга на морской бережок, призадумалась. Какую ей работу исполнить, чтобы и руки подросли?

Смотрит: рыбаки невод тянут-потянут, пот с них в три ручья льет, а невод вытащить не могут. Сеть то ли за камень, то ли за плот зацепилась — с места ее не сдвинешь.

Резвы белые ноги у рыбацкой дочери. Прыг-скок по дюнам песчаным, и вот уже она с рыбаками рядом, глубоко в море забрела.

— Почему, — допытывается, — вы сети тянете, а не вытянете?

— Не спрашивай, дочка! Змей — морское чудище вцепился зубами в невод, не отпускает.

— Какой еще змей? — удивилась Неринга.

— Не ходила ты в море на промысел, не встречался тебе он. А нас, старых рыбаков, он уже вдоволь измаял, изувечил, иные и в пасть ему угодили: сглотал их, несчастных! А живет тот змей девятиголовый на дне морском, и там у него вихри, словно псы лихие, на цепь посажены. Захочет нашего брата обездолить — спустит с цепи те вихри, и поднимут они такую бурю — не знаешь, куда деваться. Вот и теперь прогневался неведь за что лиходей, впился в невод клыками, не отпускает.

— Не унывайте, — молвила Неринга, — помогу вам невод добыть.

— Что ты, дитятко! Змей могуч: тысяча мужчин с ним не совладеет! Нет, не вернуть нам нашего невода!

— Силен змей, а я еще посильнее, — сказала Неринга.

Рукава засучила, хватя за невод и давай к берегу тянуть. Поначалу дело не спорилось, а потом закричала морская глубь, застонала, поддалась сеть. Еще поднатужилась Неринга — и выволокла невод на сушу.

Сети серебром переливаются, рыбы в них видимо-невидимо. Поэтому и не хотел змей морской добычи отдавать.

Дивятся люди, славят рыбацью дочь Нерингу. А море помутилось, заревело, и донесся из самых глубин грозный рев чудища:

— Видно, могучи твои руки, Неринга, видно, ты сильнее меня!

Обрадовалась Неринга, бежит вприпрыжку по дюнам:

— Матушка, я уже большая!

— Кто говорит?

— Змей морской говорит, я из его зубов рыбацкий невод вытащила. Я быстрее моря, сильнее змея — совсем большая!

— Значит, ноги, руки твои уже выросли. Но сердце еще малое.

— Не хочу быть маленькой, хочу быть большой!

— Управься с большой работой, вот и вырастешь!

И все ей не вырасти! Такие, кажется, у нее большие и резвые ноги, и белые руки, и вся она рослая... Забрела снова Неринга в море далеко-далеко, а море ей — всего до пояса.

Еще дальше ушла, уж и родного жилья не видно, и берег с глаз пропал, а Неринге волны и до плеч не доходят — вот до чего высока! Какую еще работу выполнить, чтобы стать совсем большой? Пока она о том думала, море вдруг вскипело, заклокотало черными валами, и небо потемнело дочерна, и солнце померкло. Уж брызжет волна Неринге на белые руки, на янтарные косы, на крутой лоб. И слышит она среди моря крики: «Спасите! Тонем!»

И видит три рыбацких суденышка, будто щепочки, мечутся. Швыряют их черные волны. Похолодело у Неринги сердце в груди. Думает: «Не помогу людям — сгинут они, и жены их овдовеют, и дети сиротами останутся. Выручить, выручить их!»

Чайкой встревоженной крикнула рыбацья дочь, и крепко забилося ее сердце. И бросилась Неринга людей спасать. Резвы ноги у нее: ступит раз — целая миля... Нагнала, настигла тонущие корабли. Сильны белые руки: взяла судно за мачты — и в подол. Потом другое и третье суденышки. Так все собирала. Бредет Неринга по морю неистовому к берегу. Выходят рыбаки с тех судов на сушу, дивятся:

— Великое тебе спасибо, добрая Неринга! Большое у тебя сердце: в нем и три корабля уместилось и все, кто на них.

Обрадовалась Неринга. Ног под собой не чуя, мчит по дюнам домой:

— Матушка, я уже большая!

— Кто говорит?

— Я среди бурного моря три судна тонущих в подол посбирала и на берег вынесла. Рыбаки спасенные и говорят: «Большое у тебя сердце».

И слышит от матери своей:

— Ну что ж, окрепли у тебя руки, ноги окрепли, и сердце мужественней стало, да мал еще твой ум. Управься с большой работой, вот тогда совсем вырастешь!

Присела Неринга на дюну песчаную, подперла широкой ладонью прекрасную голову и глядит, задумавшись, как широкий Неман в море впадает.

Змей — морское чудище помышляет: «Дай-ка отомщу ей и за сети вызволенные, и за суда спасенные, которые я утопить хотел!»

И снял змей цепи железные и выпустил со дна морского на волю вихри свои.

Разыгралась буря невиданная. Сорвались вихри с цепей, заухали, меж собой передрались. Почернело поднебесье, замутилось море, валы столбом поднялись, набежала водяная круча, запрудила Неман, не дает ему в море стекать. Потоптался Неман на месте, повернул и вспять потек. А бурей уже столько воды в него нагнало — в русле тесно. Разлился Неман, затопил кругом поля и луга, леса и села, унес и коней, и коров, и овец, и птицу домашнюю. Даже избы крестьянские, и те смыл. Великое горе постигло людей, и уж не в первый раз: и прежде бывало — разгневадается на них змей морской и Неман вспять погонит.

Вскочила с дюны рыбацкая дочь. Кулаки крепко сжала. Болью наполнилось ее большое, доброе сердце, гневом глаза засверкали. Топнула ногой Неринга: «Погоди, подлый змей! Разделаюсь с тобой, навсегда тебе закажу сюда дорогу! Насыплю запруды из песка и камня и отгороджу Неман от синего моря.

Только подумала так, гнева как не бывало. Тишина у нее на душе, будто раннее солнце над морем взошло. «Так тому и быть!» — решила и помчалась по дюнам в селенье, подняла людей от мала и до велика.

— Все на работу! — словно гром, раздался ее зов, заглушая бурю и свист ветра.

Поднялась Неринга великаном, головой в тучи грозные упирается. Сосны прибрежные ей, как кустарник, по колено. Выросла она за этот единый миг. И закипела в приморье работа. Люди землю копают, валуны перекатывают.

А Неринга набирает в подол пригоршню камней, песку, забредет подальше в море и на дно сыпает. Вот какая богатырская сила проснулась в Неринге!

Двенадцать дней и ночей без сна и отдыха свирепствовал змей морской и с ним его ветры.

Двенадцать дней и ночей, глаз не смыкая, трудилась Неринга, а с ней все рыбаки приморья, огораживая залив, где можно будет без страха рыбачить.

Змей-чудище рыл, грыз, раскидывал запруды из валунов и песка, чтобы, как встарь, ему Неман назад поворачивать, затоплять поля и луга, леса и села.

Нет! Не удалось лютому чудовищу тот вал прорыть, прогрызть, разметать, что Неринга и рыбаки с нею воздвигли! На тринадцатое утро буря прочь унеслась, море утихло, радостно закричали в поднебесье белые чайки. А солнце взошло и удивилось: по морю полоса белого песка пролегла. По одну сторону ее — море Балтийское, а по другую — зеркальный залив, куда Неман могучий впадает. И по дюнам, песчаным перекатам той полосы бредет домой, утомившись от тяжких трудов, рыбацья дочь Неринга. Солнце ее еле узнало. Ведь не видело оно сквозь грозовые тучи двенадцать дней подряд ни земли, ни людей. А на тринадцатое утро, взбираясь на высокий небосвод, озарило оно Нерингу, голову ее, что украшена янтарными косами... И в небе теперь будто целых два солнца зажглось!

— Неринга! — диву далось солнце. — Тебя и не узнать — выросла ты такая большая, что со мной, солнцем, сравнялась!

А Неринга, благодарная солнцу, хотя и усталая, улыбнулась от счастья — и скорее домой!

— Вот уж теперь я большая! — крикнула она, обнимая старую мать.

— А кто говорит?

— Думала я, гадала, как землю нашу — приморье — от набегов лютого змея уберечь. И придумала. Преградили мы путь ему: песчаным валом. А солнце через двенадцать дней на небе появилось, коснулось своими лучами моих янтарных кос и сказало, что я уже большая и чтобы мы, словно подружки, головой к голове припав, вдвоем землю светом озарили!

— Доченька, — сказала ей мать, — выросли твои ноженьки, выросли твои рученьки, чутким стало сердце и разум — светлым. И если солнце сказало, что ты уже ему под стать, то с ним дружи!

И сдружилась рыбацья дочь с солнцем. Рассветет погожее летнее утро — выходит Неринга в белые дюны.

И идут они, как две подружки, по всему взморью с востока на запад. Забредут далеко в море, купаются, резвятся, плавают, и качает синяя волна две большие светлые головы — солнца и Неринги. А потом долго стоит Неринга на вершине дюны, машет рукой, провожает солнце на отдых, в постель из белых облаков. И не знает Неринга ничего лучше дружбы своей с солнцем...

Вскоре разнесся по белу свету слух про чудесную рыбацью дочь

и ее великие дела. И стали к берегу женихи на кораблях причаливать — Нерингу сватать. А она в ответ:

— Я лютое чудище только усмирила, а надо его, девятиглавого злодея, уничтожить, чтобы жилось людям спокойно и счастливо. Кто убьет змея — за того замуж пойду!

Этими словами встречала Неринга каждого нового жениха. Да где им! Не хватает отваги. У женихов сердца — невелички, а Неринга — сама богатырь, и сердце у нее исполинское. Разве малое сердце большому чета? Поднимали опять женихи на кораблях паруса и уплывали восвояси.

Сидит Неринга, призадумавшись, на песчаной дюне, в синюю даль морскую поглядывает, тихо песню поет. И вдруг на краю неба туча всплыла. Думает Неринга: буря подступает. А туча все ближе, все больше разрастается. И превратилась она в огромное судно, и причалил корабль к берегу. Сошел с него стройный синеглазый красавец великан, прямо к Неринге.

У Неринги сердце большое — как встрепенулось, заколотилось, даже за морем люди услышали. «Уж не гром ли это гремит?» — подумали.

А это девичье сердце билось! И еще сильнее забилося, когда приблизился к ней молодой богатырь, поклонился и сказал:

— Я охотник Наглис, пойдешь ли за меня замуж?

— Пойду, — ответила Неринга, а сама зарделась даже. — Только ты убей змея девятиголового!

— Ладно, убью это чудовище, — обещал Наглис.

— Сначала разузнай имя у старого ведуна, который живет за девятью реками, девятью чашами.

— Ладно, разузнаю. Не жить уж на свете лютому чудовищу. Жди меня, милая Неринга, жди! — и поднялся Наглис на корабль, выбрал жорь, поднял парус и поплыл своей дорогой.

А Неринга ждет — тревожится. Найдет ли Наглис старого ведуна? Выведает ли у старика имя змеинное? Вернется ли, как обещал? И прекрасные синие глаза свои не сводила Неринга с далекого горизонта, глядела в морскую даль и вздыхала, и ее большое сердце билось мотучими ударами — даже за морем слышно!

Да разве не сыщет Наглис, удалой богатырь, старого ведуна? На-
ткса хоть на край света пошли — что угодно найдет! Снова сошел
с корабля. Вот он бредет по болотам, через реки шагает, через ле-
са — деревья макушками ему колени задевают, земля под его дере-
вяными башмаками — клумпами — прогибается. Велики башмаки —
каждый словно лодка рыбачья. Набежит в клумпу болотная вода, сни-
жет башмак с ноги Наглис, выплеснет на луг — и там уже озеро пле-
щется или речка бежит. Наберутся в клумпы камни или песок — вы-
теснет их Наглис, и на ровном месте гора вырастает. Вот такие у не-
по башмаки — клумпы. Трудно ли ему в таких за девять чаш, за де-

вать рек пройти? И руки у него — длиною в милю, и ноги в две мили длиной. От таких рук и ног не уйти ни медведю, ни зубру, ни лосю. Вот каков охотник Наглис! Разве не отыскать ему старого ведуна?

Прошел Наглис через девять чаш, через девять рек и нашел старца. А ведун от старости уж позеленел, мхом покрылся, будто пень лесной. Рассказал ему Наглис о своей заботе: старец только головой покачал:

— Не один уж умник тут счастье свое искал — попытай и ты! Лежит в дубе дуплистом палица — дубина, возьми ее, да попробуй трижды вокруг головы своей обкрутить, тогда скажу тебе имя змеинное.

Отчего же не обкрутить той палицы Наглису — удалому охотнику? Поплевал Наглис на ладони, схватил палицу, вскинул и трижды вокруг головы обвел. А в той палице молнии со всего света были. Только Наглис ее в третий раз крутанул, ударила молния в дуб и в прах разбила его — одна горстка пепла осталась.

— Ладно, — сказал старец, — коли таков ты, открою тебе змеинное прозвище. Зовут чудище морское Гальвирдасом. Забирай палицу, ступай на берег, клинки змея трижды по имени и потом руби ему головы — три раза по три, чтобы ни одной не осталось!

Да неужели Наглису не убить девятиголового, если узнал он имя змеинное и в руках у него палица небывалая! Как велел удалцу ведун, так Наглис и сделал. Вышел к морю, трижды крикнул:

— Гальвирдас! Гальвирдас! Гальвирдас! — Заревело море, поднялась вода горой под самое небо, и из той горы морской выплыл заросший тиной, ракушками змей девятиголовый. Выплыл и спросил:

— Кто меня звал?

— Это я, охотник Наглис. Конец твой пришел, злодей! Довольно тебе людей терзать!

Вскипело море, поднялось по самые плечи охотнику. А Наглис размахнулся и трижды, каждый раз по три головы сразу отсек змею. Все девять голов чудищу снес. Покраснело море от змеиной крови, а охотник Наглис, словно гром загремел, рассмеялся, радостно и запел:

Далеко-далеко, линго лия,
Девушка далеко, линго, линго,
Ждет далеко, дауяле леле,
Девушка, дауяле...

Слово дал он — слово верное. Сел Наглис на свой корабль, выбрал якорь, поднял парус. Подул сильный ветер и понес его судно. Весело Наглис плывет, машет рукой белым чайкам, что режут крыльями голубое небо, машет солнцу с лучами-косами — напоминают они ему светлую голову Неринги, янтарные ее косы. И слышит издали, будто гром грохочет. Это бьется большое сердце Неринги. Ждет она своего любимого.

Перевел с литовского И. Капланас

В. Осеева

ВОЛШЕБНАЯ
ИГОЛОЧКА

Жила-была Машенька-рукодельница, и была у нее волшебная иголочка. Сошьет Маша платье — само себя платье стирает и гладит; разошьет скатерть пряниками да конфетами — постелет на стол, и впрямь сладости появляются на столе!

Любила Маша свою иголочку, берегла ее пуще глаза и все-таки не уберегла. Пошла как-то в лес по ягоды и потеряла! Искала, искала, все кустики обошла, всю травку обшарила — нет как нет ее игопочки! Села Машенька под дерево и заплакала.

Пожалел девочку Ежик, вылез из норки и дал ей свою иголку.

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Поблагодарила его Машенька, взяла иголочку, а сама подумала:
«Не такая моя была!»

И снова заплакала.

Увидала ее слезы высокая Сосна — бросила ей свою иголку.

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Взяла Машенька, поклонилась Сосне низко и пошла по лесу. Идет, слезы утирает, а сама думает: «Не такая это иголочка, моя лучше была!»

Вот повстречался ей Шелкопряд, идет — шелки прядет, весь шелковой ниткой обмотался.

— Возьми, Машенька, мой шелковый моточек, может, он тебе пригодится!

Поблагодарила его девочка и спрашивает:

— Шелкопряд, Шелкопряд, ты давно в лесу живешь, давно шелк прядешь, золотые нитки делаешь из шелка, не знаешь ли, где моя иголка?

Задумался Шелкопряд, покачал головой.

— Иголка твоя, Машенька, у Бабы Яги, у Бабы Яги — Костяной ноги. В избушке на курьих ножках. Только нет туда ни пути, ни дорожки! Мудрено достать ее оттуда!

Стала Машенька просить его рассказать, где Баба Яга — Костяная нога живет.

Рассказал ей все Шелкопряд:

— Идти туда надо не за солнцем, а за тучкой,

По крапивке

да по колючкам,

По овражкам

да по болотцу,

До самого старого колодца —

Там и птицы гнезд не вьют,

Одни жабы да змеи живут,

Да стоит избушка на курьих

ножках,

Сама Баба Яга сидит у окошка,

Вышивает себе ковер-самолет.

Горе тому, кто туда пойдет,

Не ходи, Машенька, забудь свою

иголку,

Возьми лучше мой моточек

шелку!

Поклонилась Машенька Шелкопряду в пояс, взяла шелку моточек и пошла.

Страшно Машеньке к Бабе Яге идти, да жалко ей свою иголочку
Вот выбрала она в небе темную тучку.

Повела ее тучка по крапивке
Да по колючкам
До самого старого колодца,
До зеленого мутного болотца,
Туда, где жабы да змеи живут,
Туда, где птицы свои гнезда не
вьют.

Видит Маша избушку на курьих
ножках,
Сама Баба Яга сидит у окошка,
А из трубы торчит совиная
голова...

Увидела Машу страшная Сова, да как заохает, закричит на весь
лес:

— Ох-хо-хо-хо! Кто здесь? Кто здесь?

Испугалась Маша, подкосились у нее ноги от страха. А Сова глазами ворочает, а глаза у нее, как фонари, светятся — один желтый, другой зеленый, все кругом от них желто да зелено!

Видит Машенька, некуда деться ей, поклонилась Сове низко и просит:

— Позволь, Совушка, Бабу Ягу повидать. У меня к ней дело есть!

Засмеялась Сова, заохала, а Баба Яга ей из окошка кричит:

— Сова моя, Совушка, само жаркое нам в печку лезет!

И говорит она девочке так ласково:

— Входи, Машенька, входи!

Подошла Машенька к избушке и видит: одна дверь железным засовом задвинута, на другой — тяжелый замок висит, на третьей — литая цепь.

Бросила ей Сова три перышка.

— Открой, — говорит, — двери да входи поскорей!

Взяла Маша одно перышко, приложила к засову — открылась первая дверь, приложила второе перышко к замку — открылась вторая дверь, приложила она третье перышко к литой цепи — упала цепь на пол, открылась перед ней третья дверь! Вошла Маша в избушку и видит сидит Баба Яга у окошка, нитки на веретено мотает, а на полу ковер лежит, на нем крылья шелком вышиты, и Машина иголочка в недошитое крыло воткнута.

Бросилась Маша к иголочке, а Баба Яга как ударит помелом об пол, как закричит:

— Не трогай мой ковер-самолет! Подмети избу, истопи печку, а вечером я тебя съем!

Машенька Бабе Яге не перечит. Избу подметает, сор собирает.

Улетела Баба Яга, а Машенька схватила иголочку — и ковер дошивать. Шьет-вышивает, головы не поднимает, а Сова ей кричит:

— Девчонка, девчонка, почему из трубы дым не поднимается?

Отвечает ей Машенька:

— Сова моя, Совушка,

Плохо печь разгорается.

А сама дрова кладет, огонь разжигает.

А сова опять:

— Девчонка, девчонка, кипит ли вода в котле?

А Машенька ей отвечает:

— Не кипит вода в котле,

Стоит котел на столе.

А сама ставит на огонь котел с водой и опять за работу садится. Шьет Машенька, шьет, так и бегаёт иголочка по ковру, а Сова опять кричит:

— Топи печку, я есть хочу!

Подложила Маша дров, пошел дым к Сове. Вода в котле закипела.

— Девчонка, девчонка, — кричит Сова, — садись в горшок, накройся крышкой и полезай в печь!

А Маша и говорит:

— Я бы рада тебе, Совушка, угодить, да в горшке воды нет!

А сама все шьет и шьет.

Вынула у себя Сова перышки и бросила ей в окошко.

— На, открой двери, сходи за водой, да смотри, коль увижу, что ты бежать собираешься, кликну Бабу Ягу, она тебя живо догонит!

Машенька говорит:

— Сова моя, Совушка, сойди в избу, да покажи, как надо в горшок садиться, как крышкой накрыться!

Рассердилась Сова да как прыгнет в трубу и сама в котел угодила! Задвинула Маша заслонку, а сама села ковер дошивать. Вдруг задрожала земля, зашумело все вокруг, вырвалась у Маши из рук иголочка и тихонько так Машеньке говорит:

— Бери ковер-самолет,

Бедя на нас идет:

Схватила Машенька ковер-самолет, открыла совиными перышками двери и побежала. Прибежала в лес, села под сосной ковер дошивать. Белеет в руках проворная иголочка, блестит-переливается шелковым моточек ниток, совсем немножко остается дошить Маше.

А Баба Яга вскочила в избушку, потянула носом воздух и кричит:

— Сова моя, Совушка,

Где ты гуляешь,

Почему меня не встречаешь?

Вытащила она из печки котел. Съела она всю похлебку до самого донышка, глядит, а на донышке совиные перышки! Глянула вокруг, а ковра-то нет! Догадалась она тут, в чем дело, затряслась от злости.

— Я тебя! Я тебя!

За Совушку-Сову
В клочки разорву!

Вскочила на помело и взвилась на воздух, летит, сама себя веником погоняет.

А Машенька под сосной сидит, шьет — торопится, совсем немного ей осталось. Спрашивает она Сосну высокую:

— Сосна моя милая,
Далеко ли еще Баба Яга?

Отвечает ей Сосна:

— Пролетела Баба Яга зеленые луга,
Помелом взмахнула, на лес повернула...

Еще пуще торопится Машенька, уж последний стежок ей остался, да нечем дошить, кончились у нее нитки шелковые. Заплакала Машенька, вдруг откуда ни возьмись Шелкопряд:

— Не плачь, Маша, на тебе шелку,
Вдень мою нитку в иголку!

Взяла Маша нитку и опять шьет... Вдруг закачались деревья, поднялась дыбом трава, налетела Баба Яга как вихрь! Да не успела она на землю спуститься, как подставила ей Сосна свои ветки, запуталась она в них и прямо около Маши на землю упала!

А уж Машенька последний стежок дошила и ковер-самолет расстелила, только сесть на него остается.

А Баба Яга уже с земли поднимается. Бросила в нее Маша ежину иголку, прибежал старый Еж, кинулся к Бабе Яге в ноги, колет ее своими иголками, не дает с земли встать, а Машенька тем временем на ковер вскочила, взвился ковер-самолет под самые облака и в одну секунду домчал Машеньку домой! Стала жить она, поживать, шить-вышивать людям на пользу, себе на радость, а иголочку свою берегла пуще глаза! А Бабу Ягу затолкали ежи в болото, там она и затонула на веки вечные.

С. Тогореловский

ЭТА СКАЗКА
ДЛЯ РЕБЯТ
ПРО КИТА
И ЛЕНИНГРАД

В

от беда!

Беда и горе!

Потерял китенок мать.
Ищет-рыщет в синем море,
Но не может отыскать.

Да, по счастью, мимо шел
Теплоход наш—«Комсомол».

— Эй, давай сюда, китишка
Получай-ка имя Тишка
И плыви за нами, брат,
В славный город Ленинград!

* * *

Наш сиротка рад стараться,
Подрастает не спеша.
Полюбили ленинградцы
Великана-малыша.

Он полощется в Фонтанке,
Как ребеночек в лоханке.

Он резвится у крыльца
Пионерского дворца.

Чтобы он, младенец шустрый,
Был и весел и здоров,
Днем и ночью на дежурстве
Двести двадцать докторов.

Чтобы сытым был ребенок,
Чтобы рос, не зная бед,
Триста тридцать пятитонк
Возят малому обед.

Вот пожарная часть
Свой насос включает,
Сосунку прямо в пасть
Молоко качает.

— Пососи-ка молочка!
Замори-ка червячка!..

Закусил молокосос
Славно, честь по чести,
Да вдобавок и насос
Съел с кишкою вместе.

* * *

Что же стало потом?
Стал китенок китом,
Стал китищем, сильным очень.
Не видал такого свет!
Отчего же озабочен,
Опечален Ленсовет?

Есть причина, стало быть:
Поступили жалобы.

Пишет, например,
Один пенсионер:
«Я удил недавно щук,
Да спугнул их Тишка вдруг:
По воде хвостиком хватать —
Силу некуда девать!

Неплохо он упитан,
Да плохо он воспитан!»

«Прическу мне обрызгал кит, —
Особа юная скорбит. —
Увы! Из-за кита
Погибла красота!»

Со всех сторон приходят жалобы.
Заняться Тишкой не мешало бы!

* * *

И сказали мы киту:
— Ну так вот, имей в виду,
Намотай на ус китовый:
Привыкать пора к труду!

Привыкай, да помни, братец:
Кто такой ты? Ленинградец.
Вот ты кто!
Ну как, малыш,
Город свой не посрамишь?

* * *

Кит работает буксиром —
Сто плотов ему по силам.
А еще он водолаз,
Поднял нам со дна баркас.

А еще он поливалка,
И воды ему не жалко;
Ишь дает фонтан какой
Над Фонтанкою-рекой!

По каналам проплывает,
Мостовую поливает.
Чистота! Красота!
Всем такого бы кита!

* * *

Мост — в ремонте.
Нет пути,
Ни проехать, ни пройти.

Но вопрос решился просто:
Тишка живо тут как тут,
И по Тишке, как по мосту,
Люди едут и идут.

А на днях пожар случился —
Тишка снова отличился:
Дал фонтан что было сил —
Мигом пламя погасил!

Пишут граждане опять,
Но уже не жалобы:
«Торт «Мечта» в награду дать
Тишке не мешало бы!»

* * *

Острова. Денек чудесный.
Валом в парк валит народ.
Для него концерт воскресный
Филармония дает.
Тишка слушает вздыхая.
Чудо — музыка такая!

То парит она, как птица,
То бушует как гроза.
Тишка слушает...
Катится
По щеке его слеза.
У него, у малыша,
Музыкальная душа.

* * *

Праздник майский в Ленинграде.
Флот Балтийский
На параде.
Флаги слева,
Флаги справа,
Над домами, над Невой.
Как хорош ты,
Город славы
Боевой и трудовой!

На Неве волну вздымая,
Кто плывет на праздник Мая?
Это он плывет-спешит,
Чудо-юдо рыба кит!

Он катает ленинградцев —
Сразу тысячу ребят.
Хочешь с ними покататься?
Приезжай к нам в Ленинград!

С. ИВАНЗНКО

БЕЛОЧКА- ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Белочка родилась в конце лета. Она была слепая и голая. Старшие братья и сестры, пробега мимо родного гнезда, презрительно посмотрели на нее и отвернулись: она им не понравилась.

— Это ничего, — сказала белка-мать, — и вы были когда-то такие же, а теперь посмотрите: у вас пушистые хвосты и ушки с кисточками.

И верно: спустя некоторое время белочка покрылась пушистой шерсткой и открыла свои ореховые глазки, — они и в самом деле были похожи на орешки: такие же

маленькие и такого же цвета. Но как только белочка огляделась, глаза ее сразу широко раскрылись и стали как большие орехи, потому что вокруг было очень интересно и белочке хотелось все поскорей разглядеть. Белочка высунула из гнезда острую, любопытную мордочку, повела ушами и спросила у матери:

— А что это такое?

— Это старая ель; мы будем жить тут зимой. Это хорошая старая ель, на ней много вкусных шишек; в ее большом дупле будет наша квартира.

— А это что?

— Это летают птицы. Они, правда, любят поболтать, особенно по утрам и вечерам, но вреда нам не приносят.

— А это?

— Там внизу, между деревьями? О, этого зверя берегись! Это лиса. Она хитрее всех в лесу и может всех съесть. Но ты не бойся. Скоро вырастет у тебя хвост, окрепнут лапы, я научу тебя прыгать по деревьям, и тебя никто не поймает.

Белочка с завистью смотрела на своих братьев и сестер — как ловко они прыгают. Их будто ветер перебрасывает с елки на елку. Они прыгают по всему лесу и приносят младшей сестренке красные, крепкие ягоды, белые грибы и орехи. Только уж очень хвастают, что они такие большие.

«Вот если б и я умела прыгать и бегать, — думала белочка, — я бы их всех обогнала. Я забежала бы далеко-далеко, на край леса».

Наконец у нее окрепли лапки. И хвостик стал пушистым. Она махала им перед мордочкой, как веером. А на ушках у нее выросли кисточки, узкие и острые. Мать стала учить ее лазить и прыгать по деревьям.

— Хорошо, что подросла наша белочка, — сказала старая белка. — У нас теперь много работы. Надо собирать запасы на зиму, и ты, белочка, будешь нам помогать. Только не забегай далеко. Дальше дуба и ели не ходи.

Каждый день теперь вся беличья семья разбегалась по лесу и приносила в дупло старой ели орехи, грибы, шишки.

Когда впервые маленькая белочка вышла со всеми на работу, было чудесное утро. Лес стоял расцвеченный, яркий. Желтые, красные, коричневые листья разукрасили деревья. Наступили первые осенние дни. Небо было синее-синее, и в воздухе летала кисейная паутина. Пауки ткали ее, а она рвалась и летела по ветру.

«Я побегу далеко-далеко! — решила белочка. — Вовсе неинтересно прыгать все время подле старого дуба и ели».

Ей все здесь было давно знакомо. Сколько раз слышала она, о чем шепчет дуб, когда ветер шелестит его листьями, видела, как старая ель шевелит мохнатыми ветвями.

И белочка побежала. Навстречу ей летели веселые, говорливые

птицы, разные жуки и стрекозы. Все были заняты, все спешили так же, как и она.

— Ой, грибное место! — закричала белочка, увидев зеленую полянку, на которой росло много-много грибов.

Она кинулась их собирать.

— С-ш-ш-ш-ш... — вдруг услышала она страшное шипение.

Белочка обернулась и увидела: ползет к ней длинное, тонкое, скользкое дерево без веток и листьев. Это была гадюка. Белочка не знала этого, но испугалась. Она никогда не видела, чтобы деревья ползали. Что есть силы прыгнула она наверх.

«Побегу лучше домой», — решила она и помчалась назад. Но перед ней мелькали незнакомые места. Верно, она перепутала верхушки деревьев, по которым прыгала, и заблудилась.

— Дук, дук! — закричала белочка, но никто — ни мама, ни папа ни братья, ни сестры — не услышали ее: она ведь была далеко от дома.

Наступал вечер. Внизу, прижав уши, прошмыгнул испуганный серый заяц.

— Заинька, — окликнула его белочка, — не знаешь ли ты, как пройти к старой ели?

Заяц на миг остановился.

— К старой ели? Много здесь старых елей. Нет, не знаю. Ты уж лучше сиди наверху: здесь бегают хитрая рыжая лисица, и одноглазый старый волк вышел на прогулку.

И лисица и волк! Это очень страшно. Лучше уж переночевать здесь, а утром можно будет легче отыскать родную ель.

На широкой ветке белочка увидела большое гнездо. Недолго думая, белочка улеглась спать в гнезде. Гнездо было выстлано мхом, и спать в нем было очень удобно.

Ночь прошла спокойно. Но как только стало светать, хозяйка гнезда, ворчунья-сова, вернулась после ночной охоты домой. Она замахала крыльями над белочкой.

— Ах, злодейка! Куда ты залезла? Я тебе глаза выключю!

Белочка вскочила как ужаленная и стремглав бросилась из гнезда на другое дерево. Но там ждала её новая беда: хитрые глаза куницы следили за ней.

Белочка прыгнула и очутилась на берегу озера. Куница ринулась за ней. Бежать белочке было некуда, и плавать она не умела.

Вдруг видит она — плывет большой кусок березовой коры. Белочка прыгнула на него, расправила, как парус, свой рыжий хвостик, и ветер погнал беленький челнок к другому берегу.

«Теперь я еще дальше от моих родных», — грустно подумала белочка.

И хотя на другом берегу был такой же красивый лес, но ей казалось, что все здесь хуже, чем дома.

С каждым днем становилось холоднее. С деревьев падали листья. Птицы собирались большими стаями и звонко прощались с родными лесами, полями. Они улетали далеко, в теплые страны.

Белочка приютилась в дупле дрожащей осины.

Дупло было маленькое, уютное, часто по ночам шел дождь, и белочка промокала до костей. Белочка очень грустила. Она расспрашивала всех, как переправиться на другой берег и найти старую ель.

— Я перенесла бы тебя на крыльях, — сказала какая-то добрая птица, — но боюсь, что ты сломаешь их.

— Я проводил бы тебя, — сказал рассудительный крот, — но мне некогда: я строю к зиме новое помещение под землей.

— Я бы вообще советовал тебе не волноваться понапрасну, — сказал хозяйственный еж, — лучше подумай о зиме. Этак ты и своих не найдешь, и себе ничего не приготовишь. Вот и замерзнешь, когда наступят морозы.

— Я не хочу жить одна! Мне так грустно! — вздохнула белочка.

— Ну, тогда иди жить ко мне, — сказал еж, — только, конечно, тебе придется делать все, что я прикажу. Вот теперь я готовлю квартиру на зиму. Пойдем, я тебе покажу, какая нужна мне работа.

Они подошли к груде сухих опавших листьев. Еж стал кататься по листьям, и они накалывались на его иголки. Это было очень смешно. Листья торчали во все стороны, и казалось, будто куча листьев сама ползет по дорожке.

Белочка не выдержала и засмеялась.

— Что же тут смешного? — рассердился еж. — Накалывай и ты листья.

Но сколько белочка ни каталась по земле, листья к ней не приставали. Еж рассердился и прогнал ее.

Белочке стало еще грустнее. Она боялась отходить от своей осины. Маленькая и глупенькая, она легко могла снова заблудиться.

Что оставалось делать? Пришлось белочке хоть чем-нибудь запастись на зиму. Она набрала орехов, шишек, сухих ягод, грибов.

А дни шли. Короткие дни, а ночи длинные, холодные. Часто дул сердитый ветер, шел дождь, а потом с хмурого неба стало падать что-то белое, пушистое, и холодное.

— Снег! Снег! — закричали снегири — они улетали на зиму в теплые страны.

Белочка лежала, съевшись, в дупле. Ей было очень холодно.

Вдруг в дупло просунулась белая ушастая мордочка.

— Здравствуй! А я все-таки нашел твою старую ель. Там твои родные плачут по тебе. Скорее бежим к ним! Озеро уже замерзло, мы пройдем напрямик.

Это был тот самый заяц, с которым белочка когда-то разговаривала.

— Я не узнала тебя сразу, — сказала она, — ты был серый, а теперь белый.

— Это я нарочно, — сказал заяц и хитро скосил глаза. — Не так легко теперь заметить меня на снегу. Ну, идем скорее!

Белочка так обрадовалась! Вы даже представить себе не можете, как она обрадовалась.

— Я хочу отнести домой мои орехи и ягоды, — сказала она.

Заяц подумал немного и ответил:

— Ладно, мы сделаем вот что: ты садись ко мне на спину и бери в лапки свои гостинцы, а я мигом домчу тебя домой.

Так они и сделали. Заяц как поскачет по лесу! А белочка сидела у него на спине и крепко держала в лапках орешки и ягоды.

Около старой ели уже ждали белочку отец, и мать, и братья, и сестры, и вся беличья родня. И старый дуб шептал ей что-то хорошее, и большая ель словно хотела обнять маленькую путешественницу мохнатыми лапами.

Но путешественница была уже не маленькая. Она стала взрослой и умной белкой. Теперь она знает весь лес не хуже своих старших сестер и братьев и никогда уже не заблудится в нем.

Ю. Мумин

СЛОН
И ЛАВОЧНИК

В

индийском
городе одном —

Пенджабе иль Кашмире —
Дружил погонщик со слоном,
И оба жили в мире.

Ценим в народе был тот слон
За ум свой и повадки.
Таскать кирпич и бревна он
Любил на стройплощадке.

Слон на работу, как гора,
Шагал — так был велик он!
Вокруг сбегалась детвора
К нему с веселым криком.

А слон приветственно трубил
И падал на колени...
Работал он или шутил —
Ни в чем не знал он лени!

В обед, когда полдневный зной
Подобен был пожару,

Слон шествовал на водопой
По людному базару.

Завидит в лавке сахар слон,
Отстанет на минутку,
И лавочнику вдруг поклон
Отвесит, словно в шутку.

Ему давали леденцов,
Халвою угощали.
Так развлекал он продавцов,
С ним люди не скучали!

Зеваки шумною толпой
Шли за слоном, бывало.
Кипел вокруг людской прибой,
Торговля оживала.

Там громко брякали весы,
Все что-то покупали...
Зато в безлюдные часы
Все лавочники спали.

Был всем, кто дожил до седин,
Знаком тот слон бывалый.
Вдруг объявился здесь один
Скупой и хитрый малый.

Открыл он лавочку сластей —
Халвы, рахат-лукума —
И стал всех взрослых и детей
Обвешивать средь шума.

Пройдет ли слон на водопой,
И на скупого глянет —
Косился в сторону скупой
И делал вид, что занят

Один раз слон, замедлив шаг,
Вблизи остановился.
Остановился просто так,
А тот вдруг разозлился.

И руку протянул с иглой —
Мол, вот тебе конфетка!

Об этом малом, что он злой,
Давно судили метко.

Попятился от боли слон,
Мотая головою,
И не издав ни звука, он
Потопал к водопою.

Погонщик закричал: — Мой слон! —
Заплакав от обиды.
И был, конечно, возмущен
Народ, выдавший виды.

Сжимали люди кулаки:
Как наказать скупого?
А слон обратно от реки
К ларьку шагает снова.

И не дойдя шагов на пять,
Средь площади базарной
Стал слон злодея поливать,
Как из кишки пожарной!

От смеха площадь ожила!
О, сколько было шума,
Когда слезами потекла
Гора рахат-лукума!

Так отомстил злодею слон,
Любимец детворы...

Злодей же смылся — носа он
Не кажет с той поры!

Перевел с узбекского Юрий Коринец

С. Жемайтис

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАКАРА ПЕРЫШКИНА В ПОДВОДНОМ ЦАРСТВЕ

Н

а первом уроке учитель велел Макару Перышкину выйти из класса. Макар уселся в коридоре на подоконник возле аквариума и по обыкновению начал оправдываться перед самим собой. И оказалась, что Макар совсем не виноват, что сорока, которую он принес в класс, совершенно случайно вылетела у него из портфеля.

«Подумаешь, сорока. Вот если бы я орла в классе выпустил, тогда другое дело», — заключил Макар свои размышления и по-

грузился в мечту о том времени, когда он не будет ходить в школу.

«Я опущусь на дно морское, я поднимусь под облака, — расхвастался Макар, как услышал знакомые шаги. Выглянул из-за фикуса, да это шла его бабушка. Макар посмотрел в другую сторону и почувствовал, как у него оборвалось сердце и отчаянно забилося в животе: от туда шел директор школы.

— Пропал! Взяли в железное кольцо! — простонал Макар и вдруг услышал тоненький голосок:

— Не падай духом. Прыгай в аквариум.

Макар оглянулся и увидел, что из воды на него смотрит черноглазая золотая рыбка. Эту рыбку он вырастил из крохотного малька.

Макар, не раздумывая, сунул голову в аквариум. Он готов был сейчас провалиться сквозь землю, он прыгнул бы в огонь, в пропасть!

Из классов лавиной хлынули ребята. Человек десять мальчишек и девочек замерли возле аквариума, где, так же пораженные, стояли бабушка Макара и директор школы. Все они, не веря своим глазам, наблюдали, как в аквариуме медленно исчезают чьи-то ноги, обутые в ботинки со стоптанными каблуками. Окруженный волшебным голубым светом, Макар медленно спускался на дно. Вокруг него проплывали рыбы невероятной величины, стайки мальков с любопытством разглядывали его. Раз он повис было на колючей зеленой водоросли, и тут какой-то нахальный малек укусил его за палец.

Наконец ноги Макара мягко коснулись дна. Он стоял на золотой поляне возле холма, недалеко зеленел подводный лес. Макар заметил, что на листьях одного из растений лежали огромные бриллиантовые шары. Время от времени один из шаров с легким треском отрывался и улетал куда-то в высоту. Из лесу показалась рыба величиной с подводную лодку.

Чудовище остановилось недалеко. От страха Макар стал подкапываться было под камень, как услышал знакомый голос.

— Макар, Макар! Где ты, это я, золотая рыбка! Ты извини меня, Макар, я немножко перестаралась. Мне надо было уменьшить тебя всего в десять тысяч раз, а я уменьшила — в сто тысяч раз. Но это ничего, у нас есть народ и поменьше. Здесь, наконец, исполнятся все твои желания, ты можешь охотиться в непроходимых зарослях на кроважадных водяных блох или можешь отправляться путешествовать. Юго-западная часть нашего моря совсем еще не изучена. В часы отдыха тебя ждут интересные беседы с математиком-мотылем, мудрой катушкой, ручейником-домоседом или жуком-ботаником. Вообще у нас много интересного народа. Ну, счастливо оставаться! — Рыбка вильнула хвостом, Макар закрутился в водовороте, а когда все утихло, позади кто-то захихикал. Макар оглянулся. Недалеке стояло чудовище, похожее на дракона, и пристально смотрело на него.

— Не бойся, — медленно шевеля губами, сказала чудовище. — Я мотыль, про меня говорила тебе Золотая рыбка.

Слова добродушного мотыля мало успокоили Макара, он зашел за камень и оттуда с опаской следил за мотылем.

Мотыль оказался очень разговорчивым, он долго рассказывал о себе и о своем семействе, о том, что он пуще всего на свете любит решать задачи и разгадывать головоломки.

Макар перебил его и спросил, не знает ли он, каким путем выбраться на поверхность.

— Что ж, я покажу тебе дорогу, но ты сначала реши мне такую задачу: «На раковине лежит пять водяных блох, раздели их между пятью карпами да так, чтобы одна блоха еще на раковине осталась».

Наслаждаясь смущением Макара, Мотыль захохотал.

— Ну, ну, — стонал он от хохота, — задача-то проще рыбьей чешуи.

Макар стал думать изо всех сил. Ему показалось, что у него даже в голове что-то поскрипывает от напряжения, но все было тщетно. Макар не привык думать. «Эх, где теперь ребята из математического кружка», — с грустью вспомнил Макар. Вдруг все его внимание привлек сом необыкновенных размеров: раскрыв зубастую пасть, разбойник мчался прямо на Макара.

Когда сом промчался мимо, то вместо мотыля осталось лишь небольшое песчаное облачко.

— Прекрасно, — раздался чей-то злорадный голос, — наконец-то этот болтун получил по заслугам.

Макар понял, что говорит катушка, которую он принял за холм. Из-под раковины выглядывала рогатая, как у улитки, голова.

— Вечно мотыль кичился своими знаниями, — продолжала катушка, — этот простофиля думал, что умнее его нет никого на свете. — Мне золотая рыбка о тебе как-то рассказывала. Если я не ошибаюсь, ты учишься в четвертом классе?

— Да учусь... учился, — с грустью поправился Макар.

— Ого! Да ты, я вижу, ученый человек! Да, кстати, скажи мне, что такое имя существительное: рыба это или брюхоногий моллюск?

— Моллюск... — ляпнул Макар.

— Как приятно поговорить с образованным существом. Я очень довольна, очень!

— Мудрая катушка, не поможете ли вы мне выбраться на поверхность?

Катушка удивилась:

— Зачем это? Ведь у нас так прекрасно, такая теплая вода и столько вкусной пищи! Живи пока живется да приходи ко мне почаще поговорить об умных вещах. Ну, а сейчас я вздремну. Меня очень утомляют ученые разговоры...

Долго ходил Макар по дну и не переставал удивляться тому, что вокруг так много непонятного. Так как Макар теперь был очень маленький, он разглядел таких крохотных животных, о которых прежде и понятия не имел. Одни из них были похожи на звезды, другие на ежей, третьи на кубики. Попадались какие-то зверюшки в виде точек, запятых, а одна очень напоминала двойку, нарисованную красными чернилами.

Макара окликнул ручейник, которого ребята привезли из пионерских лагерей. Ручейник, похожий на бревно, кряхтел и неуклюже шевелился.

— Молодой человек, — позвал ручейник, — не принесешь ли ты немного каолиновой глины. Понимаешь ли, я строю дом и мне надо щели замазывать.

— Каолиновой глины? Что это за глина?

— Не знаешь? — удивился ручейник. — Ну тогда иди, иди своей дорогой, мне некогда время попусту тратить.

Чем дальше шел Макар, тем больше встречал непонятных вещей. Он не знал, какие минералы лежат у него под ногами, какие животные проплывают под носом. Особенно поразила Макара встреча с жуком-плавунцом. Жук сидел на опушке леса и в лупу рассматривал какие-то крохотные растения. Это оказался удивительно ученый ботаник: каждое растение он называл мудреными латинскими именами.

— А вы тоже ботаник или ихтиолог? — вежливо спросил жук, рассматривая Макара в лупу.

— Нет, я охотник, — поспешил ответить Макар, и чтобы не выдать свое невежество, направился прочь от жука.

Едва он прошел с полсотни шагов, как наткнулся на стадо блох. Плохо бы пришлось Макару, если бы у него не было ремня с пряжкой. И хотя он в драке получил множество ушибов, блохи пострадали гораздо сильнее и в панике отступили.

Эта первая победа в подводном царстве очень обрадовала Макара. Он присел на камешек и так задумался, строя планы освобождения из подводного мира, что вначале не заметил, как возле него появился паук. Паук лег брюхом на сверкающий шар и, держась за него, помчался вверх, где между ветвей красовался его воздушный дворец.

— Батюшки! И простофиля же я! — воскликнул Макар. — Да ведь это кислородные пузырьки на листьях элодеи! — Макар ясно-преясно вспомнил слова учителя. Это было на одном из редких уроков, когда он внимательно слушал.

Теперь Макар был уверен, что сможет выбраться из аквариума. Он направился к ближайшему листу элодеи и стал вспоминать все, что узнал в школе, и, как только ему удавалось что-нибудь припомнить, он с восторгом заметил, что снова начинает расти. Макар принялся собирать бриллиантовые шары с листьев элодеи и связывать их тонкими водорослями. Набралась гирлянда не хуже, чем у продавца воздушных шаров.

Шары помчали Макара вверх. Снова на него с любопытством смотрели мальки, но ни один из них уже не решался укунить Макара. Недалеке проплыла золотая рыбка, и Макару показалось, что она помахала ему плавниками. Макар тоже послал ей приветствие рукой.

Воздушные шары с плеском вынесли Макара на водную поверхность. Поток воздуха увлек шары в приоткрытую дверь, и Макар узнал, что снова находится в своем классе. Летая над головами товарищей, Макар понял, что все они чем-то очень расстроены. Макар прислушался и услышал, что говорят о нем и почему-то вспоминают только одно хорошее. Вот встал Костя Шабаршин и рассказал, как Макар летом спас утопающего щенка и с каким трудом вырастил золотую рыбку для школьного аквариума.

— Да, жаль, — сказал учитель, — парень он был очень хороший и мог бы учиться отлично.

Хорошие слова товарищей и учителя не прошли для Макара даром, он продолжал расти и в конце концов стал таким тяжелым, что опустился прямо на свою парту и в мгновение ока превратился в прежнего Макара.

Первым заметила Макара его соседка по парте Поля Иванова.

— Макар! — крикнула она. — Ребята, Макар появился!

— Тише! Не волноваться! — сказал учитель, а сам от волнения обмакнул карандаш в чернильницу.

Когда ребята немного успокоились, учитель сделал выговор Макару за то, что он без разрешения вошел в класс.

Макар хотел было рассказать все, как было, но, увидев, что на доске условие новой задачи, извинился и стал старательно переписывать, решив про себя, что о своих приключениях он расскажет ребятам на большой перемене.

Ю. Коринец

КОЛЕСО

ам эту сказку не спеша
Писал я много дней.
Плоха она иль хороша —
Со стороны видней.

Одно лишь я хочу сказать:
Конца у сказки нет.
Ее мы сможем продолжать
И через двести лет.

Но это в будущем.
Пока
Начнем ее издалека.

1

Земля вертелась.
Время шло.
Стояло на земле село.

Окружено лесами,
Отражено в воде —

Угадывайте сами,
В каком году и где.

Крестьяне лес под пашню жгли
И с неводом рыбачить шли.
И вековал в селе свой век
Один безвестный человек.

С дубовою рогатиной
Ходил он на медведей
И свежей медвежатиной
Одаривал соседей.

Он был большого роста
И одевался просто:
Ходил в дерюге и лаптях,
С тесьмою в спутанных кудрях.

Ножом из лыка и доски
Он ловко резал туески,
Плел сети,
Сапоги тачал —
В своей избе он не скучал!

Мешки с пшеницей волочил
Он как-то по дороге.
Совсем он выбился из сил,
Подкашивались ноги.

Повозкою в те времена
Служили людям два бревна:
На бревнах кладь крепили
И по земле тащили.

Вдруг на окраине села
Завяз мужик — ни с места!
Пора осенняя была,
Грязища, словно тесто.

Не удивительно застрять
На такой дороге.
Сказал бедняк: — Эх, кабы кладь
Свои имела ноги! —

Мешки до дому кое-как
Стаскал он на горбу.
Сел и задумался бедняк,
Как побороть судьбу?

И сам себе решил помочь —
Взялся за дело в ту же ночь.
Окошко на краю села
Светилось до рассвета.
Шептались на селе: — Дела!
Не колдовство ли это?

Снаружи кто-то увидал в окне,
Как человек
Березу гнул
На медленном огне...

Соседям низенькую дверь
Он отворил весной.
Сказал соседям он: — Теперь
Пожалуйте за мной!

И были все удивлены:
Загородив оконце,
Стояло что-то у стены,
Похожее
На солнце!

Сказали мужики: — Хитро! —
А мастер на пороге
Поставил солнце на ребро.
— А ну-ка, прочь с дороги! —
И выпустил его из рук.

Вперед оно рванулось вдруг,
С крылечка простучало
И, взламывая в лужах лед,
По улице помчалось.

— Вот это да! — шумел народ.
И стали люди грузы все
С тех пор возить
На колесе.

Богатый золото возил,
А бедный — что ни шло.
Что б человек ни погрузил,
Все колесо везло.

Со дня рождения оно
Трудилось, как умело.
Сперва без помощи, одно,
Под тачкою кряхтело.

Вертелось долго бобылем,
Но срок настал жениться:
Колеса стали жить вдвоем
В тяжелой колеснице.

Как водится на свете,
Пошли у них и дети,
И вскоре
Четверо колес
Поддерживали целый воз!

Любой они таскали груз:
Легко несли дубовый брус,
Муку пушистую в мешках,
Смолу в бочонках,
Мех в тюках.

Везли заморские шелка
И мрамор для дворцов.
Скрипя, везли издалика
Неведомых купцов.

Да мало ль что везли они!
Опишешь все едва ли.
Вертелись весело они
И песню напевали:
— День да ночь —
Сутки прочь!
Мы всегда в дороге.

Мы бредем
За конем,
Даром что безноги.

Заклубится пыль столбом,
Как с горы поскачем!
А как на гору пойдём,
Тоже не заплачем.

День да ночь —
Сутки прочь!
Мы всегда в дороге.
Мы бредём
За конём,
Ни на шаг не отстаём.

2

Земля вертелась.
Время шло.
Стояло на земле село.
А где — в середине ль, с краю, —
Того я сам не знаю.

Крестьяне, жители села,
Справляли разные дела:
Пасли коней в округе,
Гоняли в речке струги.

И вековал в селе свой век
Один веселый человек.

Чуть свет он с песнями вставал
Два жбана взвару выпивал,
Пыхтя, с крыльца спускался,
За дело принимался.

Хоть был он толст и лысоват,
Зато был мастер нарасхват!

Все делал этот человек:
Строгал оглобли для телег,
Ковал для ведер дужки,
Выпиливал игрушки.

Однажды он в телегу сел —
К соседу съездить захотел.

Пора осенняя была,
Неделю с неба лило.

Неподалеку от села
Дорогу затопило.

Напрасно мастер дотемна
Искал на речке броду:
Куда ни сунься — глубина
И нет колесам ходу.

Они по мокрому песку
Трусливо закрипели
И вдруг сказали седоку:
— Ты что же, в самом деле,
В реке решил нас утопить?
Не станем мы тебе служить!

— Пойдите, — отвечал седок, —
Скажу не ради шуток:
В воде вы сами, дайте срок,
Заплещетесь, как утки!..

В избушке на краю села
Не гас ночами свет.
Кричат соседи: — Как дела?
Эй, отопри, сосед!

Но человек не отвечал,
Лишь молотком сильней стучал.
Решил молчать и не спешить,
Чтобы людей не насмешить.

Оно, конечно, спору нет —
Пришлось тут повозиться.
Но ведь не даром с детских лет
Привык мужик трудиться!
Пока работал человек —
Листва в саду опала.
Засыпал всю избушку снег —
Одна труба торчала.

Трещал за окнами мороз,
Гудела вьюга в печке...
Однажды
С парюю колес
Спустился мастер к речке.

Под старой иврю, в тени,
Вошли колеса в реку.
И с этих пор в воде они
Служили человеку:

На поле воду из реки
Ковшами поднимали.
Вертели ткацкие станки,
По волнам лодку гнали.

Колеса,
Что ни попроси,
Охотно исполняли.
Они вертелись на оси
И песню напевали:
— Беспокойный мы народ,
Мы спешим, спешим вперед!
Нет преграды нам нигде:
Ни на суше,
Ни в воде!
Мы рабочие колеса:
Мелем жито,
Рушим просо.
Все мы можем,
Хоть безруки!

Мы
Вовек
Не знали
Скуки!

3

Земля вертелась.
Время шло.
Стояло на земле село.

Не первое на свете,
А в нашей сказке — третье.

Тащились мимо по реке
Баржи и пароходы.
Большие трубы вдалеке
Курились над заводом.

Вставали жители села
И принимались за дела:
В порту мешки грузили,
На фабрику спешили.

И вековал в селе свой век
Щеголеватый человек.

Ходил он важный, что твой туз,
Носил начищенный картуз
И плисовые брюки.

Был с бородой окладистой,
Но парень был покладистый
И золотые руки.

Из трубочки дымит себе,
Бывало, спозаранку,
Крепит соседу на избе
Крылатую ветрянку.

То просто чинит таз худой
Кому-нибудь за так...
Работой самую простой
Не брезговал чужаки!

Зато и добряком прослыл
Во всем честном народе...
Однажды он по речке плыл
На старом пароходе.

Был пароход похож на дом
С трубой, торчащей косо.
Вертелись по бокам ребром
Огромные колеса.

А мастер с мостика вперед
Смотрел нетерпеливо
Сказал он: — Ну-ка, полный ход!
Что вертитесь лениво?

Колеса застонали:
— Хозяин, мы устали!

— А мне ползти какая статья?
Вот я заставляю вас
Летать!..

Летать заставить колесо —
Не в чугуна сварить яйцо!

Шло помаленьку дело,
Но к сроку все поспело.

Дивятся люди — чудеса!
Перед избой
С разбега
Взлетает прямо в небеса
Крылатая телега!

На крыльях колесо поет,
Дрожа от возбужденья.
Так первый в мире самолет
Справлял свой день рожденья.

А мастер молвил: — Над селом
Ты кружишься, как птица!
Но видишь поле под крылом?
Пора нам приземлиться.

А колесо сказало: — Ну!
Взлетели, да и все?
Уж коль лететь, так на Луну! —
Взревело.

Сказал хозяин: — Что с тобой?
Иль не довольно ты судьбой?

Тебе сердиться нет причин,
А плакать и подавно:
Ты стало в корпусе машин
Деталью самой главной!

В часах ты вертишься давно,
Отсчитывая годы.
Ты мелешь в жерновах зерно
И движешь пароходы.

Ты в шахтах поднимаешь клеть,
В турбинах ты вертишься.
И чтобы на Луну лететь,
Ты тоже пригодишься.

Когда летать я захочу
В пространстве безвоздушном,
Тебя с собой я захвачу,
Коль будешь ты послушным...

*

Друзья!
Немало довелось
Мне странствовать по свету,
Я от вертящихся колес
Услышал сказку эту.
А от себя хочу сказать:
Ее ты можешь продолжать.
У этой сказки нет конца,
Как нет конца
У колеса.

К. Булычев

ДЕВОЧКА,
С КОТОРОЙ
НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

(Фантастическая
сказка)

А

лиса не спит. Деся-
тый час, а она не
спит. Я сказал:

— Алиса, спи немед-
ленно, а то...

— Что «а то», папа?

— А то я провидео-
фоню бабе-яге.

— А кто такая ба-
ба-яга?

— Ну, это детям на-
до знать. Баба-яга Костя-
ная нога — страшная,
злая бабушка, которая
кушает маленьких детей.
Непослушных.

— Почему?

— Ну потому, что
она злая и голодная.

— А почему го-
лодная?

— Потому что у нее в избушке нет продуктопровода.
— А почему нет?
— Потому что избушка у нее старая-престарая и стоит далеко в лесу.

Алисе стало так интересно, что она даже села на кровати.

— Она в заповеднике работает?

— Алиса, спать немедленно!

— Но ты ведь обещал позвать бабу-ягу. Пожалуйста, папочка, дорогой, позови бабу-ягу!

— Я позову. Но ты об этом очень пожалеешь.

Я подошел к видеофону и наугад нажал несколько кнопок. Я был уверен, что соединения не будет и бабу-яги «не окажется дома».

Но я ошибся. Экран видеофона просветлел, загорелся ярче, раздался щелчок — кто-то нажал кнопку приема на другом конце линии, и еще не успело появиться на экране изображение, как сонный голос сказал:

— Марсианское посольство слушает.

— Ну как, папа, она придет? — крикнула из спальни Алиса.

— Она уже спит, — сердито сказал я.

— Марсианское посольство слушает, — повторил голос.

Я повернулся к видеофону. На меня смотрел молодой марсианин. У него были зеленые глаза без ресниц.

— Простите, — сказал я. — Я, очевидно, ошибся номером.

Марсианин улыбнулся. Он смотрел не на меня, а на что-то за моей спиной. Ну, конечно, Алиса выбралась из кровати и стояла бо-
сиком на полу.

— Добрый вечер, — сказала она марсианину.

— Добрый вечер, девочка.

— Это у вас живет баба-яга?

Марсианин вопросительно посмотрел на меня.

— Понимаете, — сказал я. — Алиса не может заснуть, и я хотел провидеофонить бабе-яге, чтобы она ее наказала. Но вот ошибся номером.

Марсианин снова улыбнулся.

— Спокойной ночи, Алиса, — сказал он. — Надо спать, а то папа позовет бабу-ягу.

Марсианин попрощался со мной и отключился.

— Ну теперь ты пойдешь спать? — спросил я. — Ты слышала, что сказал тебе дядя с Марса?

— Пойду. А ты возьмешь меня на Марс?

— Если будешь хорошо себя вести, летом туда полетим.

В конце концов Алиса уснула, и я снова сел за работу. И засиделся до часу ночи. А в час вдруг приглушенно заверещал видеофон. Я нажал кнопку. На меня глядел марсианин из посольства.

— Извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас так поздно, — сказал он. — Но ваш видеофон не отключен, и я решил, что вы еще не спите.

— Пожалуйста.

— Вы не могли бы помочь нам? — сказал марсианин. — Все посольство не спит. Мы перерыли все энциклопедии, изучили видеофонную книгу, но не можем найти, кто такая баба-яга и где она живет.

...Мы летом живем во Внукове. Это очень удобно, потому что туда ходит монорельс и от него до дачи пять минут ходу. В лесу, по другую сторону дороги, растут подберезовики и подосиновики, но их меньше, чем грибников.

Я приезжал на дачу прямо из зоопарка и вместо отдыха попадал в кипение тамошней жизни. Центром ее был соседский мальчик Коля, который славился на все Внуково тем, что отнимал у детей игрушки. К нему даже приезжал психолог из Ленинграда и написал потом диссертацию о мальчике Коле. Психолог изучал Колю, а Коля ел варенье и ныл круглые сутки. Я привез ему из города трехколесную фотонную ракету, чтобы он меньше хныкал.

Кроме того, там жили Колина бабушка, которая любила поговорить о генетике и писала роман о Менделее, бабушка Алисы, мальчик Юра и его мама Карма, трое близнецов с соседней улицы, которые пели хором под моим окном, и, наконец, привидение.

Привидение жило где-то под яблоней и появилось сравнительно недавно. В привидение верили Алиса и Колина бабушка. Больше никто в него не верил.

Мы сидели с Алисой на террасе и ждали, пока новый робот Щелковской фабрики приготовит манную кашу. Робот уже два раза переговаривал, и мы вместе с Алисой ругали фабрику, но самим приниматься за хозяйство не хотелось, а бабушка наша уехала в театр.

Алиса сказала:

— Сегодня он придет.

— Кто — он?

— Мой привидений.

— Привидение — оно, — автоматически поправил я, не сводя глаз с робота.

— Хорошо, — не стала спорить Алиса. — Пускай будет мой привидение. А Коля отнял у близнецов орехи. Разве это не удивительно?

— Удивительно. Так что ты говорила о привидении?

— Он хороший.

— У тебя все хорошие.

— Кроме Коли.

— Ну, кроме Коли... Я думаю, если бы я привез огнедышащую гадюку, ты бы с ней тоже подружилась.

— Наверно. А она добрая?

— С ней еще никто не смог об этом поговорить. Она живет на Марсе, и брызгается кипящим ядом.

— Наверно, ее обидели. Зачем вы увезли ее с Марса?

Тут я ничего ответить не смог. Это была чистая правда. Гадюку не спрашивали, когда увозили с Марса. А она по пути сожрала любимую собаку корабля «Калуга», за что ее возненавидели все космонавты.

— Ну так что же привидение? На что оно похоже? — переменял я тему.

— Оно ходит, только когда темно.

— Ну, разумеется. Это испокон веку так. Наслушалась ты сказок Колиной бабушки...

— Колина бабушка мне только про историю генетики рассказывает, про Менделя.

— Да, кстати, а как реагирует твое привидение на крик петуха?

— Никак. А почему?

— Понимаешь, порядочному привидению положено исчезать со страшными проклятиями, когда прокричит петух.

— Я спрошу его сегодня про петуха.

— Ну хорошо.

— И я сегодня лягу попозже. Мне нужно поговорить с привидением.

— Пожалуйста. Ладно, пошутили, и хватит. Робот уже кашу переварил.

Алиса села за кашу, а я за ученые записки Гвианского зоопарка. Там была интереснейшая статья об укусах. Революция в зоологии. Им удалось добиться размножения укусов в неволе. Дети рождались темно-зелеными, несмотря на то, что у обоих родителей панцирь был голубым.

Стемнело, Алиса сказала:

— Ну, я пошла.

— Ты куда?

— К привидению. Ты же обещал.

— А я думал, что ты пошутила. Ну, если тебе так нужно в сад, то выйди, только надень кофточку, а то холодно стало. И чтобы не дальше яблони.

— Куда же мне дальше? Он меня там ждет.

Алиса убежала в сад. Я краем глаза следил за ней. Мне не хотелось вторгаться в мир ее фантазий. Пускай ее окружают и привидения, и волшебницы, и отважные рыцари, и добрые великаны со сказочной голубой планеты... Конечно, если она будет ложиться спать вовремя и нормально есть.

Я потушил свет на веранде, чтобы он не мешал мне присматривать

за Алисой. Вот она подошла к яблоне, старой и ветвистой, и встала под ней.

И тут... От ствола яблони отделилась голубая тень и двинулась ей навстречу. Тень будто плыла по воздуху, не касаясь травы.

В следующий момент, схватив что-то тяжелое, я уже бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Это мне уже не нравилось. Либо это чья-то неостроумная шутка, либо... Что «либо», я не придумал.

— Осторожно, папа! — сказала громким шепотом Алиса, услышав мои шаги. — Ты его спугнешь.

Я схватил Алису за руку. Передо мной растворился в воздухе голубой силуэт.

— Папа, что ты наделал! Ведь я его чуть не спасла.

Алиса позорно ревела, пока я нес ее на террасу.

Что это было под яблоней? Галлюцинация?

— Зачем ты это сделал? — ревела Алиса. — Ты же обещал...

— Ничего я не сделал, — отвечал я, — привидений не бывает.

— Ты же сам его видел. Зачем ты говоришь неправду? А он ведь не выносит движений воздуха. Разве ты не понимаешь, что к нему надо медленно подходить, чтобы его ветром не сдуло?

Я не знал, что ответить. В одном был уверен: как только Алиса заснет, выйду с фонарем в сад и обыщу его.

— А он тебе письмо передал. Только я его тебе теперь не дам.

— Какое еще письмо?

— Не дам.

Тут я заметил, что в кулаке у нее зажат листок бумаги. Алиса посмотрела на меня, я на нее, и потом она все-таки дала мне этот листок.

На листке моим почерком было написано расписание кормления красных крумсов. Я этот листок искал уже три дня.

— Алиса, где ты нашла мою записку?

— А ты переверни ее. У привидения бумаги не было, и я ему дала твою.

На обратной стороне незнакомым почерком было написано по-английски:

«Уважаемый профессор!

Я беру на себя смелость обратиться к Вам, ибо попал в неприятное положение, из которого не могу выйти без посторонней помощи. К сожалению, я не могу также и покинуть круг радиусом в один метр, центром которого является яблоня. Увидеть же меня в моем жалком положении можно только в темноте.

Благодаря Вашей дочери, чуткому и отзывчивому существу, мне удалось, наконец, установить связь с внешним миром.

Я, профессор Кураки, являюсь жертвой неудачного эксперимента.

Я ставил опыты по передаче вещества на далекие расстояния. Мне удалось переправить из Токио в Париж двух индюшек и кошку. Они были благополучно приняты моими коллегами. Однако в тот день, когда я решил проверить эксперимент на себе, пробки в лаборатории перегорели как раз во время эксперимента, и энергии для перемещения оказалось недостаточно. Я рассеялся в пространстве, причем моя наиболее концентрированная часть находится в районе Вашей уважаемой дачи. В таком прискорбном состоянии я нахожусь уже вторую неделю, и, без сомнения, меня считают погибшим.

Умоляю Вас, немедленно по получении моего письма пошлите телеграмму в Токио. Пусть кто-нибудь починит пробки в моей лаборатории. Тогда я смогу материализоваться.

Заранее благодарный Кураки».

Я долго вглядывался в темноту под яблоней. Потом спустился с террасы, подошел поближе. Блекло-голубое, еле различимое сияние покачивалось у ствола. Приглядевшись, я различал очертания человека. «Привидение» умоляюще, как мне показалось, вздымало к небу руки.

Больше я не стал терять времени. Я добежал до монорельса и со станции провидеофонил в Токио.

Вся эта операция заняла десять минут.

Уже на пути домой я вспомнил, что забыл уложить Алису. Я прибавил шаг.

Свет на террасе не был потушен.

Там Алиса демонстрировала свой гербарий и коллекцию бабочек невысокому изможденному японцу. Японец держал в руках кастрюльку и, не сводя глаз с Алисиных сокровищ, деликатно ел манную кашу.

Увидев меня, гость низко поклонился и сказал:

— Я профессор Кураки, ваш вечный слуга. Вы и ваша дочь спасли мне жизнь.

— Да, папа, это мой привидение, — сказала Алиса. — Теперь ты в них веришь?

— Верю, — ответил я улыбаясь. — Очень приятно познакомиться.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Горький, ГОРЯЩЕЕ СЕРДЦЕ ДАНКО	5
В. Маяковский, СКАЗКА О ПЕТЕ, ТОЛСТОМ РЕБЕНКЕ, И О СИМЕ, КОТО- РЫЙ ТОНКИЙ	9
А. Гайдар, СКАЗКА О ВОЕННОЙ ТАЙНЕ, О МАЛЬЧИШЕ-КИБАЛЬЧИШЕ И ЕГО ТВЕРДОМ СЛОВЕ. Иллюстрация художника В. Лосина	22
К. Чуковский, КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ. Иллюстрация художника М. Митурича	31
В. Бианки, ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРАВЬИШКИ. Иллюстрация художника Л. Ток- макова	37
П. Бажов, СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ	44
А. Митяев, МУРАВЕЙ И КОСМОНАВТ. Иллюстрация художника Ю. Молока- нова	49
А. Платонов, ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО. Иллюстрация художника К. Овчинни- кова	56
Б. Шергин, ЗОЛОЧЕННЫЕ ЛБЫ. Иллюстрация художника А. Семенцова- Огиевского	68
Е. Шварц, СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ	79
Л. Пантелеев, ДВЕ ЛЯГУШКИ	86
К. Паустовский, ПОХОЖДЕНИЯ ЖУКА-НОСОРОГА. Иллюстрация художника В. Гольдяева	88
С. Могилевская, СКАЗКА О ГРОМКОМ БАРАБАНЕ	94
Д. Хармс, ВО-ПЕРВЫХ И ВО-ВТОРЫХ. Иллюстрация художника Ф. Лемкуля	100
С. Михалков, КАК СТАРИК КОРОВУ ПРОДАВАЛ	105
Н. Носов, КОРОТЫШКИ ИЗ ЦВЕТОЧНОГО ГОРОДА. Иллюстрация художника Е. Мигунова	107
В. Каверин, ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ. Иллюстрация художника А. Каневского	113
Евг. Пермяк, САМОХОДНЫЕ ЛАПOTКИ. Иллюстрация художника В. Во- ронцовой	126
М. Пришвин, ВЕСНА СВЕТА	134
С. Маршак, ПРО ДВУХ СОСЕДЕЙ	138
В. Катаев, ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК	140
С. Нерис, ЭГЛЕ, КОРОЛЕВА УЖЕЙ. Иллюстрация художника А. Мокунайте	147
А. Вальдю, САМОЕ СВЕТЛОЕ СЛОВО.	162
П. Лукницкий, СКАЗКА О СОЛНЦЕ	166
И. Панькин, ЛЕГЕНДА О МАТЕРЯХ	173
О. Иоселлиани, БАЧО — ЗНАМЕНИТЫЙ ОХОТНИК. Иллюстрация художника В. Перцева	176
М. Кочнев, МИТКАЛЕВАЯ МЕТЕЛЬ. Иллюстрация художника В. Пензина	183
С. Писахов, КАК ПОП РАБОТНИЦУ НАНИМАЛ. Иллюстрация художника А. Сазонова	191

О. Высотская, ПРО ГЛУПОГО ЦАРЯ (сказка-шутка)	194
К. Лисовский, СКАЗКА ПРО КУКУШКУ	196
Т. Маврина, СКАЗОЧНЫЕ ЗВЕРИ. Иллюстрация художника Т. Мавриной	199
Д. Нагишкин, КАК МЕДВЕДЬ И БУРУНДУК ДРУЖИТЬ ПЕРЕСТАЛИ	202
Э. Межелайтис, НЕРИНГА. Иллюстрация художника Ю. Зальцмана	205
В. Осеева, ВОЛШЕБНАЯ ИГОЛОЧКА	213
С. Погореловский, ЭТА СКАЗКА ДЛЯ РЕБЯТ ПРО КИТА И ЛЕНИНГРАД	218
О. Иваненко, БЕЛОЧКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА	223
П. Мумин, СЛОН И ЛАВОЧНИК	228
С. Жемайтис, ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАКАРА ПЕРЫШКИНА В ПОДВОДНОМ ЦАРСТВЕ	231
Ю. Коринец, КОЛЕСО. Иллюстрация художников В. Андриевича и Б. Маркевича	236
К. Булычев, ДЕВОЧКА, С КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ (фантастическая сказка). Иллюстрация художника З. Воронцовой	247

Составитель **ЛЕОНИД АВРААМОВИЧ КАЯЕВ**

Обложки, форзац, заставки и макет художников
А. М. СЕМЕНЦОВА-ОГИЕВСКОГО
и З. В. ВОРОНЦОВОЙ

«ЖАР МЕЧТЫ». Сборник сказок советских писателей.
М., «Молодая гвардия» 1970.
236 с., с илл.

P2

Редактор **А. И. Алексеева**.
Художественный редактор **В. М. Плешко**.
Технический редактор **Г. Л. Прохорова**.

Сдано в набор 26/III 1970 г. Подписано к печати 16/XI
1970 г. А00757. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 16
(усл. 18,72). Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 200 000 экз. Цена
1 р. 43 к. Т. П. 1970 г., № 107. Заказ 172.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцеская, 21.

